

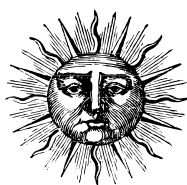
Международная Академия исследований будущего
Академия прогнозирования
Институт экономических стратегий

И.В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА

РОССИЯ В XX–XXI ВЕКАХ 1917–2017

Трижды от колосса
к коллапсу и обратно

Издание 2-е,
исправленное и дополненное

Москва
Международная Академия исследований будущего
2008

УДК 94(47+57)+008
ББК 63.3(2)6
Б537

Рецензенты:

Агеев Александр Иванович — доктор экономических наук, профессор;

Сидельников Юрий Валентинович — доктор технических наук, профессор.

Разработка серийного оформления: Б.Д. Шульгин

РПП ИНЭС Р737

ISBN 978-5-91452-001-1

© И.В. Бестужев-Лада, 2008

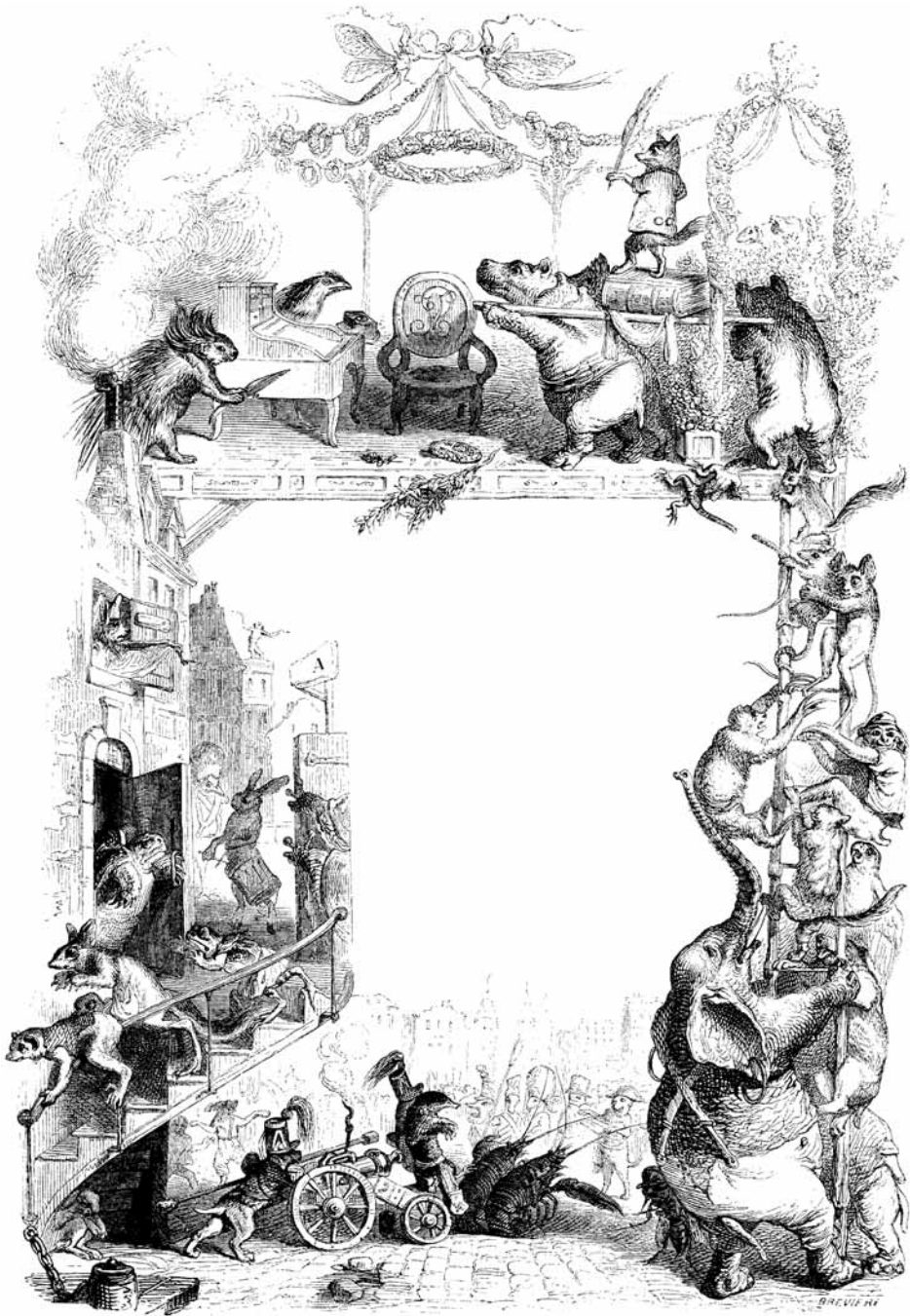
© Международная Академия исследований будущего, 2008

© Академия прогнозирования, 2008

© Институт экономических стратегий, 2008

Оглавление

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	5
ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ	
Россия больше невозможна?	6
ЧАСТЬ 1. ЖЕРТВЫ ОДНОЙ РЕАЛИЗОВАННОЙ УТОПИИ	
Загадка и разгадка таинственной «русской души»	27
«Социализм» против «социализма»	37
Социальные показатели «казарменного социализма» . .	47
Живучесть нежизнеспособной системы: история семи «перестроек»	66
ЧАСТЬ 2. АЗИЯ, ПРИТВОРЯЮЩАЯСЯ ЕВРОПОЙ	
Видимость работы за видимостью зарплаты	84
Кшатрии, брамины, парии...	
Советский и постсоветский варианты	93
Кто у нас теперь «хозяин земли русской»?	103
Третья и Четвертая мировые войны	112
ЧАСТЬ 3. КОЛОСС — КОЛЛАПС — СНОВА КОЛОСС?	
Семья: вырождение и выморочность	123
Реформа школы: почему нужна и почему не идет?	128
Академия наук как мавзолей агонизирующей науки . .	140
От медсанчасти к цивилизованной медицине	152
Культура под натиском антикультуры	158
Тупики гиперурбанизации.	176
Приближение экологической катастрофы.	187
Наркотизация общества	194
Мафизация общества	198
Какой должна быть боеспособная российская армия . .	203
ЧАСТЬ 4. КОНТУРЫ ГРЯДУЩЕГО	
Пять прошлых сценариев будущего: 1988–1992	209
Пять современных сценариев будущего: 2008–2012 . .	212
«Лучистое человечество»	217
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	219

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Рукопись первого издания этой книги под заглавием «РОССИЯ НАКАНУНЕ ХХІ ВЕКА. 1904–2004. От колосса к коллапсу и обратно» была подготовлена к печати по заказу одного из американских издательств в 1992 году и рассчитана на американского читателя. Однако долгие месяцы она пролежала в очереди на дешевый (московский) перевод с русского на английский — тогда, в отличие от наших дней, это была сложнейшая проблема. А затем издательство обанкротилось, и рукопись была отложена в «долгий ящик». Только в 1997 году она была издана Педагогическим обществом России. Понятно, ограниченным тиражом (1000 экз.), в расчете на узкий круг читателей. Столь же понятно, что ныне это — раритет, причем за прошедшие десять лет многое настолько устарело, что выглядит реликтом прошлого тысячелетия.

Поэтому, сохраняя общую канву первого издания, многое пришлось писать заново. Мало того, многое за эти десять лет оказалось настолько сложным для восприятия и понимания, что представляется целесообразным не ограничиваться одной авторской позицией, а сопоставить ее и с другой точкой зрения.

В итоге получилась книга, уходящая корнями в первое издание (и потому именуемая «вторым изданием»). Но первоначальный текст исправлен и дополнен в таких масштабах, что с тем же успехом книгу можно считать написанной заново.

Надеемся, что исправления и дополнения оказались адекватными сегодняшнему дню.

О.П. Бардова

Вместо введения. РОССИЯ БОЛЬШЕ НЕВОЗМОЖНА?

Словосочетание, вынесенное в заголовок введения к книге, сегодня можно понять только как крик ужаса или отчаяния. Но в первой половине 1990-х годов (да и во второй половине — тоже) для таких эмоций имелись понятные всем — по крайней мере, в России, — основания.

Только что рухнул тоталитарный монстр, внушавший окружающему миру такой же страх, как сегодня — в первом десятилетии XXI века — пресловутый «международный терроризм». Но вместо ожидавшейся «демократии», под которой подразумевались нигде в мире не существующие благополучие и справедливость для всех, наступила самая настоящая плутократия. Во всех смыслах этого понятия. И как «власть богатых» — неведомо откуда взявшихся богачей-миллиардеров. И как власть отъявленных плутов-мошенников, почти десять лет безнаказанно глумившихся над страной.

Теперь это уже давняя история. Но тогда казалось, что Россия катится напрямик к катастрофе, и каждый день приносил новые подтверждения неизбежности кошмарной перспективы.

Цены круто взметнулись вверх, счет с десятков и сотен рублей быстро пошел на тысячи и миллионы, а зарплата ползла следом черепахой, все заметнее снижая уровень жизни. Более того, миллионы рабочих и служащих вообще перестали получать зарплату, стали — как колхозники при Сталине — жить картошкой со своих «шести соток» и перебиваться случайными заработками. Из обычных «средняков» подавляющее большинство населения (80%) скатилось на уровень бедняков и даже нищих, выживавших только благодаря «левым» доходам «теневой экономики». А на другом полюсе горстка проходимцев, названных «новыми русскими» (1,5% населения), ворочала миллионами долларов, строила себе роскошные виллы с дорогостоящей охраной, обзаводилась лимузинами, яхтами и самолетами, переводила на свои тайные личные счета в зарубежных банках миллиарды долларов.

Паразиты, одолевшие организм, обычно разваливают его и доводят до гибели. Паразиты, овладевшие государством, стали разваливать государство. Армию довели до убогого, небоеспособного состояния. Разгромили органы государственной безопасности. Конечно, с одной стороны, они были ненавистны народу как орудие сталинского террора. Но ведь, с другой стороны, эти органы обеспечивали безопасность государства! На несколько лет Россия стала фактически беззащитной, как Китай в XIX веке. Разгромлены были также промышленность и сельское хозяйство, подорвана экономика страны. Россия превратилась в еще одну Руанду-Бурунди — простой рынок сбыта для иностранных монополий.

Есть такое понятие «агент влияния» (имеются в виду лица, отстаивающие интересы не своей, а дру-

гой страны). Это не обязательно шпион-диверсант. Субъективно он может считать, что действует в интересах своего народа, но объективно он защищает чужие интересы. Так вот, такими «агентами влияния» враждебных России западных держав стали первые президенты СССР и России, а также их подельники. Фактически даже не «агентами влияния», а самыми настоящими государственными преступниками. Только история распорядилась так, что за свои тяжкие преступления они не только не понесли никакого наказания, но, напротив, считаются до сих пор чуть ли не национальными героями.

Самым тяжким их преступлением стал развал единого социально-экономического пространства, которое в разные времена называлось по-разному, но многие сотни лет оставалось единым. В начале развала был пьяный бред: «Берите столько суверенитета, сколько сможете». А в конце — тысячи трупов и миллионы беженцев, как от нашествия захватчиков. Сегодня это бедственное состояние более или менее «стабилизировалось», стало привычным. Политологи подсчитали, что если все народы бывшего СССР расселить строго по их «историческим ареалам», то получатся 75 млн беженцев, то есть беженцем станет каждый четвертый! И погибших будут уже не тысячи, а миллионы.

Такое злодейство неизбежно должно было вызвать социальный протест. И социологические опросы показали, что против новой власти (читай: «новых русских») готово было активно выступить не менее 35–40% населения. Но «политтехнологи» московского Кремля придумали хитроумный маневр. Они выделили многомиллиардные средства на создание групп

пировок левых и правых экстремистов, за которыми пошли десятки процентов избирателей. Однако большинство, в ужасе перед перспективой возвращения в 1937 год или превращения страны в арену кровавой национальной междоусобицы, как в Югославии, отшатнулось от них к полностью дискредитировавшему себя президенту России как к «наименьшему злу». И президент, чей рейтинг на протяжении первой половины 1990-х годов упал в десять раз — с большинства до считанных процентов, — сохранил власть на вторую половину десятилетия.

Конечно, это не пошло на пользу стране. На протяжении второй половины десятилетия безобразия продолжались, достигли апогея в пресловутом «дефолте» — финансовом крахе 1998 года, рейтинг президента вновь покатился к нулю. И не миновать бы социального взрыва, но правящий клан предпочел почетную отставку. Нашелся трезвомыслящий офицер, который сначала возглавил правительство, а затем был избран президентом страны на один, а потом и на второй срок. Он начал восстанавливать разваленное государство и добился внушительных успехов. При его правлении в 2000–2008 годах Россия получила вторую за свою тысячелетнюю историю «передышку» (первая была в 1921–1929 годах при ленинском НЭПе). На протяжении более тысячи лет, предшествовавших НЭПу, а также семидесяти лет после НЭПа, положение страны было много хуже. Это не значит, конечно, что в России наступил «рай земной». Проблем все еще хватает — и нам придется говорить о них в последующих главах. Но сначала надо рассказать, как возникли эти проблемы, и этому будет посвящена первая часть настоящего изложения.

Во введении к первому изданию (рассчитанному, повторяем, на иностранного читателя) автору пришлось довольно подробно рассказать о себе — чтобы не выглядеть типичным графоманом — как об историке, социологе, политологе, культурологе, философе истории и футурологе, авторе сотен научных и сотен публицистических трудов на эту тему. Спустя полтора десятка лет в этом больше нет необходимости, потому что за это время вышло еще более десятка моих книг, так или иначе связанных с нашей темой. Среди последних — «Моя Богоданная Россия. История восьми диктатур» (М.: ИНЭС, 2007) и «Очень уж краткая история человечества с древнейших времен до наших дней и даже несколько дольше» (М.: ИНЭС, 2007), а также шесть томов мемуаров, изданных однотомником в издательстве ЭКСМО-Алгоритм («Свожу счеты с жизнью», М., 2004). Они представлены также в Интернете (Электронная библиотека Кирилла и Мефодия).

Нельзя забывать о том, что полтора десятка и даже менее десятка лет назад перспективы России выглядели намного более мрачно и неопределенно, чем сегодня, во второй половине первого десятилетия XXI века. По мнению автора — и, конечно, не только его одного, — страна под властью компрадоров катилась в направлении столь же компрадорской Колумбии: горстка всевластных олигархов с миллиардными счетами в американских банках, сильнейшая мафия и беспросветная нищета основной массы населения. Вся разница в том, что в Колумбии компрадоры наживаются на бананах, нефти и газе, а в России — только на нефти и газе, зато в гораздо больших масштабах. Взяли бы верх коммунисты — и мы из Колумбии пря-

миком попали бы в Северную Корею (или, что то же самое, в сталинский СССР). Взяли бы верх националисты — и мы превратились бы в Югославию с ее кровавой национальной междоусобицей. Сам автор был сторонником «Соединенных Штатов Евразии», то есть некоего подобия Объединенной Европы.

Ныне компрадоры оттеснены от руля правления государством (хотя их экономический вес по-прежнему значителен). Удельный вес бедности и нищеты снижен почти вдвое (хотя та и другая остаются острейшими социальными проблемами). На руинах эфемерного СНГ все четче вырисовываются две группы стран — бывших республик СССР. Одна, правительства которых занимают открыто проамериканскую, антироссийскую позицию (Эстония, Латвия, Литва, Украина, Молдавия, Грузия). И другая, старающаяся держаться независимо от США и тяготеющая к России (Беларусь, Казахстан, Армения, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан). Да и отношения между Россией и США ныне приобрели существенно иной характер, чем в 1990-е годы.

Итак, прежде чем рассматривать современные экономические, социальные и политические проблемы России, напомним сначала, как именно эти проблемы возникли.

Что же касается вопроса, насколько основательны приводимые ниже данные, то, ссылаясь на указанную выше литературу, ограничимся короткой справкой о личности автора и о характере данных, которые он получил за полвека работы над социальными проблемами своей страны.

Первое издание данной книги выходило в условиях, когда догорала ожесточенная полемика меж-

ду сталинистами и противостоявшими им довольно разношерстными «демократами», в том числе так называемыми «шестидесятниками», которые выросли в 1960-е годы (после общеизвестных разоблачений «культа личности Сталина» на XX-м съезде КПСС в 1956 году) и к которым принадлежал автор.

В те времена один из критиков многочисленных антисталинистских статей автора злобно клеймил их и присвоил им ярлык «алармистского приема, преувеличения, чтобы разбудить этих увальней-русских». Сомнению подвергалось буквально все — от количества жертв сталинских репрессий до количества беженцев в Россию из стран СНГ, от количества погибших от массового голода в 1921–1923, 1932–1933 и 1946–1947 годах до подлинной цены для СССР гонки вооружений с США (цены, оказавшейся неподъемной и приведшей в конечном счете к фактической капитуляции СССР). Приходилось опровергать клеветников с цифрами в руках — теми цифрами, в которых могут ныне сомневаться только не успевшие умереть маразматики-сталинисты. Стоит добавить, что ставились под сомнение компетентность и национальность автора. Ученый ли он? Русский ли он?

Мои отец и мать — русские из Саранского уезда Пензенской губернии (ныне входит в состав Мордовии). Родился я в селе Лада, что в 40 км к северо-востоку от Саранска и в 700 км к востоку от Москвы, между древними русскими городами Пенза и Нижний Новгород, Рязань и Симбирск (переименованный в честь Ленина в Ульяновск и сохранивший это название до сих пор — нам еще предстоит разобраться в причинах такой скандально-межеумочной топографии современной России). Знаю родителей своей матери на два

предшествующих им поколения, родителей отца — на целых восемь, т.е. до XVII века. Те и другие были крестьянами русского анклава, возникшего еще в XVI веке, после завоевания Иваном Грозным Казанского ханства, и окруженного со всех сторон угро-финскими и тюркскими племенами: эрзя, мокша, шокша, мари́йцы (черемисы), чуваша, татары и др. Обстановка на протяжении XVI — начала XX века была здесь такая, что межплеменные браки являлись крайней редкостью, сенсационным событием. Поэтому можно с уверенностью сказать, что я — русский на 800%, и мне невозможно «примазаться» ни к какой другой нации, даже если бы я очень захотел того.

Правда, 31 год назад, в 1977 году, мне был вручен диплом почетного гражданина города Новый Орлеан. Но думаю, что это не имеет отношения к гражданству США и является обычным актом благодарности за курс лекций, прочитанный мною в нескольких университетах города и вряд ли способный произвести впечатление на иммиграционную службу США. Мне никогда — даже в минуты отчаяния — не приходило в голову обращаться в какую бы то ни было иммиграционную службу. Видимо, моя судьба — родиться, жить и умереть русским, среди своего народа, на своей Родине. Для подавляющего большинства русских это типично.

Мало того. Я никогда не смог бы уехать из России, жить вне России и без России, даже если бы мне предлагали самую престижную работу и самую высокую зарплату. Не потому, что я в восторге от своей жизни в родной стране. И не потому, что считаю русских лучшей нацией в мире (думаю, что лучших и худших наций, в отличие от людей, не существует вообще).

Не могу даже повторить применительно к России слова одного моего французского друга, который сказал, что не представляет своей жизни вне Франции, потому что не представляет жизни без французской кухни, французских женщин, французского языка и культуры (именно в таком порядке). Конечно, я тоже реагирую на русскую кухню, русских женщин и особенно на русский язык. Но главное, после максимум одной-двух недель пребывания не то что в любой стране мира — в любом городе или селе, кроме Москвы, Саранска и моей родной Лады, начинаю считать оставшиеся до возвращения дни.

Дело в том, что меня связывают с Россией не просто привычная кухня, наиболее привлекательные женщины и единственный язык, на котором я думаю и которым владею не просто свободно, но главное — постоянно и каждодневно, а также культура, в которой вырос. И даже не просто труднообъяснимая и очень сильная любовь к родным местам. И совсем не безумная любовь к своему народу. Мягко говоря, не очень сильная — скорее, ревниво-критическая: из последующего изложения станет ясно, почему. И уж вовсе не националистический пыл, который я презираю у всех наций мира, не исключая русских.

Меня связывают с Россией проблемы — прежде всего социальные проблемы, изучение которых стало одной из моих профессий. Можно сказать, я тяжело болен этими проблемами. Разрешение их сделалось главным в моей жизни, и за оптимальное решение их я готов, как говорят русские, жизнь положить, если понадобится. Это — как любовь дона Хозе к Кармен или кавалера де Грие к Манон Леско. Тут рассудок бессилён что-либо приказать. Тут повелевает серд-

це. Наверное, это и есть та самая настоящая Любовь (с большой буквы), в которой я только что попробовал усомниться.

Беседуя со своими иностранными друзьями, я, конечно же, интересуюсь их проблемами (в первую очередь, общественно-политическими). Но это не более чем любознательность, ибо их проблемы для меня — пусть прелестные, но незнакомки. Я не знаю, как их решать, и реагирую на них как школяр, который в ответ на замечание учителя, что его очень заботит успеваемость своего подопечного, совершенно искренне ответил: «Мне бы ваши заботы, господин учитель!» Именно это я обычно и говорю своим иностранным друзьям, когда слышу, какие сущие пустяки (с моей точки зрения) волнуют людей в Северной Америке и Западной Европе.

Что касается российских проблем, шире — глобальных проблем всего человечества в целом, — то я их скрупулезно изучаю уже более полувека и тешу себя надеждой, что сравнительно хорошо знаю их происхождение, их особенности и реальные возможности их решения. И собираюсь поделиться своими знаниями с читателями этой книги.

Чтобы мои слова не выглядели хвастовством, могу сообщить, что к довольно основательным знаниям у меня был долгий и сложный путь.

Я начал свою карьеру историка, социолога и футуролога (впоследствии к этому присоединились также политология, культурология, философия истории, публицистика и беллетристика) более полувека назад, в 1951 году, как только окончил вуз и поступил в аспирантуру. Начал перепиской с кремлевской канцелярией — довольно зловещим учреждением во вре-

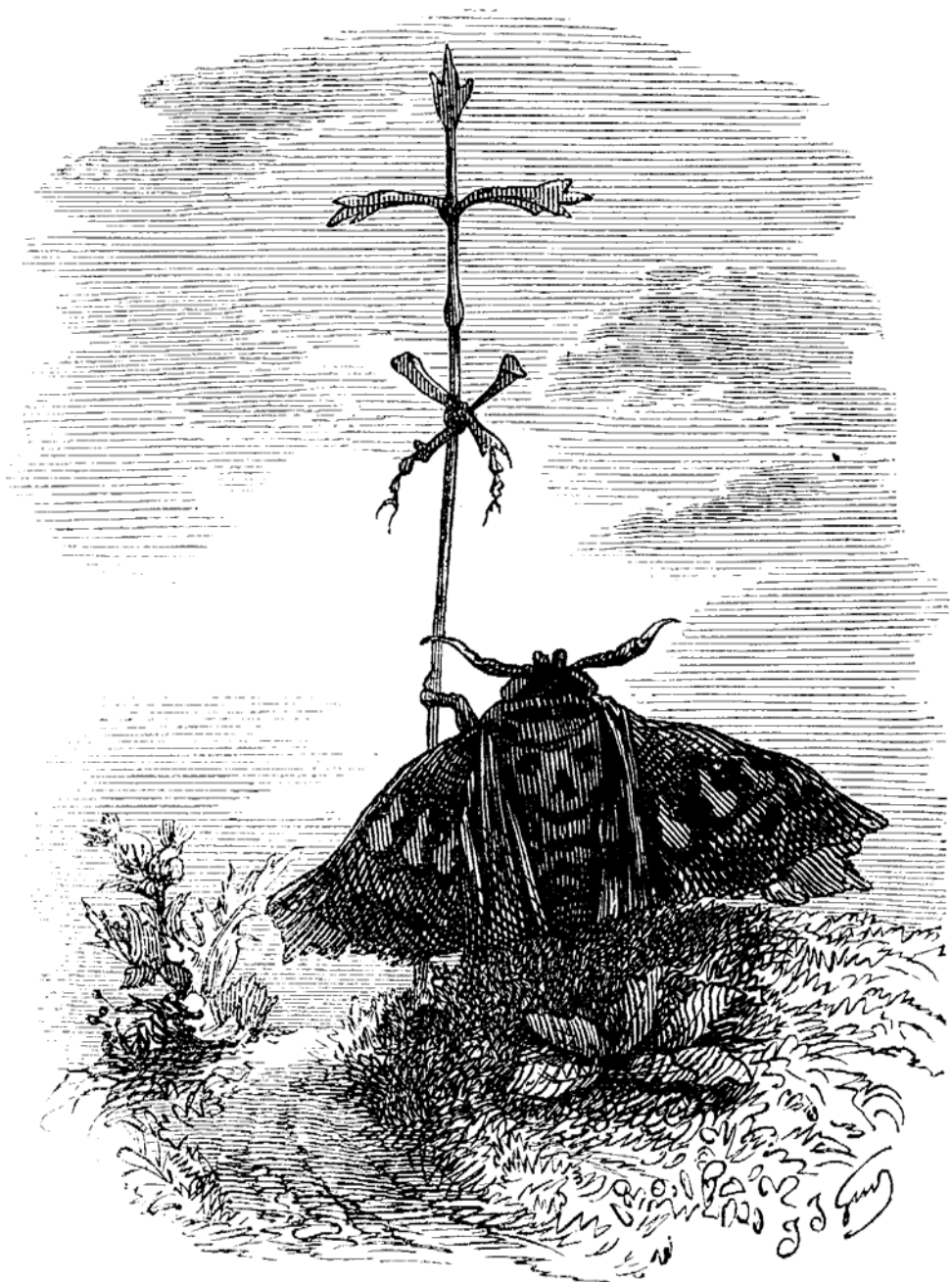
мена Сталина. Одна из предлагавшихся мною идей была проста: постепенно, на протяжении двух-трех десятилетий, заменить все школы в СССР интернатами, полностью отделить непорочных детей от уже zelo порочных родителей (последнее было видно воочию), поручить воспитание детей отборным педагогам-коммунистам и получить — поколение за поколением — достойных восхищения людей Светлого Будущего. Другая идея предвосхищала начинавшуюся в те годы глупую кампанию: переодеть рабочих и служащих — профессия за профессией — в мундиры со знаками различия, чтобы хоть чем-то подкрепить довольно скудные стимулы их труда. Чуть позже умные люди помогли мне понять, что и то, и другое — очередные вредоносные утопии, такие же, как и весь марксизм-ленинизм-сталинизм-маоизм-чучхеизм. А из Кремля меня отвадили пустыми отписками. Тогда от утопий меня бросило в фантастику.

Третьей идеей было написать научно-фантастический роман о коммунизме. Да такой, чтобы прочитавшие его устыдились своих пороков и более энергично устремились бы к лучшей жизни. Как говорится, в лучший мир, только земной.

Забегая вперед, скажу, что такой роман спустя несколько лет был действительно написан. Только не мной, а человеком, ставшим одним из моих духовных наставников, можно сказать, старшим другом — знаменитым ученым и писателем-фантастом Иваном Ефремовым. Он назывался «Туманность Андромеды» (1957) и вот уже ровно полвека остается лучшим произведением советской фантастики. Правда, и этот талантливый роман никаких практических последствий не имел.

Изучая материалы для задуманного произведения, я за несколько лет перечитал все книги «о будущем», какие только мог найти в московских библиотеках. В дополнение к «очному» учителю И.А. Ефремову (и чуть позднее — академику А.И. Бергу) обрел двух заочных — Герберта Уэллса и К.Э. Циолковского. И однажды весной 1956 года, под впечатлением от прочитанного, я пришел к выводу: все, о чем я читал, вполне могло бы стать полем научного исследования. И если есть «наука о прошлом» — история, то почему бы не быть «науке о будущем»? Я тут же назвал ее (для себя) звучным именем «футурология». Не зная, конечно, что мой будущий друг Осип Флехтгейм уже сконструировал этот термин за 13 лет до этого — правда, тогда в несколько ином значении «философии будущего».

Прошло еще несколько лет. Выяснилось, что «футурологией» заинтересовались независимо друг от друга австрийский публицист Роберт Юнгк, французский социолог и экономист Бертран де Жувенель, американский социолог Дэниел Белл, норвежский социолог Йохан Галтунг и еще несколько западных ученых. Личное знакомство с ними и последовавшая за этим оживленная переписка привели нас всех к выводу, что никакой «науки о будущем», в отличие от истории, в принципе быть не может, потому что прогнозом, равно как анализом и диагнозом, должны заниматься, каждая по-своему, все без исключения науки. В результате появился междисциплинарный научный комплекс «исследование будущего», на базе которого возникло современное технологическое прогнозирование, ориентированное не просто на предсказание, а на выявление назревающих проблем и путей

их решения. Эффективность такого подхода породила на Западе «Бум прогнозов» — появление десятков и сотен исследовательских центров, занявшихся разработкой технологических прогнозов.

Еще позднее на этой базе возникли современная глобалистика — комплексное исследование глобальных проблем современности, а также альтернативистика — столь же комплексное исследование возможных путей решения таких проблем.

Следующий этап моего продвижения к пониманию того, что происходило и происходит с моей страной (и, конечно, не только с ней), а также каковы выходы из создавшегося положения, занял более 15 лет и в свою очередь разделился на два этапа.

Первый (1956–1965) состоял в подготовке на основе собранных материалов трех объемистых рукописей — о науке и технике будущего, о перспективах социально-экономического соревнования капитализма с социализмом и о возможной Третьей мировой войне (автор не знал, что эта война была уже в разгаре под названием «холодной»). Долгие годы прошли в тщетных попытках издать эти рукописи. Наконец, первая из них в сильно урезанном виде увидела свет в книгах «Если мир разоружится» (1961) и «Контурсы грядущего» (1965). Но только под псевдонимом И. Лада — по названию села, в котором я родился (как раз в это время я завершал работу над докторской диссертацией по предыстории Первой мировой войны, и мне было бы несдобровать, если бы мои академические коллеги узнали о таком скандальном для тех времен занятии, как попытка исследовать будущее за рамками канонических квазирелигиозных догм «научного коммунизма»).

В 1967 году, когда «Бум прогнозов» докатился с Запада до СССР, и практика прогнозирования, хотя со всяческими оговорками, но была легализована, два разных человека под фамилиями Бестужев и Лада — каждый со своими книгами, статьями, корреспонденцией — объединились в одного под фамилией Бестужев-Лада, коего, таким образом, несмотря на его 80 лет, можно поздравить с 40-летием.

Второй этап (1965–1971) состоял в попытке, опираясь на опубликованные книги — а публикация была равнозначна в СССР официальному признанию того, что изложенное не является чем-то антимарксистским-антисоветским, — создать государственную службу прогнозирования, параллельную уже имевшейся службе планирования. Цель — сделать последнюю более эффективной путем «взвешивания» возможных последствий намечаемых плановых решений, т.е. с опорой на прогнозы. Служба проектировалась на трех уровнях: комиссия прогнозирования при Политбюро ЦК КПСС для прогнозного обоснования решений, принимаемых на самом высоком уровне; отделы прогнозирования в Госплане, в других ведомствах, а также в регионах с задачей подготовки материалов для указанной выше комиссии; научно-исследовательский институт для методологического обеспечения этой работы, а также кафедры в вузах для подготовки кадров разработчиков прогнозов.

Здесь автор должен сделать небольшое отступление и сообщить читателю еще один факт. То, что на нем висит что-то вроде проклятия, сходного с общеизвестным проклятием Кассандры. Моим прогнозам до сих пор верят не больше, чем ее, хотя и она, и я честно предупреждали о грядущих неизбежных неприятнос-

тях. Только Кассандра говорила о своем родном городе, а я — о своей родной стране и о судьбах человечества в целом. Кроме того, какая бы идея ни пришла мне в голову, она спустя какое-то время обязательно претворяется в жизнь, причем, как правило, совершенно без моего ведома и в таком ужасающе мерзком виде, что я прихожу в отчаяние.

Так стало и с государственной службой прогнозирования, которая, совершенно независимо от моих личных стараний, сначала (в 1968 году) была создана на всех перечисленных уровнях в Болгарии и ГДР, а затем (в 1972–1979 годах) постепенно сложилась в Советском Союзе. Здесь она приняла форму так называемой Комплексной программы научно-технического прогресса. Эту программу разрабатывали в начале каждой пятилетки на 20 лет вперед несколько тысяч сотрудников различных научных учреждений. Ее сводили более чем в 50 томов «для служебного пользования» по числу комиссий особого Научного совета по научно-техническому и социально-экономическому прогнозированию при Президиуме АН СССР под председательством одного из вице-президентов Академии. Позднее эту работу стал координировать особый институт Академии наук с несколькими сотнями научных сотрудников.

Такая титаническая работа проделывалась четырежды (в 1972–1974, 1976–1978, 1981–1983 и 1986–1988 годах). Я принимал в ней участие как сотрудник академического института. И только в 1990 году обнаружилось, что работники Госплана никогда не обращали на прогнозные материалы никакого внимания. Разрабатывали свои планы по старинке, чисто волюнтаристски, «от достигнутого» (например, завод

выпускал тысячу тракторов, ему планировали на следующую пятилетку тысячу сто — и упаси боже хоть трактором меньше, плохо придется и директору, и всем работникам завода!) А спустя год выяснилось, что никакого «социалистического планирования» (пятилетки 1928–1990 годов) вообще не было. Был обычный политический блеф с манипулированием цифрами, которые имели мало общего с реальной действительностью и преследовали единственную цель — обман мирового общественного мнения и систематическое оболванивание граждан страны. Реальные бюджет и планы тайно вырабатывались госаппаратом и столь же тайно утверждались на Политбюро ЦК КПСС. Нетрудно представить себе, что представляло собой на деле «прогнозное обоснование» такого блефа. И какое счастье для советских футурологов, что их платонические, вынужденно пустословные труды оставались без внимания! Иначе ученых можно было бы обвинить в том, что они «прозевали» надвигающуюся катастрофу.

Но вот в 1966 году наступила третья по счету «перестройка» — всего их было семь и сейчас с 2000 года идет восьмая (нам еще предстоит разбираться со всеми восемью). А с 1971 года начался новый возврат к «первобытному» — в смысле суровости тоталитарного режима — состоянию. Общественные науки (включая широко развернувшееся прогнозирование) подверглись очередному разгрому. Я и тысячи других научных работников получили выговор по партийной линии. Правда, особой вины за мной не числилось, и я отделался сравнительно легко — своего рода «домашним арестом» всего на два с лишним года, т.е. сохранил должность и зарплату, но лишился права выступать публично в печати, на радио и телевидении,

в любой аудитории, включая вузовскую, а также лишился права выезда за рубеж и поездок по стране.

Многие пострадали гораздо больше: потеряли работу и заработок, либо оказались под «домашним арестом» на целые 20 лет, вплоть до крушения СССР.

За два с лишним года вынужденного безделья (впрочем, я работал над опубликованными потом книгами) я понял, что мои попытки дать «прогнозное обоснование» политическим решениям тоталитарного правительства равносильны попытке научить пользоваться телефоном Аттилу или Чингисхана. Правда, надо честно сознаться, что в то время я еще не подозревал, какая шайка разбойников правила моей родной страной как с 1917 года, так и на протяжении целого тысячелетия до этого. Но уже тогда осознал, что социалистические и коммунистические лозунги в тоталитарном государстве — это всего лишь словесная ширма для господства и злодеяний кучки отъявленных преступников, ничем существенно не отличавшихся от фашистских главарей или от «крестных отцов» мафии.

Надо было что-то предпринимать. Вариантов имелось всего три. Публично протестовать — и тогда меня ждала обычная участь советского диссидента: тюрьма или сумасшедший дом. К этому я был психологически не готов. Бежать за рубеж, чтобы подать голос протеста оттуда. Решиться на такое было трудно, потому что, как уже говорилось, любая другая страна, кроме России, для меня равнозначна тюрьме, пусть даже самой комфортной. Рад, что не уехал, потому что вряд ли мог добавить что-нибудь существенное к открытию «Архипелага Гулага». Наконец, протестовать подцензурно — в книгах, статьях, лекциях,

выступлениях раскрывать, какие реальные социальные проблемы (далекие от официальных пропагандистских проблем) стоят перед советским обществом, как они возникли, в чем их особенности и каким образом их можно преодолеть.

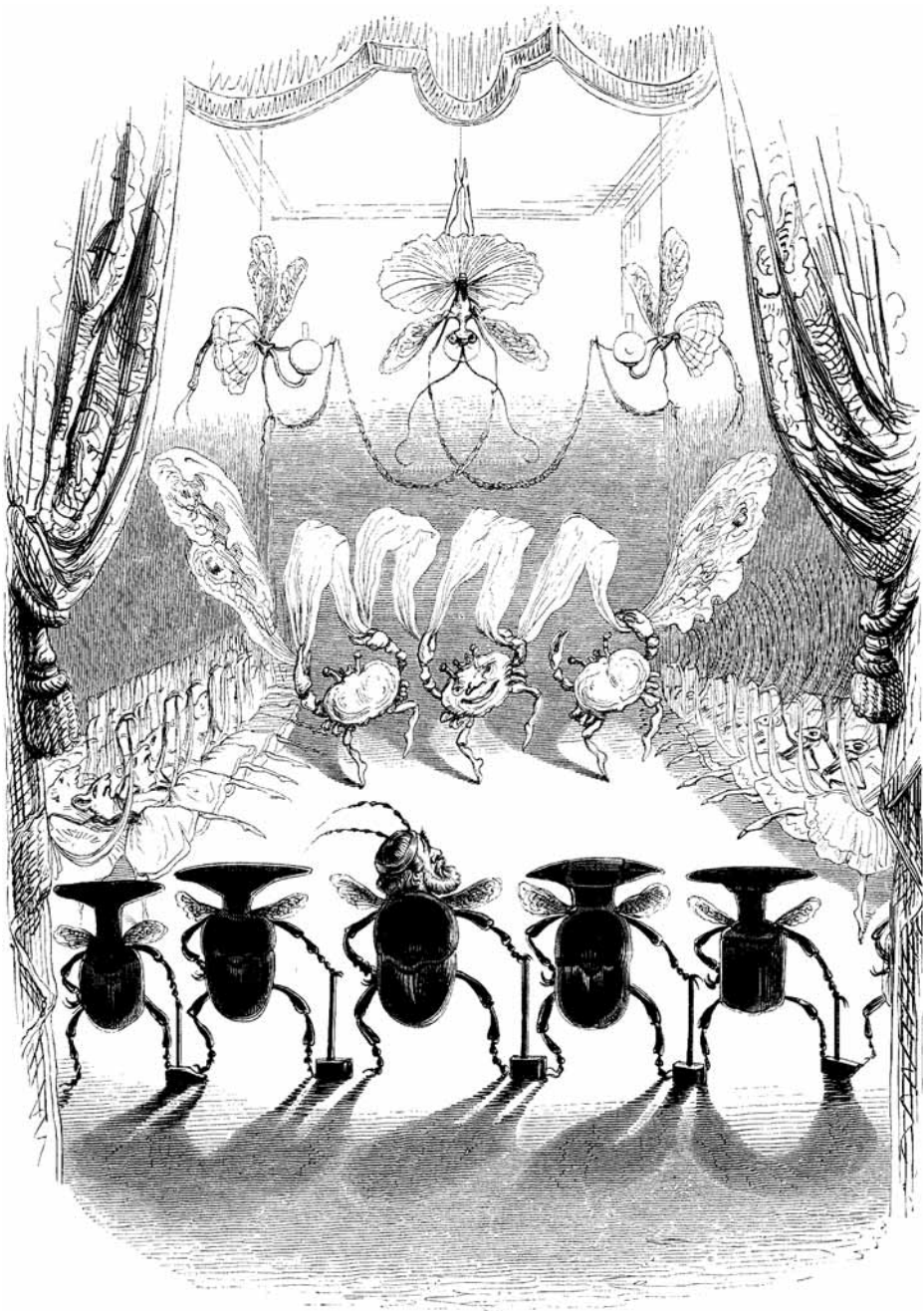
Для этого надо было досконально изучить эти проблемы — прежде всего социальные, которыми занимается социология (в пределах моей профессиональной компетенции). Разобраться хотя бы с основными показателями, которые характеризуют формирование соответствующей проблемной ситуации и прогнозные пути выхода из нее. Именно этим я и занимался более 15 лет (1975–1991). Мало кто из моих коллег решился на такой объем и охват советской социальной проблематики. Достаточно сказать о многих сотнях моих выступлений о результатах своих исследований перед самой разнообразной аудиторией. Мне повезло: мою деятельность в ЦК КПСС квалифицировали как «легальный антимакиавизм» (по аналогии с «легальным марксизмом» конца XIX века) и ограничились несколькими устными «внушениями». Затем дело дошло до очередного выговора, но шел 1990 год, и я предпочел расстаться с КПСС по своей инициативе.

Таким образом, все, о чем говорится в этой книге, выстрадано и выработано систематическим трудом историка, социолога, футуролога, позднее также политолога и культуролога на протяжении целого полувека. Отдаю себе отчет в том, что многое из написанного — дискуссионно, но все это отнюдь не эмоциональный «всплеск», а результат научных исследований. А вот изложение — публицистическое, поскольку я пытался изложить всю проблематику возможно менее занудно, пером журналиста.

Чтобы покончить с вопросом о том, кто такой автор и какие у него основания отстаивать свои взгляды, добавлю: в 1985 году активно поддержал «перестройку» Горбачева, но в 1987 году увидел ее провал и нарастающую опасность реставрации сталинизма. Печатно потребовал посмертного суда над Сталиным и его поделчиками, за что был дважды приговорен сталинистами к смертной казни (так и не состоявшейся). Когда в 1991 году произошел развал единого социально-экономического пространства страны, а к власти вместо шайки разбойников пришла шайка мошенников, дважды пытался организовать реальную оппозицию власти, но потерпел неудачу и с 1996 года отошел от политической деятельности.

Конечно, читателю надо иметь в виду, что политические взгляды автора не могли не отразиться на написанном. Но автору пошел уже девятый десяток, его больше не волнуют ни политические, ни любые другие страсти. Его кредо — меньше субъективных эмоций, больше реальных фактов и основанных на них объективных оценок.

Насколько это получилось — судить читателю.

Часть 1. ЖЕРТВЫ ОДНОЙ РЕАЛИЗОВАННОЙ УТОПИИ

ЗАГАДКА И РАЗГАДКА ТАИНСТВЕННОЙ «РУССКОЙ ДУШИ»

Про таинственную русскую душу каждый слышал, наверное, тысячу раз. И не раз читал. Что это такое — не знает никто (поэтому и «таинственная»). Чаще всего подразумевается, что таинственность русской души — в ее необычайной широте. Но что такое «широта»? Не географическая же координата, перпендикулярная «долготе»! Когда разберешься основательнее, что именно под этим понимается, то выясняются три особенности.

Первая особенность — необычайная доброта.

Вообще говоря, добрые люди (как и злые) есть в каждом народе. Но есть народы, где добрый человек — скорее исключение. А злой как голодный волк — правило. Или воинствующе эгоистичный, безразличный к чужому горю, жестокий, думающий только о себе, о том, как использовать окружающих в своих личных интересах, что порой бывает похуже всякой злобы. Есть народы, у которых масса достоинств. Например, трудолюбие, дисциплинированность, музыкальность и т.д. И только на последнем месте — доброта. А есть народы, у которых масса недостатков, но именно доброта поражает воображение. Вот к таким народам относятся русские.

Общеизвестно, что русские женщины одинаково высоко ценятся и на Западе, и на Востоке. Не только за пластику, величавость осанки и походки. Прежде

всего, за исключительную доброту. У мужчин это менее заметно, но в сравнении со многими другими народами — более. В свою очередь, доброта выражается в необычайно большой толерантности, терпимости, самоотверженности, способности к сочувствию, состраданию.

У этой медали есть и оборотная сторона: поразительная терпимость к угнетению, к страданиям от угнетения.

Напомним, что среди русского дворянства со времен Киевской Руси и Московского царства было до 40% выходцев с Запада (от варягов до немцев) и до 40% выходцев с Востока (от половцев до татар). Императорский двор с его мундшенками и оберфоршнайдерами 200 лет был стопроцентно немецким. В СССР от 30 до 70% всех «теплых мест» — от наркомата до склада, от Академии наук до Союза писателей — занимали персонажи, на лбу которых было написано: «сами мы не местные». Да и в постсоветской России большинство олигархов и представителей высшего класса общества — отнюдь не русские. Ни один народ мира не потерпел бы на своих рынках засилья инородцев, собирающих огромную «дань» с местных жителей. Русские же пока лишь мечтают ограничить масштабы этого вымогательства.

Вторая особенность — необычайно гуманное умонастроение, когда на первом месте в системе ценностей человека — судьбы человечества, затем — судьба собственного народа, затем — судьба собственной семьи и меньше всего — собственная судьба.

Именно такое умонастроение отличало типично русское порождение конца XVIII — начала XX веков — «интеллигенцию» (термин русского происхождения,

имеющий существенные отличия как от западного «интеллектуалы», так и от восточного «дервиши»). Сегодня от былой интеллигенции мало что осталось. Эту породу выкорчевывали поколение за поколением с 1917 года. Однако трагическая судьба Андрея Сахарова, русского Роберта Оппенгеймера, показывает, что кое-что от интеллигенции сохранилось до наших дней. Поразительнее всего, что в точности такое же умонастроение широко распространено среди просто-го народа — до последнего нищего включительно.

Есть народы, где «каждый за себя — один Бог за всех», а отношения между людьми регулируются законами. Есть народы, где над всем доминирует чувство принадлежности к собственному народу, к своему роду-племени. Оно превращает людей в сплоченную стаю, и горе тому, кто попадетя этой стае на пути. Примеров тому, как на этом пути попадаются разным стаям русские — хоть отбавляй. И есть народы, где отношения между людьми регулируются не законами, даже не разумом — сердцем. К ним принадлежат русские.

По сию пору вы можете встретить компанию русских, оживленно беседующих между собой. Возможно, они говорят о ценах — это кричащая проблема. Не исключено, что говорят о футболе или хоккее — в этом они не отличаются от многих других народов. Но довольно большая степень вероятности, что они по инерции сочувствуют якобы бедственному положению американских негров. Хотя в сегодняшних Штатах малейший намек на расизм влечет за собой судебное разбирательство.

Сравните это с типичной западной компанией, решающей сложнейшую проблему: в какой ресторан пойти. Или с типичной восточной, обсуждающей

разные соседские дела. Там и там вряд ли вспомнят о России. Да и вообще понятия не имеют о ней.

Третья особенность — необычайно развитое чувство подвижничества. Не в смысле полного самозабвения, а в смысле подвига (слово, поясняемое в словарях как «самоотверженный героизм»).

Русским нет равных, когда надо броситься в горящий дом или в ледяную воду, чтобы спасти человека. Когда надо тушить пожар или раскапывать завал. Когда надо стоять насмерть в осажденной крепости или идти в штыковую атаку. Когда надо поднять неподъемное или вытерпеть нестерпимое. Когда надо «растворить» свою жизнь в жизни другого человека или целиком посвятить ее делу, которому служишь.

Только один пример. Много лет назад, услышав, что кто-то из лидеров американских коммунистов ослеп, один советский школьник (или школьница?) предложил ему для пересадки свой глаз: ведь он нужен ему для общей борьбы против злодейских американских империалистов, угнетающих несчастный американский народ. Можно возразить, что хорошо поставленная тоталитарная пропаганда способна довести до такого состояния не только русского. Верно, но я хочу лишь подчеркнуть, что для русских такое умонастроение типично.

А вместе с тем любой иностранный турист, приехавший в Москву, не устает поражаться хамству обслуживающего персонала — конечно, меньшему, чем в совсем недавние времена, но все еще живучему. Очень далек от сердечной доброты, самоотверженности и подвижничества типичный русский турист за рубежом. Как совместить это с добротой? Неужели это и есть загадка таинственной русской души?

Давайте сначала снимем с этой пресловутой «души» разную шелуху и присмотримся внимательнее к ее «сердцевине».

Невежливый русский обслуживающий персонал сегодня — это инерция животного, действующего по привычке. Многие десятилетия перед разными прилавками и «окошечками» в СССР выстраивались километровые очереди. Обслуживающий персонал работал, что называется, «на износ». И, естественно, ожесточался. Очереди сильно сократились (хотя еще не исчезли совсем), а психология человека за прилавком во многом осталась прежней. Покупатель для него — не желанный клиент, а докучливый враг. Тем более что у продавца гораздо больше доходов не от покупателя, а по линии «теневой экономики». Необходимы существенное сокращение сферы «теневой экономики» и, наверное, смена поколений, прежде чем отношения «продавец — покупатель» окончательно нормализуются.

Сегодня в Москве и других крупных городах России можно купить все или почти все, что продается в магазинах стран Запада. А чего нет на прилавке — нетрудно заказать, были бы деньги. Но в психологии людей остались времена, когда турист был не столько туристом, сколько добытчиком того, чего ни за какие деньги нельзя было приобрести в своей стране. Помню, когда я первый раз с одной из первых советских делегаций приехал в 1956 году в Финляндию, у меня было в кармане 5000 тогдашних финских марок (что-то около полусотни нынешних долларов) и точно 82 заказа на «сувениры» для родственников и знакомых. Не считая 200 сотрудников института, которых я тоже должен был чем-то порадовать. И, представь-

те, ухитрился порадовать всех, хотя ценой некоторых сдвигов в психологии. Кроме того, всего несколько лет отделяют сегодня россиян от тех времен, когда внешнюю торговлю страны осуществляли десятки тысяч «челноков», ввозивших в Россию дефицитные зарубежные товары. Сегодня это делается более цивилизованно, но «челноки» еще не совсем исчезли из нашей жизни. А «челночная» психология — тем более.

Наконец, не судите о русских по их теперешнему состоянию. Их превратили в таких, каковы они сегодня. 74 года тоталитаризма — это самое настоящее обезчеловечение человека. А последующие десять лет добавили к этому тотальную деморализацию и столь же тотальное ожесточение. Не следует идеализировать и дореволюционную Россию. В царской России, в СССР и в постсоветской России люди не были лучше или хуже сегодняшних. Они просто были другими. Другими — и вместе с тем теми же самыми. Вот в этом «другие и вместе с тем те же самые» кроется, на наш взгляд, если не сама разгадка таинственности русской души, то во всяком случае путь к этой разгадке.

Более сотни лет назад появилось меткое определение: Россия — это Индия с германской армией. Сегодня это скорее Бразилия с американским военно-промышленным комплексом, почти напроць разрушенным в 1990-е и с трудом восстанавливаемым в последние годы. И если мы внимательнее посмотрим, что скрывалось и ныне скрывается на задворках, за фасадом только что упомянутого «комплекса», то вплотную приблизимся к разгадке заданной загадки.

Не хотелось бы, чтобы слова, сказанные выше, выглядели панегириком в адрес собственной нации. Читатель, наверное, заметил, что я достаточно крити-

чески отношусь к народу, частью которого я являюсь и вне которого не могу жить. Многое из того, что было сказано о русских и хорошего, и плохого, можно было бы сказать обо всех без исключения народах бывшего Советского Союза. Тем более что тоталитаризм наложил на них одинаковую печать. И по сей день и эстонец, и русский отличаются от финна гораздо сильнее, чем от удмурта. А украинец и русский отличаются от поляка сильнее, чем от белоруса. Вообще все «советское» (пусть даже бывшее) по-прежнему отличается от «несоветского». Ниже речь пойдет преимущественно о русских. Но только потому, что автор — русский. Пусть другие народы говорят о себе сами. Иначе ненужных недоразумений не избежать.

Как не удариться в совершенно неуместное при всех обстоятельствах восхваление собственной нации, а с другой стороны, не выглядеть злопыхателем в ее адрес? На наш взгляд, наилучший способ — обращение к историческим фактам.

Факт № 1. Дореволюционная Россия, которую некоторые из нас сегодня склонны идеализировать, представляла собой отсталую страну — более отсталую, чем даже Австро-Венгрия, не говоря уже о Франции, Германии, Англии. И в этой стране нарастало социальное ожесточение, постепенно складывалась революционная ситуация, чреватая социальным взрывом. Который в конечном счете и произошел. Сначала сравнительно небольшой (в 1905 году), затем катастрофический (в 1917 году). И колосс (великая держава!) рухнул в первом по счету коллапсе революции. В основе социального ожесточения лежали противоречия между горсткой помещиков, в руках которых все еще сохранялось до половины всей пахотной

земли, и полутора десятками миллионов крестьянских хозяйств, страдавших от малоземелья. За помещиками стоял ненавистный стране царь (хотя в стране сохранялись «царистские иллюзии» крестьянства, мечтавшего об идеальном «царе-батюшке»). За крестьянской массой стояли террористы-экстремисты, воспользовавшиеся тяготами Первой мировой войны, чтобы вызвать социальный взрыв.

Факт № 2. Русские, как и некоторые другие народы мира, до самых недавних пор — до второй половины прошлого века — больше тысячи лет жили общиной. Преимущественно сельской общиной, что не могло не сказаться на их характере. Даже в первой половине прошлого века в деревне проживало свыше 80% населения. И несмотря на то что традиционная община к этому времени находилась в развале (с 1930-х годов ее сменил колхоз, мало чем отличавшийся от тюрьмы, поскольку колхозников заставляли работать бесплатно, только за право пользования приусадебным участком), древние общинные традиции все еще оставались живучими. Это сказывалось в жестко регламентированных вековых порядках труда, быта, досуга.

Традиционным жильем оставалась и изба — бревенчатый домик площадью не более 10–20 кв. м, где в четыре яруса спало до двадцати обитателей: на полатях (настил под потолком), на печи, на кровати и лавках, наконец, вповалку на полу. В малых городах и на окраинах крупных городов стояли в основном точно такие же избы с обычной деревенской живностью на дворе. И только в центрах крупных городов считанные проценты населения жили «по-городскому». Но и из них подавляющее большинство проживало в так называемых коммунальных квартирах,

где в каждой комнате ютились многодетные семьи, на всех был один кран на общей кухне и один унитаз в каморке рядом. Так, как сегодня живет обычная русская городская семья, столетие и даже полстолетия назад жило не более 1–2% населения.

Могло ли это не сказаться на национальном характере народа?

Факт № 3. Русские тысячу с лишним лет своего существования жили в условиях либо иноземного ига, либо ига, мало отличимого от иноземного.

Сначала были более 350 лет владычества обрусевших варяжских конунгов (конунг — князь в русском произношении) с их викингами (витязями в русском произношении). Варяги в основном занимались сбором дани с населения и бесконечными кровавыми междоусобицами, а уж потом — защитой своих владений от таких же хищников.

Затем последовали почти 250 лет монголо-татарского владычества, когда поборы и массовые убийства стали еще более жестокими.

Затем — еще почти 200 лет диктатуры боярства во главе с московскими царями, когда крестьян стали не просто грабить, а превратили в рабов: заставили их работать на помещика до шести дней в неделю (только воскресенье — для себя) и начали торговать людьми, как скотом.

Наконец, последовали более 200 лет диктатуры дворянства во главе с питерскими императорами. Крепостное право после бесконечных крестьянских восстаний в 1861 году отменили, но исконный оброк с крестьян (сверх обычных податей!) оставили еще почти на полвека в виде дополнительного побора с бывших крепостных, переименованных во «времен-

но-обязанных». И только социальный взрыв революции 1905 года покончил с пережитками «полюдья» (ежегодного сбора дани с населения страны).

При этом на каждом этапе истории страны беспощадно истреблялись все протестовавшие и сопротивлявшиеся разбойничьему грабительству. Герои погибали, не оставляя потомства. Дубы ломались, трава гнулась под ветром. Выживали покорные, процветали подручные палачей.

И так — свыше тысячи лет! Могло ли это не сказаться на генетических последствиях социальной психологии народа? Покорность, покорность, покорность (даже в случае, когда психопатка-помещица зверски замучила более сотни своих рабов). Затем — бунт отчаяния и зверская расправа с восставшими. И снова покорность, покорность, покорность...

До самых недавних времен.

И вот в это общество, равноудаленное и от Запада, и от Востока, во второй половине XIX века было вброшено туманно-заманчивое слово «социализм». Первоначально — как некая противоположность «индивидуализму». В буквальном переводе на русский — «обществолюбие». В противоположность «себялюбию» разных угнетателей.

«СОЦИАЛИЗМ» ПРОТИВ «СОЦИАЛИЗМА»

Чтобы понять, что произошло с Россией, а затем еще с третью человечества, надо совершить путешествие на машине времени более чем на полтора столетия назад — в Европу первой половины XIX века.

Что мы видим там? Ужасающее положение рабочих, детально описанное в книге Ф. Энгельса «Поло-

жение рабочего класса в Англии» (1845) и в сотнях других книг того же рода. Тяжелый физический труд. Рабочий день, продолжающийся 12–14 и более часов. Изможденные женщины и даже дети, стоящие за станками. Мизерная зарплата. Жестокое наказание за каждое упущение. Нищета. Полуголодное существование в жутких трущобах. Постоянная угроза безработицы. Отчаянные попытки протеста, беспощадно подавляемые: стачка — локаут, стачка — локаут... А на другом полюсе общества — вызывающая роскошь буржуазии.

Что делать? Над этим вопросом десятки лет бились лучшие, благороднейшие умы Европы.

Самое простое — совершить социалистическую революцию, установить «царство справедливости», детально расписанное в трудах многочисленных социалистов-утопистов. Однако горький опыт показывал, что на следующий же день после победоносной революции обязательно появляется Наполеон. Не Первый, так Второй или сразу Третий, — и все начинается сначала. Из этого правила не было исключений ни в одной из многих европейских революций первой половины XIX века.

Как избавиться от опасности бонапартизма с неизбежной реставрацией капитализма? Дискуссии на эту тему продолжались более полувека (40–80-е годы XIX века). И привели к рождению нескольких десятков социальных учений-доктрин. Среди них выделились по значению две: анархизм и «научный» (якобы уже не утопический) социализм. Первый остался главным образом в области теории, хотя были попытки претворить его в жизнь в России в 1917–1918 годах и в Испании в 1936–1939 годах. Второй вылился

в конечном счете в идеологию социал-демократии, которая в цивилизованных странах мира конкурирует с противоположной ей идеологией либеральной демократии (одна — за максимальное повышение планки налогов, чтобы собрать побольше средств для пособий бедным слоям населения; другая — за понижение этой планки, чтобы высвободившиеся средства направить на развитие производства и тем самым на увеличение средств для упомянутых пособий).

Однако у каждого политического течения неизбежно появляется радикально-экстремистское крыло. Появилось оно и у социал-демократов и стало известно под именами «большевизм», «научный коммунизм», «марксизм-ленинизм» и т.д., вплоть до «чучхе» Ким Ир Сена. В идеологии этого крыла было немало вздорного, не выдержавшего испытания временем. Например, постулаты о близком отмирании семьи, частной собственности и государства, о пролетариях, которые неизвестно во что должны были соединяться, и т.д. Опыт истории показал, что семья, частная собственность и государство действительно имеют тенденцию к качественным изменениям. И человечество действительно должно либо объединиться, либо погибнуть. Правда, совершенно иным образом, нежели это представлялось экстремистам столетие-полтора назад. Но были в этой идеологии и положения, которые экстремисты попытались претворить в жизнь. С ужасными последствиями для судеб народов России и для целой трети человечества.

Из этих положений выделяются по значению три.

Дестратификация общества. Упразднение деления общества на социальные классы, создание «бесклассового общества», состоящего из «работников»

с одинаковым социальным статусом («социальная однородность»). Именно в социальных классах виделось главное зло. Именно лавируя между ними, всходил на трон очередной Наполеон. Казалось, достаточно ликвидировать классы, «растворить» в общей массе рабочих и крестьян, буржуазию и аристократию — и необратимость социальных перемен будет обеспечена.

Экстремистам в голову не могло прийти (на то они и экстремисты), что стратификация — неотъемлемое свойство человеческого общества. Ее невозможно упразднить. Пролить потоки крови и изменить — можно. Упразднить ценой любого кровопролития — нельзя.

Демаркетизация экономики. Рынок тоже виделся социальным злом. Ведь там и обман, и обвешивание, и обмеривание. И несправедливое обогащение торговца, и явный, наглый грабеж покупателя. Замени «торговлю» плановым распределением благ сначала «по труду», а затем и «по потребностям» (учитывая, что больше одного обеда не съешь и больше одного платья не наденешь) — и справедливость восторжествует.

Экстремистам в голову не могло прийти, что при всех негативных чертах рынка все остальное — намного хуже. Сразу же появляется «черный рынок» с повышенными ценами (еще более наглым ограблением покупателя). Сразу же появляется «распределение» по должности и чину, по взятке и по знакомству.

Демонетизация финансов. Упразднение собственно денег и замена их «дензнаками», которые печатаются по мере надобности и играют роль квитанций на получение таких-то и таких-то благ. Деньги, как и классы, как и рынки, тоже входили в категорию социального зла. Как известно, честным трудом много

денег не заработаешь (народная мудрость: «Трудом праведным не наживешь палат каменных»). Большие деньги — это всегда либо преступление, либо жульничество, либо какая-то налоговая лазейка. А дальше, как тоже хорошо известно, «деньги идут к деньгам» и скапливаются, мягко говоря, отнюдь не у лучших представителей общества.

Экстремистам в голову не могло прийти, что деньги — всего лишь разновидность товара. Упразднишь денежный рынок — тут же возникнет денежный «черный рынок». Расцветет спекуляция. Любые денежные суррогаты быстро обесценятся. Расстройство финансов неизбежно скажется на экономике. Разрыв между горсткой богачей и нищетой основной массы населения возрастет.

Все это было настолько ясно заранее, что во всех цивилизованных странах Европы к экстремистам отнеслись как к государственным преступникам. Их сажали в тюрьмы или истребляли физически. И только в несчастной России волею судеб им удалось дорваться до власти. И они немедленно — прямо в 1918 году — начали проводить в жизнь свою доктрину. И получили все до единого вышеназванные последствия.

Пока советское правительство выступало с демагогическими, популистскими лозунгами («мир народам, земля крестьянам, фабрики рабочим»), их поддерживала значительная часть населения, хотя уже в это время начался «красный террор». Слабые попытки сопротивления жестоко подавлялись. Но вот правительство переехало в Москву, окопалось в Кремле, почувствовало себя уверенно (сработал «административный ресурс»: началась мобилизация миллионов солдат и крестьян в Красную армию), и очерченная

выше программа начала последовательно претворяться в жизнь.

Результаты оказались катастрофическими.

«Ликвидация классов» вылилась в массовые расстрелы тысяч и тысяч заложников — прежде всего из дворянства, буржуазии, служащих. Началось массовое «раскрестьянивание» и «расказачивание» — погром зажиточных крестьянских хозяйств, составлявших около трети всех крестьянских хозяйств России. Одновременно была сделана первая попытка «коллективизации сельского хозяйства»: в приказном порядке было создано 5000 «государственных хозяйств» — будущих совхозов (на землях бывших помещичьих имений) и 6000 «коллективных хозяйств» — будущих колхозов (путем насильственного «обобществления» единоличных крестьянских дворов). Буквально через несколько недель выяснилась их полная экономическая несостоятельность. Ленин без обиняков назвал их «богадельнями». Впоследствии они влачили жалкое существование, играли ничтожную роль в экономике страны и в большинстве своем распались. В 1929 году эта авантюра была повторена снова — уже тотально по всей стране. И вместо крестьянина-фермера появился батрак-колхозник, а вместо экспорта сельскохозяйственной продукции — нарастающий импорт. Сельское хозяйство страны было подорвано в корне и не восстановлено до сих пор.

Массовые гонения на рынки привели к «теневой экономике», господству «черного рынка». Теневая экономика из десятилетия в десятилетие набирала масштабы, породила своего неразлучного спутника — коррупцию (вплоть до самых верхних эшелонов власти) и к настоящему времени почти сравнялась по мощности

с «нетеневой». Точнее сказать, переплелась с ней настолько тесно, что уже трудно различить, где кончается чиновник и начинается самый вульгарный уголовник.

«Отменили» деньги и заменили их неконвертируемыми «дензнаками», которые стали печатать в огромных количествах, по усмотрению правительства. Естественно, получилась гиперинфляция. Рублевый счет быстро пошел на десятки и сотни, тысячи и миллионы, десятки и сотни миллионов рублей. Мешки бумажных денег вконец обесценились, население в массовом порядке стало переходить на бартер («шило на мыло»), а решающую роль стали играть «талоны» на выдачу тех или иных продуктов и промтоваров. Стало неважно, как ты работаешь и сколько зарабатываешь. Гораздо важнее, куда и кем ты «пристроился», какой у тебя «паек» (как в тюрьме!).

Все это за несколько недель вконец развалило подорванную войной экономику страны. В бытовом сознании такое состояние получило название «разруха». Говоря по-научному, это был первый коллапс казавшегося незыблемым колосса — великой державы России.

Против кучки фанатиков, засевших в московском Кремле, с трагическим запозданием поднялось, наконец, большинство населения страны. Советская власть, только что распространившаяся к весне 1918 года практически на всю Россию, уже летом того же года была зажата в «огненном кольце» между Питером, Ярославлем, Царицыным и Курском.

Тогдашних русских талибов выручил уже упоминавшийся «административный ресурс»: под ружье были поставлены 5,5 млн солдат. Против них одна за другой выступили 100–150-тысячные «белые армии»

Колчака, Деникина, Юденича, белополяков, Врангеля. И все пять были разбиты поодиночке подавляюще превосходившими численно силами «красных». Правда, поляки при поддержке опомнившихся наконец Англии и Франции устояли (ведь «красные» на своих штыках — точнее, саблях — несли с собой свой «социализм» в Европу!). Но в общем гражданская война «красными» была выиграна, и советская власть установилась к 1922 году по всей стране — от Питера до Владивостока.

На пике этих успехов — в 1920 году — против кремлевских экстремистов вторично поднялась вся завоеванная ими страна (восстало крестьянство, трижды — в 1918, 1919 и 1920 годах — дочиста ограбленное военными реквизициями, поименованными «продразверсткой»). В одной только Тамбовской губернии было сформировано 16 крестьянских повстанческих полков. Чтобы расправиться с ними, потребовалась 200-тысячная армия, расстреливавшая женщин и детей из пулеметов, бившая по крестьянским избам прямой наводкой из пушек, травившая крестьян газами, как на фронте. В остальных губерниях восстания были послабее, и справиться с ними оказалось легче.

Забастовали рабочие Петербурга, Москвы, других крупных городов России. В условиях хозяйственной разрухи это грозило полным параличом экономики. Забастовки тоже были подавлены с трудом.

Наконец, заколебался оплот власти — 5,5-миллионная Красная армия, состоявшая по сути из тех же крестьян и рабочих. В начале 1921 года восстал гарнизон Кронштадта — морской крепости, прикрывающей Питер. Кронштадт брали штурмом, как вражеский город, и расправлялись с восставшими беспощадно.

Под влиянием всех этих обстоятельств Ленин в том же 1921 году заявил: «Мы должны коренным образом пересмотреть нашу точку зрения на социализм». Подавив отчаянное сопротивление своих экстремистов, он провозгласил «новую экономическую политику» — по сути, «перестройку № 1», за которой последовали еще шесть перестроек поменьше, которые мы рассмотрим позже. Он легализовал частное предпринимательство, дав дорогу новым буржуям-нэпманам. Открыл дорогу рыночной экономике. Вернул настоящие деньги — конвертируемую валюту.

Страна получила передышку на целых семь лет. Вторая такая же наступит только в 2000–2008 годах. А до и после 1921–1929 годов злосчастной России пришлось много хуже. Преемник Ленина Сталин в 1929 году вновь вернулся к программе экстремистов 1918 года и на сей раз возвел ее в ранг государственной политики, проводившейся (с разными «перестройками») до 1991 года. Россия вновь испытала все прелести 1918 года: и тотальную «коллективизацию сельского хозяйства», развалившую его, и ужасающий «красный террор», и замену рыночной экономики чисто казарменным «распределением» благ, и замену настоящих денег неконвертируемыми бумажками. И еще один крах. И еще одна «новая экономическая политика» — намного радикальнее первой и уже никак не связанная с «социализмом».

Здесь самое время задаться вопросом: а был ли в России в 1917–1991 годах «социализм»? И если был, то какой именно? Ведь не в одной же России он существовал (в ряде стран существует до сих пор). И вообще, что такое сам по себе «социализм»?

Прежде всего давайте разберемся с самим термином «социализм».

Точно установлен год его рождения: 1834-й, когда в западной литературе впервые появилось это слово. Мы уже упоминали о его первоначальном значении: в смысловом переводе на русский язык это «обществолюбие», «забота обо всех членах общества» — в противоположность «индивидуализму», когда «каждый сам за себя, один Бог за всех». Постепенно расплодилось целая тьма «социализмов»: христианский, феодальный, гильдейский, аграрный, государственный, реальный, национальный (национал-социализм) и др. Многие из них не имеют ничего общего друг с другом. Мало того, некоторые — люто враждебны друг другу.

Мы говорили также и о том, что со временем из абстрактного поначалу «социализма» вырос вполне конкретный политический французский «социализм», он же германская «социал-демократия», он же английский «лейборизм». Между ними, понятно, существуют национальные различия. Но гораздо больше общего, противостоящего идеологии либерализма. А вот между российским «социализмом» 1917–1921 и 1921–1929 годов — такая же большая разница, как и между «социализмом» 1921–1929 и 1929–1991 годов. Как и между китайским социализмом Мао Цзэдуна и современным социализмом Дэн Сяопина. Кстати, российский «социализм» 1917–1921 годов отличия ради именовался «военным коммунизмом». А российский социализм 1929–1991 годов — «реальным» (в надменной и совершенно необоснованной уверенности, будто все остальные «социализмы» были не-реальными). Некоторые авторы — включая пишу-

щего эти строки — считали более адекватным для 1917–1921 и 1929–1991 годов понятие «реализованная утопия казарменного социализма». Того самого, которым К. Маркс пугал в свое время своих оппонентов как самым жутким будущим из всех возможных. Помните? «Общие столовые и общие спальни, оценщики и конторы, регламентирующие воспитание, производство, потребление, словом, всю общественную деятельность, и во главе всего, в качестве высшего руководителя, безымянный и никому не известный “наш комитет”»*. Зная историю СССР, вообще историю XX века, можно с уверенностью утверждать, что процитированное выше — не карикатура и не дружеский шарж, а самая настоящая фотография СССР и всей «мировой системы социализма».

Но как бы мы ни характеризовали «социализм», дело, конечно же, не в терминах, а в реальном содержании того, что за ними кроется.

Поэтому обратимся к реальным показателям общественной системы, которая официально именовалась «реальным социализмом».

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ «КАЗАРМЕННОГО СОЦИАЛИЗМА»

Что «казарменного» и что «утопичного» в этой реализованной утопии, или скорее антиутопии?

Начнем с «казарменного».

Принудительный (точнее, казарменный) труд. «Казарменный социализм» рушит всякий рынок. В том числе и рынок труда, который заменяется трудовой повинностью — совершенно так же, как в ка-

* Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2 изд. Т. 18. С. 414.

зарме, где солдаты, отбывающие воинскую повинность, трудятся не ради какой-то личной выгоды, а по принуждению.

В СССР 1929–1956 годов труд был прямо и грубо принудительным. Ребенком я видел в своем родном селе, как надсмотрщик по утрам плетью гнал крестьян работать на колхозное поле. За свою работу они не получали ни копейки — работали за право пользования своим приусадебным участком, чтобы не умереть с голода. За уклонение от работы грозили полное разорение и тюрьма. Подростком я видел, как торопился отец по утрам на работу (он работал механиком на московском автозаводе). Мы знали, что 20 минут опоздания могли обернуться двумя годами тюрьмы. А неявка на работу без оправдательного документа — десятью годами тюрьмы. Зарплату он получал, как все — какую положено, независимо от того, хорошо он работал или плохо. Торговаться о ее размерах было бессмысленно. За одно только слово недовольства можно было получить 25 лет лагерей. И, конечно же, даже мысли не допускалось о переходе на другую работу иначе, как по усмотрению начальства.

С 1956 года столь грубые методы принуждения стали постепенно отходить в прошлое. Со временем стало возможным переходить на другую работу по собственному желанию, а опоздания и даже прогулы наказывались лишь выговором. В крайнем случае — переводом на ниже оплачиваемую должность. Но рынка труда по-прежнему не существовало. Условия труда были всюду примерно одинаковы, трудности с переменной жилья — огромны. Поэтому формально смягченная принудительность труда фактически сохраняла свой характер.

Однако, как известно, любой принудительный труд всегда и повсюду малоэффективен, намного менее эффективен, чем труд наемный. Дело в том, что любой труд нетрудно имитировать. Но рыночно-наемный имитировать бессмысленно, так как это будет себе в убыток. А принудительный, как говорится, сам Бог велел — согласно известной поговорке: солдат спит, а служба идет. В этом убедились в свое время на собственном опыте и рабовладельцы, и феодалы. И именно это явилось первопричиной проигрыша «социализма» в его соревновании с «капитализмом». Первопричиной крушения «мировой социалистической системы».

Мы посвятим рассмотрению этой первопричины особую главу.

Принудительная идеология. Как известно, никому нет дела до того, о чем думает солдат. Это его личные проблемы, а вести себя он должен так, как ему приказывает сержант. Иными словами, его идеология должна полностью совпадать с идеологией начальства — иначе несдобровать. Вот почему любая «казарменная» идеология — прежде всего принудительная идеология.

Собственно говоря, принудительная идеология довольно широко распространена в нашей жизни. Но какая? Религиозная. Или так называемая обыденная (попросту говоря — бытовая, связанная с существующими традициями, нравами, обычаями).

В жизни мало кто находит дорогу к Богу сам по себе. И еще меньше людей меняют свои религиозные убеждения. Обычно они складываются с детства, в семье. И поддерживаются социальным окружением. Родился и вырос татарин в Казани — и ты уже мусульманин-

суннит. А азербайджанцем в Баку — шиит. Шведом в Стокгольме — протестант. Испанцем в Мадриде — католик. И так далее. Это, если разобраться, тоже «принудилровка». Но не грубая, а, так сказать, органичная, связанная с социальным окружением.

Точно так же редко кто отваживается бросить вызов традициям, нравам, обычаям своего социального окружения. Здесь мы снова встречаемся с «принудилровкой». И снова с вполне органичной, социально приемлемой.

У большевиков в отличие от адептов любой мировой религии, в отличие от социальных групп с определившимися традициями, нравами, обычаями, не было и быть не могло такой органичности. Они объявили свою идеологию «научной». А наука — это всегда сомнения, дискуссии, необходимость доказательств. Меж тем требовалось навязать людям свою идеологию в считанные годы — или погибнуть. Оставалось единственное средство: массовый террор. И он «сработал» довольно эффективно.

В ходе Гражданской войны и долго еще после нее коммунистическую идеологию разделяла доля процента населения России. Остальные просто покорялись силе, сохраняя обыденную и религиозную идеологию своих отцов и дедов. И даже при очень энергичной коммунистической пропаганде 1920-х годов она затронула лишь несколько процентов населения, прежде всего городскую молодежь. Положение изменилось в годы коллективизации сельского хозяйства (1929–1933) и затем в годы Большого Террора (1934–1939), когда счет жертвам пошел на десятки миллионов. Тут переход к коммунистической идеологии стал одним из главных способов физического вы-

живания и поэтому массовым. А интенсивная идеологическая обработка детей, подростков, молодежи быстро принесла плоды: каждый год новые и новые миллионы октябрят (члены коммунистической организации детей 7–10 лет), пионеров (члены коммунистической организации подростков 10–14 лет), комсомольцев (члены коммунистической организации молодежи 14–28 лет). Конечно, подавляющее большинство октябрят, пионеров, комсомольцев воспринимали навязанную им идеологию чисто формально. Но к концу 1930-х годов лишь несколько процентов подрастающего поколения оставалось в стороне от этих организаций.

Моя собственная жизнь в этом отношении была типичным примером жизни меньшинства — но довольно внушительного меньшинства — стопроцентно идеологизированной молодежи. С четырех лет, «выпускником» малышовой группы детсада, едва научившись читать, я уже вел среди горячо любивших меня бабушки, дедушки и прадедушки коммунистическую пропаганду (в том числе воинствующе антирелигиозную). Правда, без успеха. К десяти годам я стал убежденным пионером и не задумался бы отречься от своих родителей, если бы только заподозрил, что они — против советской власти. К пятнадцати годам я был столь же убежденным комсомольцем и вместе со своими товарищами-девятиклассниками на далеком от фронта Урале (шла осень 1942 года) собирался идти в партизаны, если бы гитлеровцы дошли до Урала. Нам в голову не приходило, что достаточно было пустячной ссоры, доноса — и каждый из нас получил бы по 25 лет лагерей за «пораженческие настроения». К восемнадцати годам я дорос до уровня столь же

убежденного коммуниста, кандидата в члены компартии. И не задумался бы подставить грудь под пули, если бы потребовалось спасти жизнь любимого Вождя и Учителя, лично товарища Сталина, который в моем сознании ничем не отличался от воплощения живого бога на земле. И не только в моем — в сознании подавляющего большинства моих товарищей, студентов Московского государственного института международных отношений (да и любого другого советского вуза).

Позже, в аспирантуре Института истории Академии наук СССР, мои учителя — ученые с дореволюционным стажем и мировым именем, чудом пережившие Большой Террор 1930-х годов и Великую Отечественную войну, — рискуя жизнью (если бы я, как нередко случалось в то время, настроил донос), очень осторожно, год за годом внушали мне, что наука и пропаганда — вещи разные. Что фальсифицировать историю только для того, чтобы побольше стегнуть «англоамериканских империалистов» (а именно этим занимались тогда советские историки) — это очень далеко от собственно науки. Что все или почти все, произносимое с трибун и появлявшееся в печати, очень далеко от правды. Поэтому я сравнительно спокойно пережил трагичное для многих убежденных коммунистов «разоблачение культа Сталина» в 1956 году и вполне органично влился в ряды «шестидесятников», веривших в то, что социализм может быть не с тоталитарно-звериным, а с «человечьим» лицом, и идеологически подготовивших крушение тоталитаризма в 1991 году (правда, с очень печальными, очень разочаровывающими результатами, но это произошло уже к концу жизни многих из нас).

Лично я верил еще, что даровать социализму «человечье лицо» способна наука. В частности, прогнозное обоснование намечаемых решений. В 1971 году мне стало ясно, что у казарменного социализма изначально не может быть никакого другого лица, кроме тоталитарно-звериного. И я начал борьбу с этим «зверем» средствами «легального антимарксизма» (которым многократно попрекали меня в ЦК КПСС) — выступлениями в печати и рассказами с трибуны о назревающих социальных проблемах: начинающемся развале семьи, губительном анахронизме школы, надвигающемся половодье преступности, «алкоголизации» общества и т.д. А в 1990 году я вышел из КПСС и попытался инициировать разделение политической партии на социал- и либерал-демократическую. Формально это сделали без меня (я, как уже говорил, в 1996 году отошел от политической деятельности). Сделали даже больше: создали несколько партий, но заведомо фиктивных, с единственной целью: помочь закрепиться у власти дорвавшемуся до нее клану.

Убежденных коммунистов в нашем отечестве всегда были считанные проценты, формально «примазавшихся» к коммунистам — десятки процентов (и в советской, и в постсоветской России), а большинство — совершенно равнодушно к вопросам политики. Так, например, сегодня (2007 год) подавляющее большинство россиян голосуют за В.В. Путина совершенно независимо от его личной идеологии. Просто потому что он выступает гарантом стабильности государства (и соответственно личной жизни каждого) после лавины катастроф 1990-х годов.

Что касается коммунистической (или, что то же самое, советской) идеологии, то не требует доказательств

аксиома: принудительная идеология способна держаться только на Большой Лжи, подкрепленной столь же Большим Террором. Как только Большой Террор выдохся, Большая Ложь во второй половине 1980-х годов предстала перед советскими людьми обыкновенной, обыденной ложью — и начался бурный процесс деидеологизации общества. Новая идеология не успела, не смогла сложиться за 20 последних лет. Ее заменяет суррогат — дикая мешанина из остатков коммунистической идеологии, зачатков религиозной и обрывков националистической (нацистской).

Общество без идеологии — трагически неприглядное общество.

Это общество *тотальной деморализации* (оподления) людей, когда «все дозволено». Когда повальное воровство и взяточничество перестали быть тайными и деликатно называются латинским словом «коррупция». Когда самая циничная и вздорная ложь — в том числе по ТВ и с самых высоких трибун — произносится как нечто само собой разумеющееся совершенно безнаказанно (иногда, правда, случаются скандалы, не имеющие, впрочем, никаких последствий). Когда грубое унижение людей, хамство и холуйство стали чуть ли не нормой жизни.

Это общество *тотальной дезинтеллектуализации* (оглупления) людей, в котором дипломированный специалист (ученый, педагог, врач, художник-артист-писатель, чиновник и т.д.) своим сознанием, поведением и речью ничем не отличается от малограмотного завсегдатая пивной.

Это общество *тотальной психопатологизации*, всеобщего взаимного остервенения людей на работе, на улице, в общественных местах, дома. Люди то

и дело беспричинно кидаются друг на друга как злые собаки. Этот феномен, как мы уже говорили, особенно поражает впервые попавших в Россию иностранцев, которые относят русских к числу добродушнейших народов мира. Что же произошло с этим народом? Ответ можно получить из опытов над животными. Если, например, мышью постоянно травмировать чем-нибудь раздражающим — скажем, электрическим током — они начинают вести себя точно так же. Сколько же лет надо было травмировать психологию людей противоестественными установками, чтобы их социальная психология сделалась патологической!

Такова совокупная конечная цена оболванивания людей и принудительной идеологии.

Социальные отношения казарменного типа. История знает три типа отношений людей как представителей социальных групп и социальных институтов (социальных отношений): патриархальные, договорно-правовые (гражданское общество) и казарменные. Россия во второй половине XX века вышла из господствовавших в ней патриархальных отношений, но так и не доросла еще до гражданского общества. Этому помешал тоталитаризм, культивировавший казарменные отношения.

При патриархальных отношениях социальный статус человека целиком определяется его положением в семье и в совокупности семей данной местности.

Договорно-правовые отношения регулируются законами. При этом семейное положение человека играет второстепенную, подчиненную роль.

Если ни для патриархальных, ни для договорно-правовых отношений нет условий, стихийно создаются отношения особого типа, характерные для казар-

мы, тюрьмы, детской, подростковой, молодежной, взрослой компании, а при тоталитаризме — и для всего общества в целом.

Эти отношения характерны беспрекословным подчинением лидеру любой малой или большой социальной группы, до общества в целом включительно. Наиболее ярко они проявляются в тюремной камере, где неограниченным диктатором является наиболее авторитетный заключенный — пахан (используя уместный в данном случае воровской жаргон). Он не допускает хаоса, поддерживает дисциплину и является арбитром в конфликтах. Его власть поддерживается несколькими приближенными (шестерками, из того же жаргона). Далее следуют обычные заключенные разной степени авторитетности. А замыкают иерархию самые слабые, беззащитные, презренные, над которыми могут безнаказанно глумиться все остальные. Они называются опущенными. Страх попасть в эту категорию заставляет остальных подчиняться пахану, так что получается некий далеко не дружественный шарж на государство.

Присмотритесь к любому человеческому сообществу — а также, если угодно, к любой обезьяньей или собачьей стае — и вы увидите ту же картину: наиболее авторитетного лидера (или двух-трех, соперничающих между собой), его приспешников, презренных-униженных и всех остальных, страшущихся попасть в эту категорию. Патриархальные нравы смягчают такого рода отношения четко определенным семейно-родовым статусом каждого человека, с чем приходится считаться в первую очередь. Договорно-правовые отношения не дают разгуляться произволу лидера и его приближенных, защищают от унижения.

«Казарменный социализм» (тоталитаризм) строится на казарменных отношениях снизу доверху. Описанные выше порядки становятся характерными не только для тюремной камеры или казармы, но и для любой компании — от детской до взрослой, для любого предприятия, учреждения, организации, от малышового группы детсада до Политбюро ЦК КПСС.

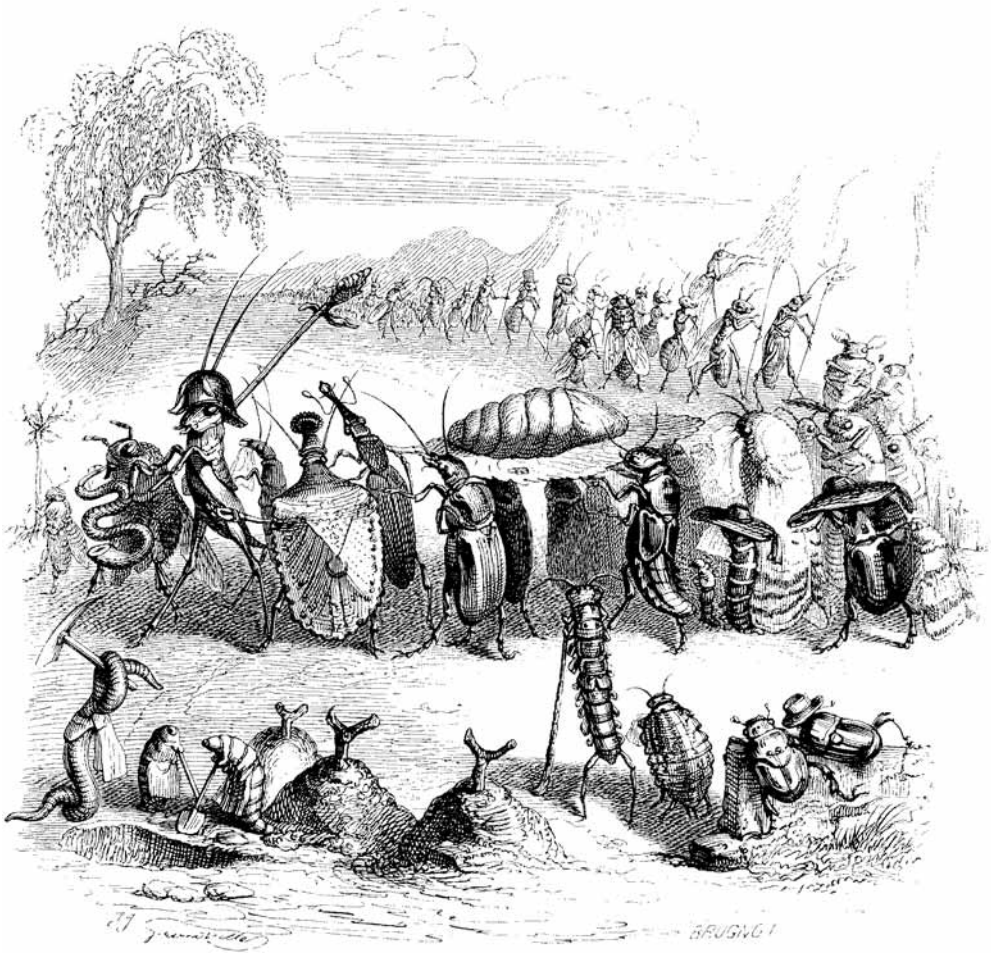
Наиболее страшным проявлением казарменных отношений является дедовщина — дикий произвол пахана и его шестерок в отношении остальных, особенно опущенных. Дедовщина зарождается еще в школе, становится неизбывной в армии (нам еще предстоит вернуться к этому вопросу), дает себя знать в той или иной мере практически во всех учреждениях, не исключая Академии наук, университета, труппы театра, посольства за рубежом — это мне известно по личному опыту.

Ясно, что принудительный труд, принудительная идеология, казарменные отношения не могут понравиться никому, кроме разве горстки паханов. Это терпят только как зло, которое кажется неодолимым. Такая социальная организация общества заведомо нежизнеспособна — как нежизнеспособна тюремная камера, если открыть ворота тюрьмы. И если бы «казарменный социализм» отличался только этими чертами, он не просуществовал бы и года, несмотря ни на какой террор. Но в том-то и дело, что отталкивающим показателям «казарменности» в жизни противостоят высокопритягательные показатели «утопичности», которые заставляют массы людей всеми силами держаться за сказку, сделанную былью. И это, как ни парадоксально, делает нежизнеспособное весьма живучим до сих пор.

Перейдем к конкретным социальным показателям «утопичности».

Трудоустройство. Безработица всегда была тяжким бедствием для человечества. Даже когда без работы оставался каждый пятый-десятый из трудоспособных. Но во второй половине XX века, при развернувшейся механизации сельского хозяйства, а затем и промышленности, безработным в среднем по миру стал каждый третий. Правда, в экономически развитых странах безработица приняла особый характер и получила деликатное название «структурной». Это означало, что миллионы граждан предпочитали низкопрестижному и малооплачиваемому труду сравнительно высокое пособие по безработице. А их рабочие места занимали миллионы выходцев из отсталых стран Азии, Африки и Латинской Америки. Но в странах этих континентов каждый третий — безработный, и на высокие пособия им рассчитывать не приходится. Во второй половине XX века армия безработных достигла здесь внушительной величины: около миллиарда человек. Раньше этот самый «каждый третий» мирился со своим положением, потому что знал — точно так же бедствовали его отцы и деды. Теперь этот безработный миллиард получил по меньшей мере начальное образование, знает о существовании иного мира, правдами и неправдами рвется в этот мир (большей частью безуспешно) и составляет фундамент нынешнего противостояния «Бедный Юг — Богатый Север». Об этой глобальной проблеме современности нам придется говорить специально.

В дореволюционной и послереволюционной России безработица тоже была огромной. Даже в городах счет безработным шел на миллионы. А из деревни

так называемое «аграрное перенаселение» (избыток рабочих рук при механизации сельского хозяйства) выталкивало в город новые и новые миллионы. Казалось, этому бедствию не будет конца. И вдруг в 1930-е годы, когда вторично воцарился «казарменный социализм», безработица исчезла, как по мановению волшебной палочки. Напротив, уличные стенды заpestрели объявлениями: «Требуется... требуется... требуется».

Что за притча? Разгадка этой загадки появилась только во второй половине 1980-х годов, когда началась эпоха пресловутой гласности. Оказалось, что на 138 млн рабочих и служащих (включая 4 млн военно-служащих и исключая 4 млн остававшихся в тюрьмах вместо бывших в середине века 13 млн) приходилось 32 млн «избыточных» рабочих мест. Что такое «избыточный»? Практически это означало, что три довольно скудных зарплаты делились на четверых, или что рабочая бригада состояла, например, из пяти-десяти человек, хотя работа находилась только для двоих-троих. Существовало множество контор с несколькими сотнями служащих, хотя объективно требовалось всего несколько десятков работников. Помню, как в одной из первых моих заграникомандировок меня поразил некий НИИ со штатом в 30 сотрудников, количество научной продукции которого (качество лучше не сравнивать) превосходило объем продукции родного академического института со штатом в 700 человек.

При этом если заведомый лентяй, бездарь или бездельник устроился на «теплое место», его невозможно было уволить никакими силами, так как он имел конституционное «право на труд».

Цена такой социальной «благотворительности» оказалась непомерной и неподъемной для страны. В конечном итоге это обернулось поражением в гонке вооружений СССР — США, в соревновании «социализма» (в кавычках) с капитализмом (без кавычек). Такого рода «благотворительность» была возможна только при «казарменной» экономике, когда работодатель платил за «лишние» рабочие руки не из своего кармана, а из государственного. Но людям безразлично, из чьего кармана идет зарплата. Десятки миллионов очень ценили эту сказку, сделанную былью. Ведь одно дело стоять в километровой очереди на бирже труда за пособием по безработице. И совсем иное — получать пусть такую же мизерную зарплату, но «как все».

В постсоветской России безработица приняла вновь прежние огромные масштабы. Но ее сделали «скрытой». Ведь что такое зарплата ниже прожиточного минимума? Это замаскированное пособие по безработице. А ее получают десятки процентов рабочих и служащих. Это один из трех главных источников тоски по советским порядкам. Он играет важную роль в протестном движении против воцарившегося в России «дикого капитализма».

Зарплата независимо от эффективности предприятия, учреждения, организации. Приходилось слышать, что в США второй половины XX века почти миллион предприятий, учреждений, организаций ежегодно кончал банкротством. И возникал миллион новых. Процедура банкротства и создания новой компании была отработана десятилетиями в деталях, так что дело редко принимало драматический оборот. Еще реже банкротство вызывало самоубийство банкрота, весьма обычное в былые времена. Но само по

себе банкротство трудно назвать отрядным событием, оно часто сказывается на самочувствии человека весьма печальным образом.

И вдруг на свете появилась страна, где банкротство стало изначально невозможным, как бы предприятие ни работало, какие бы убытки ни несло. Нет прибыли, нет денег в кассе — звонок в соответствующую инстанцию, и к бухгалтерии тут же подкатывает броневик, доверху набитый только что отпечатанными «дензнаками». Такое чудо может происходить только при «казарменной» экономике, в казарме, а банкротство, если случится, произойдет не в казарме, а на поле сражения, на театре военных действий, что и произошло при крушении «мировой системы социализма».

Вспоминаю свой родной гуманитарный академический институт. Из нескольких сот его сотрудников лишь от 10 до 30% (по разным оценкам) могли вести систематическую исследовательскую работу, публиковать статьи, книги. Но это не имело никакого значения, потому что каждая работа — индивидуальная ли, коллективная ли — проходила десяток редакторских инстанций, в результате палаческой работы которых и талантливое, и беспомощно-бездарное стриглось под одну гребенку. В конечном итоге получалось нечто неудобочитаемое (мы шутили: одинаковые телеграфные столбы из разных деревьев). Не говоря уже о вопиющей тенденциозности наших приказных писаний, которые сегодня выглядят мемуарами умалишенных. При этом стоимость каждой изданной — и никому не нужной — страницы измерялась единицей с таким количеством нулей, что даже если бы эту страницу сделать из пластины чистого золота с брил-

лиантовыми буквами, такое безумие обошлось бы дешевле. Потому что за этой страницей скрывалась очень высокая зарплата (вдвое-впятеро выше средней по стране) тысяч людей на протяжении десятков лет.

Пожалуй, наиболее символическими в этой вакханалии транжирства были два рабочих полудня в месяц, когда сотрудники получали зарплату. В России невозможно заготовить ее заранее и быстро раздать в конвертах, как это делается во всех цивилизованных странах: обязательно начнутся скандалы касательно «недовложения», «недоплаты» и пр. Поэтому кассир отсчитывает пачку купюр, присовокупляет к ним мелочь, затем пересчитывает все это богатство на глазах у получающего, затем эту процедуру в третий раз повторяет сам получающий (во избежание скандала над каждой кассой в стране висит плакат: «Проверяйте деньги, не отходя от кассы!»). Все это действие в идеальном случае занимает несколько минут, а если случается какой-то сбой (например, крик: «Почему так мало сегодня?!»), то и дольше. А перед кассой — очередь из полусотни-сотни человек. Перемножьте одно на другое: получается ровно половина рабочего дня — с трех пополудни до шести-восьми вечера. Дважды в месяц. И никаких забот о том, заработана ли только что выданная плата.

Эту сказку со слезами на глазах вспоминали миллионы российских рабочих и служащих при наступлении в 1990-е годы «дикого капитализма», когда им месяцами и годами не платили никакой зарплаты даже при самом добросовестном труде. И это при том, что директор — безразлично, государственный или «частник», — перечислял на свой счет в иноземные банки миллионные суммы. Понятно, воспоминание о сказоч-

ном прошлом являлось еще одним красным лоскутом в знамени протеста против «дикого капитализма».

Зарплата независимо от твоей собственной работоспособности. Невозможно вообразить себе казарму, где хорошему солдату давали бы два обеда, а плохого оставляли бы без обеда вовсе. Голодный солдат не пойдет не то что в бой — просто на построение. Солдат, получивший два обеда, тут же развернет торговлю своими «излишками» и тем развалит армию задолго до боя. Поэтому железное правило казармы: всем — поровну, а начальству больше. Правда, чем выше начальство — тем меньше поровну. Это правило сохраняло свою строгость и в «казарменной» экономике СССР.

Опыт показывает, что работники бывают разные. Нередко один стоит десятерых. При этом с годами, как известно, работоспособность убывает, а самомнение, наоборот, возрастает. При капитализме неработоспособному пощады нет, потому что пожалеешь неработоспособного — обанкротишься сам, вместе с работоспособными. Мало того, людей старше 40 лет там обычно просят не беспокоить отдел кадров. А люди старше 60 лет могут оставаться на высоких должностях только из уважения к их славному прошлому. Так и в армии — не может офицер старше 40 лет командовать взводом или ротой, старше 60 — дивизией или армией. Иначе армия будет небоеспособной.

Однажды я приехал в гости к видному иностранному ученому — президенту, директору, председателю, заведующему и т.д. (около десятка должностей). И вдруг мне сообщают с непонятной горькой ухмылкой, что его больше нет. Для русского это означает одно: умер. А я еще вчера говорил с ним по телефо-

ну! Оказывается, не умер, а накануне ему исполнилось 60. И теперь он — никто. Просто профессор, если кто-то запишется на его курс. И просто автор — если кто-то издаст и продаст его книгу или статью. Сравните это с советскими порядками, когда человек может 40 лет сидеть, сложа руки, и ровно ничего не делать, причем на седьмом-восьмом десятке его с трудом удастся выпихнуть на пенсию. А нередко он остается директором и заведующим до восьмого-девятого десятка лет, уже лежа на постели в полном маразме. И сегодня мы видим, как семидесяти-восьмидесятилетние старцы рьяно отстаивают свое «право» начальствовать. С другой стороны, «чересчур работоспособному» подрезают крылья, всячески притесняют его. Чтобы не портил общей картины. Чтобы на его фоне лодыри и лоботрясы не выглядели лодырями и лоботрясами.

Итак, мы видим, с одной стороны, явно нежизнеспособную экономику, явно нежизнеспособное общество. А с другой стороны — очень живучее общество, по которому сегодня ностальгируют миллионы. Как это могло случиться? Очень просто: в результате бесконечных «перестроек», попыток сделать нежизнеспособное жизнеспособным, ничего не меняя. Трудно поверить, но именно к этому свелась история СССР 1921–1991 годов и постсоветской России последующего десятилетия.

ЖИВУЧЕСТЬ НЕЖИЗНЕСПОСОБНОЙ СИСТЕМЫ: ИСТОРИЯ СЕМИ «ПЕРЕСТРОЕК»

Мы уже говорили о том, что авантюра с попыткой реализации утопии «казарменного социализма», предпринятая тогдашними большевиками-талибами

в 1918 году, окончилась в 1921 году — несмотря на победу «красных» в Гражданской войне — полным крахом. Против горстки фанатиков, засевших в московском Кремле, поднялся практически весь народ. Пришлось им трубить отбой, восстанавливать, по сути, старую экономику, только с новой властью. Началась, называя вещи своими именами, «перестройка № 1» — «новая экономическая политика» (НЭП). Но власть осталась прежняя, и только от нее зависело, каким курсом пойдет страна дальше.

На протяжении первых трех-четырех лет «новой экономической политики» наше отечество впервые в своей тысячелетней истории получило нечто вроде «передышки» — существенное облегчение жизни основной массы населения (вторая такая «передышка» наступит только в 2000–2008 годах). Страна почти полностью восстановилась после военного разорения и разрухи. Начали вновь развиваться промышленность и сельское хозяйство. Свелся к минимуму «красный террор» (хотя СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения — работал на полную мощь, и число политических заключенных по стране в целом измерялось сначала десятками, а потом — сотнями тысяч).

В январе 1924 года умер Ленин, последние два года жизни тяжело болевший. Тотчас началась ожесточенная борьба за власть между группировками Сталина и Троцкого. За Троцкого стояла «старая гвардия» большевиков. За Сталина как за генерального секретаря партии — партаппарат в центре и на местах, состоявший к тому времени из его ставленников. Более хорошо организованный аппарат взял верх, и к 1927 году Сталин сделался фактическим диктатором.

По пословице, новая метла должна хорошомести. Как и всякий новый диктатор, Сталин должен был закрепить свою победу каким-то существенным достижением. Продолжение «новой экономической политики» грозило ослаблением нового правящего класса — чиновничьей партгосноменклатуры. Ленин идеологически держался на лозунгах о близкой «мировой революции» и о том, что «нынешнее поколение будет жить при коммунизме». Троцкий по инерции повторял эти лозунги, ставшие явно несостоятельными, но новому чиновничеству с его огромными льготами и привилегиями такие абстракции были теперь ни к чему. Его вполне устраивал лозунг Сталина о близком «построении социализма в одной отдельно взятой стране». Однако, чтобы «построить социализм», необходимо было прежде превратить Россию из аграрной в индустриальную страну. Это означало сотни новых заводов, десятки и сотни тысяч станков, ввезенных из-за рубежа. Нефть и газ, на которых держится нынешняя Россия, тогда еще были редкой экзотикой. Оставался хлеб, которым царская Россия кормила всю Западную Европу. Таким образом, задача сводилась к тому, чтобы купить станки и машины за хлеб, отобранный у крестьян по возможно более низкой цене. Желательно задаром, как это трижды делали в гражданскую войну. И тогда в течение пяти лет (первую пятилетку решили выполнить в четыре года: 1928–1932) страна станет индустриальной, в ней наступит «социализм».

Увы, крестьяне заупрямились и категорически отказались сдавать хлеб по символическим ценам. Мало того, за годы гражданской войны они научились хорошо прятать его от госмародеров. И тогда Сталин в 1929 году

решился на повторение авантюры 1918 года, только в более широких, по сути тотальных масштабах. Он объявил о принудительной «коллективизации сельского хозяйства». Мы уже упоминали о последствиях: более десятка миллионов высланных из родных деревень на верную голодную смерть; более восьми миллионов погибших от голода (у них отобрали семенной хлеб); превращение крестьян в батраков, которых заставляли работать за право пользования приусадебным участком; полный развал сельского хозяйства (вместо экспортирования зерна теперь с трудом кормили городских рабочих и служащих), не преодоленный до сих пор.

Так бесславно закончилась «перестройка № 1». За нею последовали годы Большого Террора, военного ажиотажа, позорного разгрома Красной Армии в первый год Великой Отечественной войны, победа, доставшаяся ценой невероятных усилий и колоссальных жертв, еще одно разорение страны и долгие годы восстановления народного хозяйства.

«Перестройка № 2» началась в 1956 году, когда Хрущев после смерти Сталина и почти трехлетней ожесточенной борьбы за власть одолел, наконец, своих соперников и должен был, подобно Сталину, избрать собой «новую метлу»: выступить с какими-то значительными нововведениями. Вот что он сделал. Во-первых, разоблачил «культ личности Сталина» (совсем чуть-чуть, но с сенсационными последствиями). Во-вторых, вновь раскрепостил закрепощенных в колхозах крестьян. Это инициировало их лавинообразное бегство в город и привело к переходу страны от преобладающе сельского к преобладающе городскому образу жизни. В-третьих, немного смягчил цензуру,

что привело к рождению «шестидесятников», развернувших борьбу за «социализм с человеческим лицом» и идеологически подготовивших крушение тоталитарного строя. В-четвертых, пытался разными способами превратить тот «вселенский стройбат», который являла собой страна после 1929 года, в эффективную экономику. Но как изменить все, ничего не меняя? Это не под силу никакому диктатору. Поэтому начались разные «чудеса»: насильственное «внедрение» кукурузы вопреки суровому климату России, замена министерской «вертикали» региональными совнархозами, разделение партийной системы управления на городскую и сельскую, требование «инициативы» и «хозрасчета», немислимых в жесткой административно-командной системе «вселенского стройбата». Наконец, в-пятых, выступил с новой программой компартии, которая предусматривала установление в 1980 году «полного коммунизма». Уже в первые годы шумихи по поводу этой программы (начало 1960-х) многим стало ясно, что это — очередной блеф.

Хрущева сняли вовсе не за конечную бесплодность его «перестройки». Его, как и Павла I, убрали за самодурство, ставшее опасным для его подельников. Правда, он никого не убивал — и его не убили, просто сослали на дачный покой. Вместе с его «перестройкой».

Зарвавшегося диктатора заменили Л.И. Брежневым — обычным секретарем обкома, имевшим всех устраивавший мягкий, можно даже сказать, добродушный характер. Но главой государства он был фактически номинальным. Действительным лидером стал глава правительства Н.И. Косыгин — талантливый инженер-организатор, прекрасно понимавший нежизнеспособность советской системы и попытавшийся

ся в третий раз «перестроить» ее. В 1966–1970 годы он выступил с рядом нововведений, среди которых наиболее важными были расширение практики социалистического планирования, включение в него, помимо чисто экономических, социальных аспектов, а кроме того, основательная опора планов на «научную основу» (в частности, на прогнозы). Это вызвало оживление научных исследований. Одновременно последовали ожесточенная идеологическая борьба с догматиками «истматчиками», резкий подъем уже упоминавшегося движения «шестидесятничества» и восстание в Праге, которое, как и предшествовавшие восстания в Восточном Берлине и Будапеште, пришлось подавлять танками. Вновь не было недостатка в попытках поднять «инициативу трудящихся», «ввести хозрасчет» и пр. В конечном счете верх взяло реакционное окружение Брежнева, Косыгин был фактически отстранен от власти (хотя номинально оставался главой правительства до самой своей смерти в 1980 году), произошел тотальный погром советского обществоведения, и страна надолго погрузилась в «застой», приведший впоследствии к гибели государства. Так трагически закончилась «перестройка № 3».

Брежнев в 1970-е годы перенес тяжелый инсульт и фактически стал недееспособным. Его окружение, в котором помимо преобладавшей серой бездари имелись и умные люди (например, руководитель ВПК Д.Ф. Устинов), понимало нежизнеспособность системы. Поэтому к концу 1970-х годов в аппарате ЦК КПСС был разработан проект очередной «перестройки». Уже четвертой по счету. По содержанию она ничем не отличалась от предыдущей — все те же пустые слова об «инициативе», «хозрасчете» и пр. Единствен-

ное отличие — она так и осталась на бумаге. По слухам, Брежнев, выражая мнение реакционного большинства своей номенклатуры, якобы сказал: «Дайте умереть спокойно...» Тут он как в воду глядел.

После смерти Брежнева к власти пришел шеф КГБ Ю.В. Андропов. Он принадлежал к единичным умным представителям руководства страны, понимал нежизнеспособность системы и попытался начать пятую по счету «перестройку». Однако не имел достаточных знаний и начал с «укрепления трудовой дисциплины» — отлова на улицах среди тысячных толп празднующих тех, кто сбежал с работы (напомним еще раз закон всякой казармы: солдат спит — или в данном случае гуляет, — а служба идет). Возможно, со временем он придумал бы что-либо более конструктивное, но к тому моменту он был смертельно болен и вскоре умер. Его преемник К.У. Черненко был изначально болен еще более тяжело и вскоре тоже скончался, ничего не предприняв.

Положение выглядело трагикомичным: три смерти глав государства за три года. Поэтому в 1985 году ставку сделали на самого молодого и энергичного члена Политбюро ЦК КПСС. Увы, еще одного заурядного секретаря обкома — М.С. Горбачева. В культурном отношении он был чуть выше Хрущева, но явно уступал покойным Косыгину, Устинову и Андропову. Тем не менее новый вождь, сознавая сложность положения, предпринял очередную, шестую по счету «перестройку» (даже ввел этот термин в политический лексикон). Пожалуй, самую радикальную — если не считать НЭПа. И самую катастрофическую по результатам.

Горбачев начал с того, что не удалось в 1972 году Брежневу: попытался договориться с США о приоста-

новлении гонки вооружений, явно неподъемной для экономики СССР (она вчетверо уступала экономике НАТО, не говоря уже об отставании по многим видам техники на целый порядок). Вся планета видела на телеэкране его растерянно-расстроенное лицо. По сути, ему сказали: начинайте, а мы посмотрим. Это означало, что капитуляция СССР — теперь только вопрос времени. И через четыре года, в 1989 году она состоялась. А спустя два года последовал распад государства, потерпевшего поражение в «холодной войне».

Следующей инициативой Горбачева был лозунг о необходимости «ускорения научно-технического прогресса». Суть дела заключалась в том, что передовые страны Запада меняли технику, начиная с автомашины или станка и кончая компьютером, в среднем каждые три года. У нас же техника с бесконечными ремонтами эксплуатировалась десятки лет. Генсек призвал менять технику для начала хотя бы каждые шесть лет. Но так как для этого не было равно никаких экономических условий, «инициатива» так и повисла в воздухе.

Не смущаясь этим, Горбачев выступил с предложением начать поход против «нетрудовых доходов», подрывающих бюджет государства. Пишущий эти строки вместе с несколькими десятками своих коллег в приказном порядке принял личное участие в этом походе. И очень быстро выяснилось, что «нетрудовые доходы» — это вовсе не подвергшиеся погромам грядки пенсионеров. А миллионная и миллиардная коррупция не только на уровне райкомов, обкомов, ЦК компартий союзных республик, но даже на уровне самого Кремля (по линии членов семей самых высоких

должностных лиц). После этого «борьба с нетрудовыми доходами» была мгновенно свернута.

Тут же началась еще одна «борьба». На сей раз с пьянством и алкоголизмом, сделавшимися действительно национальным бедствием России (и остающимися им до сих пор!). Автор этих строк, опять-таки в приказном порядке, вместе со своими коллегами был привлечен к изучению вопроса. Выяснилось, что пьянство невозможно искоренить силовыми методами (уже пробовали — и не мы одни, — и ничего не вышло). Выяснилось, что в мире существует несколько «алкогольных цивилизаций» с вековыми «питейными традициями». Чтобы хоть немного снизить масштабы алкоголизма, требуется длительная работа на два-три десятилетия, причем сразу на нескольких фронтах — от экономического и культурного до политического и организационного. Любая попытка одолеть алкоголь «нахрапом» ведет к мгновенному разбуханию «черного рынка» алкоголя и баснословному обогащению торговцев спиртным.

Тем не менее по чисто конъюнктурным соображениям, помноженным на политическое невежество, во второй половине 1980-х годов был предпринят именно памятный старшему поколению «нахрап». Он завершился позорной капитуляцией перед самогонщиками и миллиардной «контрибуцией» им.

Наиболее катастрофический провал случился с главной инициативой шестой «перестройки» — открытием слагбаума на пути частного предпринимательства в надежде, что инициатива руководителей предприятий удесятерит продукцию. Экономическое невежество не знало, что на каждого честного руководителя найдется десяток, даже сотня хапуг, которые

протянут руки к неприкосновенной прежде «безналичке» (строго контролируемому обмену финансовыми документами между предприятиями, учреждениями, организациями). А как только «безналичку» разрешили «обналичивать», казна тут же стала разворовываться сначала десятками, затем сотнями миллиардов рублей.

За считанные месяцы 1988 года экономика государства пошла вразнос. И Горбачев повторил печальный опыт французского короля Луи XVI: собрал свои собственные «Генеральные Штаты» в виде съезда народных депутатов. Да еще в режиме «гласности» — лозунга, котировавшегося наряду с перестройкой. И две недели подряд вся страна наблюдала постыдный интеллектуальный уровень членов президиума, еще более постыдное хамство «агрессивно-послушного большинства» и изумительный героизм впервые легализованных диссидентов (идейных противников советской власти). Конечным результатом этого трагикомического зрелища явился начавшийся развал страны как по национальному признаку (союзные республики стали требовать независимости, и дело быстро дошло до кровавых столкновений), так и по политическим пристрастиям (с трудом удавалось удерживать от столкновения демонстрации сталинистов и «демократов»). Этот развал усилился крупными просчетами во внешней политике. Дали возможность американским спецслужбам организовать массовый отток специалистов из ГДР в ФРГ, а затем столь же успешно устроить разрушение «Берлинской стены» и воссоединение на этой волне Германии. У СССР оставался последний козырь — группировка в Германии советских войск. За ее отвод наши быв-

шие союзники готовы были пойти на все — и на роспуск НАТО, и на вывод американских войск из Германии, и на строительство военных городков в России для каждой выводимой дивизии. Но политическое невежество, граничащее с прямым предательством, привело к тому, что наши войска были вышвырнуты из Германии, что называется, во чисто поле, как после разгромного поражения.

К объективным факторам начавшегося развала государства добавились субъективные. Один из новых членов Политбюро — еще один секретарь обкома Б.Н. Ельцин — был переведен на должность секретаря московского горкома. И здесь обнаружилось, что это тяжело больной алкоголик и самодур. Явление обычное на республиканско-областном уровне, но нетерпимое в Москве. Поэтому ему дали почетную отставку — перевели на должность зампреда одного из ведомств. Но человек с больной психикой обычно становится злобным врагом «обидевшего» его. И Ельцин стал смертельным врагом Горбачева, знаменем быстро нараставшей антигорбачевской оппозиции. А тот продолжал делать глупость за глупостью. Ему показалось мало поста генсека в скандальном Политбюро. Он стал Председателем президиума Верховного Совета СССР. Но в ту же секунду Ельцин стал Председателем президиума Верховного Совета РСФСР — совершенно фиктивной до тех пор республики, не имевшей ни собственной компартии, ни даже собственной Академии наук, поскольку все это подразумевалось на общесоюзном уровне. Тогда Горбачев провозгласил себя (не избежав, разумеется, комедии выборов) президентом СССР. В ту же секунду Ельцин стал президентом РСФСР. Получилось хуже, чем «государство в госу-

дарстве». Получилось по русской пословице: два медведя в одной берлоге.

А тем временем союзные республики наращивали свои требования, и бывшее унитарное государство затрещало по всем швам.

В этот момент (август 1991 года) Горбачев совершил свою последнюю глупость. Или подлость. Вместе с семьей уехал «отдыхать» (!) в Крым. А в Москве произошел путч, призванный сместить Ельцина и сделать СССР вновь унитарным государством. Получится — Горбачев возвращается в Москву триумфатором. Не получится — он тут ни при чем и продолжает переговоры с республиками о «разграничении полномочий».

Финал общеизвестен. Единое социально-экономическое и культурное пространство, называвшееся СССР, было в подпитии развалено тремя совершенно безответственными деятелями — фактически государственными преступниками. К ним вполне можно присоединить четвертого — оставшегося не у дел первого и последнего президента СССР.

Так катастрофически завершилась шестая и последняя в истории СССР «перестройка».

Остается дискуссионным вопрос: можно ли считать «перестройкой № 7» происходившее в России в 1990-е годы? Или это нечто намного хуже?

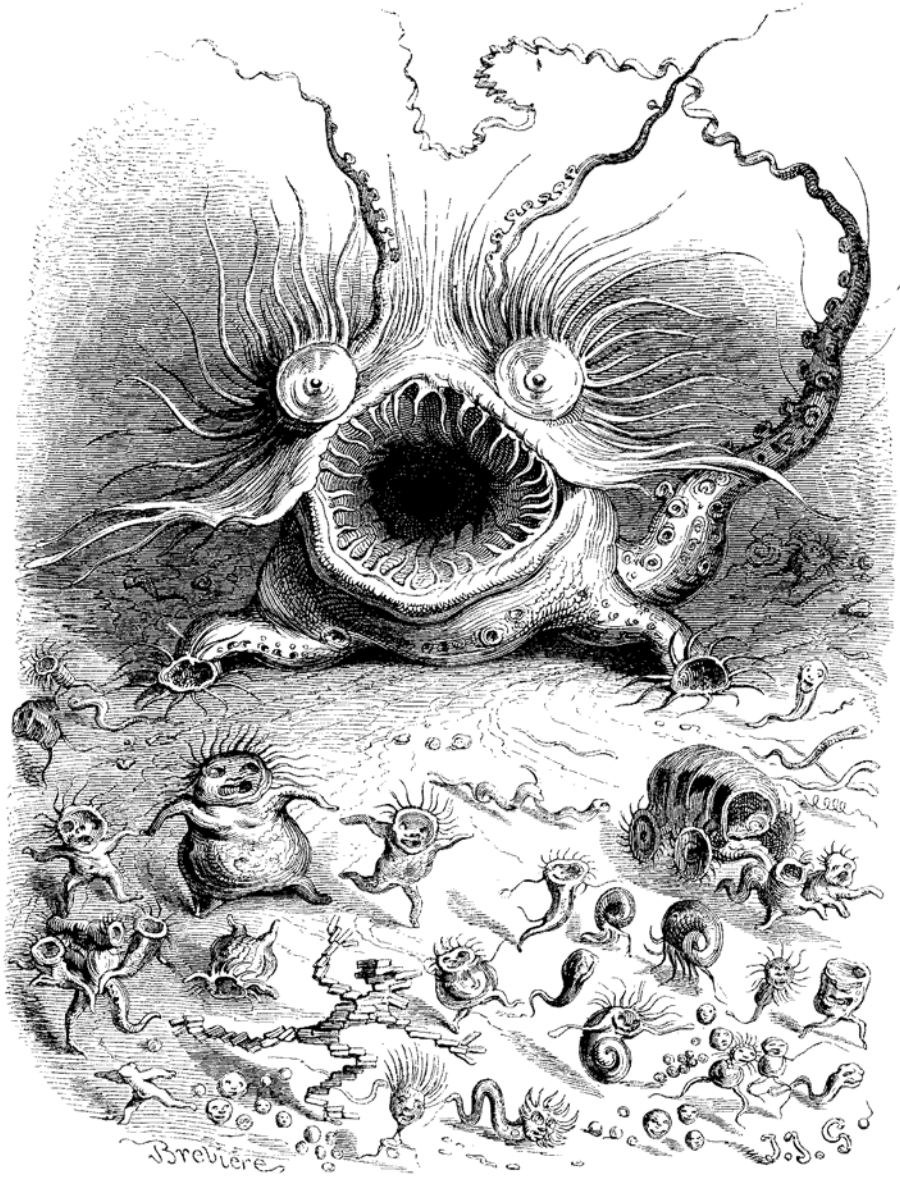
Вместо дискуссии обратимся к фактам.

Факт № 1. Одержав победу (большинство избирателей проголосовало не столько за Ельцина, сколько против вконец дискредитировавшего себя Горбачева), победитель отправился на юг «отмечать» это событие. У него не было ни политической программы, ни способности управлять государством, ни, как выяснилось позже, вообще дееспособности (дела вершило его ближай-

шее окружение, названное чисто мафиозно — «семьей» или, если угодно, кланом, существующим до сих пор). Во главе правительства по совету дружка-истматчика он поставил начинающего доктринера, прозелита западной экономической школы «монетаристов», миссионеры которой уже успели развалить немало экономик отсталых стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Рецепт был простой. С учетом пустых полок магазинов и назревавшего в стране социального взрыва решено было цены «отпустить», а зарплаты оставить прежними. Разумеется, полки тут же засияли товарами, к которым большинству народа невозможно было подступиться. И снова замаячила угроза социального взрыва. Надо признать, на сей раз окружение Ельцина перед лицом надвигавшейся катастрофы сработало оперативно. Доктринер без церемоний был вышвырнут, как нашкодивший щенок, и заменен опытным хозяйственником, который несколько разрядил обстановку. Однако рейтинг президента стремительно покатился к нулю.

Факт № 2. Пришедший к власти «клан» (он же «семья») прежде всего позаботился о личном обогащении. Отделавшись от населения пустыми бумажками («ваучерами»), новые остапы бендеры путем жульнических «залоговых аукционов» для избранных «приватизировали» национальные богатства страны. Взамен чиновничье-партийной «номенклатуры» был создан новый высший класс (правда, на 80% состоявший из представителей все той же «номенклатуры»): более полусотни долларовых миллиардеров, десятки, если не сотни тысяч долларовых миллионеров, миллионы (1,5–2% населения) сверхбогачей, тут же начавших переводить свои шальные доллары на тай-

ные счета в зарубежных банках, вконец обескровливая национальную экономику. Поскольку в основе сверхприбылей этих «новых русских» лежали высокие цены на нефть и газ, эту экономику вполне можно квалифицировать как компрадорскую (компрадорство — торговля национальными богатствами страны в целях личного обогащения).

Обратной стороной медали явились развал военно-промышленного и аграрно-промышленного комплекса страны, армии и службы госбезопасности, под откос пошли наука и здравоохранение, народное образование и культура, оказавшиеся в состоянии мучительной агонии. На одном полюсе появились виллы, яхты, личная охрана, миллионные и миллиардные долларовые счета в банках. На другом миллионы семей месяцами и годами не получали зарплаты, перебивались, как при Сталине, картошкой со своих «шести соток». Половина населения скатились из «средняков» («как все») в бедняки, треть вообще стали формально нищими, спасаясь личным подсобным хозяйством и доходами из сферы «теневой экономики», включая повальное воровство. Ясно, что популярность президента стремительно таяла.

Факт № 3. Клан Ельцина и примкнувшая к нему «номенклатура» безумно обогатились. Но помимо них существовали другие кланы, оставшиеся обделенными. Их лидеры, засевшие в Верховном Совете России, попытались открыто противостоять господствующему клану. Конфликт решила армия: дом Верховного Совета был обстрелян танками и подожжен, а засевшие в нем принуждены к капитуляции. Это событие дискредитировало Ельцина сильнее, чем пустая болтовня и «крымский отдых» Горбачева. Ясно стало, что на

предстоявших в 1996 году новых выборах президента Ельцин не получит не то что большинства, но вообще сколько-нибудь значительного количества голосов.

Факт № 4. Окружение («политтехнологи») Ельцина еще раз сработало достаточно эффективно. Были выделены миллиарды долларов не только на различные способы подкупа избирателей (напомним о пресловутом скандале с «коробкой из-под ксерокса», набитой долларовыми банкнотами), но и на укрепление двух экстремистских партий: коммунистической (КПРФ) и националистической (ЛДПР). Приход к власти любой из них сулил потоки крови. Поэтому в страхе перед этими искусственно созданными жупелами большинство избирателей проголосовали за Ельцина как за «наименьшее зло».

Факт № 5. Положение 80% россиян оставалось плачевным, чашу терпения переполнил «дефолт» 1998 года, обогативший тысячи «новых русских» и разоривший миллионы семей, еще кое-как державшихся у «черты бедности». Стало ясно, что новых выборов 2000 года Ельцину не выдержать ни при каких ухищрениях. И тогда клан Ельцина прибег к последнему средству: выдвинул на пост главы правительства, а затем и главы государства трезвомыслящего офицера по фамилии Путин, который в 2007 году завершил свой второй президентский срок при поддержке подавляющего большинства избирателей. Этот последний факт требует особого осмысления.

Факт № 6. При вступлении во власть В.В. Путин, хотя и дистанцировался от ельцинского клана (в частности, изгнал из России «серого кардинала» Ельцина — Березовского, который несколько лет фактически правил страной), но оперся на свой соб-

ственный «питерский» клан и сразу публично заявил, что никакой «реприватизации» не будет. Иными словами, заявил, что гарантирует новому высшему классу страны статус кво. Можно быть недовольным таким заявлением, но необходимо понять и позицию президента. Дело в том, что, как мы уже говорили, помимо полусотни миллиардеров существуют тысячи миллионеров и миллионы сверхбогачей. Невооруженным глазом видно, что каждый третий москвич и каждый пятый россиянин живут не по средствам. Их виллы, квартиры, дачи, машины, рестораны, бутики, отдых за рубежом и прочее не имеют ничего общего с их официальной зарплатой, как бы высока она ни была. Следовательно, «реприватизация» грозит обернуться новым 1937 годом для миллионов россиян. И президент выбрал статус кво как наименьшее зло.

Факт № 7. Конечно же, подавляющее большинство избирателей поддерживает Путина восьмой год вовсе не за «реприватизацию». Просто народ видит, что во главе государства наконец-то встал не пустой болтун и не тяжело больной человек, от чьего имени творятся чудовищные злоупотребления, а обычный «государственник», заботящийся прежде всего о благе государства. Не подлежат сомнению усилия президента в реанимации военно-промышленного и аграрно-промышленного комплекса. Хуже пока обстоит дело с возрождением науки и здравоохранения, народного образования и культуры, с положением в области охраны окружающей среды и общественного порядка. Но и тут видны определенные заделы, которые обещают конструктивные результаты.

Будем надеяться, что седьмая «перестройка» в конечном счете завершится благополучно.

Часть 2. АЗИЯ, ПРИТВОРЯЮЩАЯСЯ ЕВРОПОЙ

Заезжие и туземные болтуны толкуют о каких-то «общечеловеческих ценностях», о какой-то абстрактной «демократии», некоем «гражданском обществе» с непонятными никому в России «правами человека». И удивляются, почему в постсоветской России вместо Запада наших дней получается «Дикий Запад» XIX века: бандитский капитализм, «черный рынок», хищническое «первоначальное накопление» и прочие прелести давно минувших на Западе дней. Вообще-то за этими пустыми словами кроются определенные геополитические страсти. Мы на них позднее остановимся специально. А сейчас попробуем объяснить, почему вроде бы хорошие и высокие слова квалифицируются здесь как вульгарное (и своекорыстное) блудословие.

Начнем с экономики.

ВИДИМОСТЬ РАБОТЫ ЗА ВИДИМОСТЬ ЗАРПЛАТЫ

В советские времена бытовал анекдот, который был понятен только гражданам СССР: безработицы нет, а никто не работает; никто не работает, а план выполняется; план выполняется, а нигде ничего нет; нигде ничего нет, а у всех все есть; у всех все есть, а все недовольны; все недовольны, а все молчат; все молчат потому, что никому не хочется безработицы; поэтому безработицы нет и т.д. по кругу без конца.

Объяснение этой непонятной для нормального человека белиберды очень простое: в казарме нельзя быть довольным или недовольным, потому что там не работают, а отбывают воинскую повинность; в «казарменной экономике» жизнь оборачивается сумасшедшим домом, потому что там нарушены и извращены элементарные стимулы труда.

Давно известно: чтобы человек начал как следует трудиться, необходимо какое-то побуждение, стимул. Безразлично, позитивный — расчет на материальное или моральное поощрение, либо негативный — из страха перед нежелательными последствиями. Позитивный «работает» сравнительно слабо. Потому что, по русской пословице, из «спасибо» шубы не сошьешь. А согласно другой пословице, «трудом праведным не наживешь палат каменных». Для этого нужно преступление, в лучшем случае — жульничество-мошенничество, либо, как минимум, прореха в налоговом обложении. Поэтому на первом плане всегда оставался негативный стимул. А позитивному отводилась вспомогательная роль.

Долгие тысячелетия человечество решало эту проблему жесткой регламентацией, прямо-таки ритуализацией труда. За соблюдением регламентов-ритуалов строго следило всеильное в тех условиях общественное мнение окружающих. Оно жестоко карало за малейшее отступление от принятых стереотипов — вплоть до изгнания из сообщества.

Опыт показал, что эффект стократно усиливался, если подкреплялся идеологией, сурово осуждавшей лень, недобросовестный труд. Истории известны две наиболее развитые идеологии подобного типа: древнекитайская (конфуцианская), охватившая со

временем Индокитай, Корею, Японию, и протестантская (она же пуританская), сделавшая такими же «трудоголиками» население Северной Америки и Северо-Западной Европы. Все остальное население земли на этом фоне выглядит, мягко говоря, гораздо менее трудолюбивым.

История человечества знает также попытки преодолеть лень и недобросовестность людей принуждением. Но эти попытки нигде и никогда не давали желаемых результатов, потому что ответом на принуждение всегда была имитация труда. Человек вроде бы трудится, а результаты — нулевые. Именно это привело к крушению сначала рабовладельцев, потом феодалов. Но затем было совершено открытие, которое заставило более или менее добросовестно трудиться самых недобросовестных. Был открыт, наряду с другими рынками, рынок труда. Предлагай, как продавец, свои рабочие руки. Может быть, кто-нибудь купит. Если покупка оказывается неудачной — от нее просто отказываются, и продавец становится безработным. Предложение всегда и всюду в нормальных условиях намного превышает спрос. Как уже упоминалось, работы даже в высокоразвитых странах не хватает каждому десятому. А в слабо или односторонне развитых странах (какой является Россия) — каждому третьему.

Ничего более эффективного человечество не придумало. И, казалось, не надо придумывать: эффект более чем удовлетворительный.

Однако нашлись умники, которые вознамерились добиться большего. Вместе со всеми рынками они упразднили и рынок труда. Позитивный и негативный стимулы поменяли местами. Первый сделали ос-

новным, второй — вспомогательным (всего лишь выговор — ой, как страшно!). Страх перед безработицей тоже упразднили вместе с самой безработицей. Дали каждому конституционное право на труд. И даже больше — на рабочее место согласно полученному образованию. Труд объявили «делом чести, доблести и геройства», стали награждать за него как за подвиги на войне. И понадеялись, что при таких условиях люди станут большими «трудоголиками», чем китайцы или японцы.

Умники жестоко ошиблись. Люди охотно (поначалу) шли на собрания, где оживленно обсуждали, как лучше работать, а работали все хуже. Часто опаздывали или прогуливали, зарплата-то все равно гарантирована, да и рабочее место тоже. На работе часами шли перекуры и чаепития (это осталось традицией и по сей день). А то, что производилось и производится — от авторучки или кастрюли до автомашины и самолета (гражданского), — большей частью не соответствует элементарным мировым стандартам и абсолютно неконкурентоспособно на мировом рынке. И так — по сей день. По сути, царила — и до сих пор во многих случаях царит — самая бессовестная имитация труда. Она и подписала смертный приговор «казарменному социализму». Как раньше — рабовладению и феодализму.

Можно спорить сколько угодно об абстрактных преимуществах социализма или капитализма. Но факты — упрямая вещь. И нам ничего не остается, как вновь обратиться к ним.

Факт первый. С 1930-х годов, как только была «упразднена» миллионная безработица, гарантированы рабочее место и зарплата, улицы городов СССР

наполнились миллионными толпами празднующихся в рабочее время. В одной только Москве на 10 млн населения в 1980-е годы на улицах рабочим днем можно было встретить до 2 млн таких гуляк. Из них лишь половина относилась к пенсионерам, «гостям столицы» или работающим в ночную смену. Остальные просто спокойно ушли со своего рабочего или учебного места.

Кстати, я со своей будущей женой познакомился в кино — мы одновременно сбежали с лекций в своих вузах, что было массовым явлением. И вот уже шестой десяток лет она плачется, что Господь наказал ее таким мужем за нарушение учебной дисциплины.

Эта порочная традиция сохранилась до сих пор, причем правительство в чисто популистских целях возвело безделье в ранг государственной политики. Россияне начинают праздновать Новый Год с католического Рождества в начале 20-х чисел декабря. Работают спустя рукава еще несколько дней, будучи целиком заняты подготовкой к главному официальному празднику Страны — григорианскому Новому Году. Затем проходят «законные выходные» — суббота и воскресенье, после чего наступает православное Рождество (тоже официальный праздник для всех, включая мусульман, иудаистов и буддистов). Далее снова идут своим чередом суббота и воскресенье, после чего начинается подготовка к встрече Старого Нового Года (по юлианскому календарю). Работать при такой чехарде праздников просто физически невозможно, поэтому правительство объявило двухнедельные — фактически трехнедельные — зимние каникулы не только для учащихся, но и для трудящихся. Можно себе представить деморализационный эффект столь

продолжительного безделья, если протестуют даже самые отъявленные бездельники. А ведь вскоре за Старым Новым Годом наступает «мужской праздник» 23 февраля, учрежденный в пику «женскому празднику» 8 марта, причем в обоих случаях несколько дней вновь царит праздничный ажиотаж — не до работы. А впереди — такой же ажиотаж в конце апреля — начале мая («праздник весны и труда») и в июне (правда, июньский праздник проходит почти незаметно, потому что наступает пора массовых каникул и отпусков с июня по сентябрь), наконец, в первую неделю ноября (реликт бывшей годовщины Октябрьской революции). И это не считая мусульманских, иудаистских, буддистских и прочих праздников (например, «день авиации» или «день шахтера»), к которым охотно присоединяются все православные и атеисты. Даже в знаменитом городе Глупове обыватели не додумались до таких масштабов фактически узаконенного безделья.

Ни в одной стране мира не поверят, что ежедневные газеты в России не выходят по субботам и воскресеньям, потому что в эти дни не работает почта. При этом общественный транспорт по инерции работает и в выходные, а бессовестные журналисты и почтальоны, как ни в чем не бывало, катаются на автобусах и трамваях в свои выходные, «как у всех». По сути, это тоже своеобразное наследие «казарменного социализма», когда печать и почта спят, а зарплата (доход) идет.

Можно возразить, что толпы празднующихся встречаются во всех крупных городах мира. Но в высокоразвитых странах любые масштабы безделья во много раз перекрываются высокой производительностью труда работающих. А в слаборазвитых, отста-

лых странах толпы неработающих свидетельствуют только о масштабах безработицы и нищеты. «Казарменный социализм» занимает в этом ряду далеко не почетное промежуточное место.

Факт второй. Мы о нем уже упоминали. На Западе одна фермерская семья в условиях механизации, автоматизации и начинающейся компьютеризации сельского хозяйства способна прокормить помимо себя самой еще целую сотню семей — если учитывать экспорт продовольствия. Советская колхозная или совхозная семья кормила впроголодь, помимо самой себя, еще три-четыре семьи, и без значительного импорта продовольствия массовый голод был бы неизбежен. Такое положение по инерции сохраняется до сих пор.

Одна рабочая семья на Западе помимо себя самой снабжает всем необходимым еще пять-шесть семей и тоже обеспечивает весьма значительный экспорт. В бывшем СССР две рабочих семьи худо-бедно снабжали промтоварами третью, причем дефицит самого примитивного ширпотреба был ужасающим.

Сравнивайте сами.

Факт третий. Советское правительство пыталось стимулировать качество продукции лозунгами типа: «Советское — значит отличное». Официально присваивался «Знак качества» любой продукции, сколько-нибудь конкурентоспособной на мировом рынке. К 1985 году на такую оценку могли претендовать лишь 27% выпускаемой продукции. Это значит, что из каждых четырех изделий (любых!) лишь одно — обычно сделанное «по спецзаказу» или на экспорт — было сделано добросовестно. Еще два делались, как обычно, халтурно. По методу, как говорится, тяп-

ляп. И столь же обычно быстро выходили из строя. Наконец, четвертое сразу выбрасывалось в брак или навязывалось покупателю обманом. И с такой экономикой Хрущев в свое время грозился «похоронить капитализм»!

Факт четвертый. Всюду, где работа сравнительно легка, высокооплачиваема и престижна, где легко имитировать трудовую деятельность, на каждое рабочее место правдами и неправдами набивалось двое-трое, а то и пять-семь «тружеников». Зарплату-то им платить не из своего кармана, а из государственного! И чем больше «челяди» — тем знатнее выглядел «барин». Чего стоит одна только практика держать у каждого «большого начальника» по дюжине заместителей, которых при таком многолюдстве приходилось делить на «первых» и «прочих». Пережитки этой дикости сохранились до сих пор. Хотя разум подсказывает, что заместителем — на время отсутствия руководителя — может быть руководитель одного из подразделений. Всего один, а не дюжина!

С другой стороны, там, где требуется напряженный, низкооплачиваемый и малопrestiжный труд — за станком, за рулем, за прилавком (при километровых очередях), на стройке, на агроферме — к 1980-м годам накопились миллионы незанятых вакансий. В 1985 году далеко не каждый станок был загружен даже в одну смену, а две других, как правило, простаивал. В среднем каждая пятая автомашина — от грузовика до автобуса — стояла без шофера. На стройках не доставало каждого шестого строителя. К одному кассиру выстраивалась такая очередь, что его работа оборачивалась ежедневной восьмичасовой каторгой. Скот на агрофермах жестоко страдал из-за нехватки

персонала. Всего в масштабах СССР набиралось до 16 млн незанятых вакансий — это против 32 млн «избыточных» горе-работников.

Удивительно ли, что конечным продуктом такой системы стал типичный «советский человек», самому себе противный обидным прозвищем «совок»? Хамоватый, вороватый, холуеватый (если можно так выразиться) по отношению к начальству, необязательный — пообещает и не сделает, подведет, а если и сделает, то лучше бы не делал. И при этом старающийся возможно чаще находиться в подпитии, чтобы легче переносить мерзость окружающей действительности. Можно ли винить его за это? Презирать за это? Ведь он всего-навсего пал жертвой реализованной утопии и угодил во «вселенский стройбат». Можно ли требовать от типичного стройбатовца, зажато со всех сторон зверской дедовщиной и дачно-генеральской «барщиной», высокой сознательности и элементарной добросовестности?

Итак, мы видим экономику, в которой главное — не собственные усилия, а близость к кормушке. Такая экономика изначально обречена на плачевный конец. Стечением обстоятельств ей удалось продержаться целых 74 года. Могла бы рухнуть и в 1918-м году. Могла бы продержаться еще несколько лет или даже десятилетий. Но ее катастрофический конец все равно был неизбежен. Как неизбежен трагический конец ребенка, родившегося нежизнеспособным, — сколько ни держи его под капельницей.

Мы пропускаем коллапс российской экономики в 1990-е годы — он на памяти даже у не очень старых людей. В принципе он мало чем отличался от первого коллапса в 1917–1921 годах. Важнее подчеркнуть,

что начиная с 2000 года страна медленно, с огромными трудностями начинает третий в ее истории подъем от коллапса к колоссу. Здесь мы сталкиваемся с новыми, очень сложными проблемами, на которых стоит остановиться.

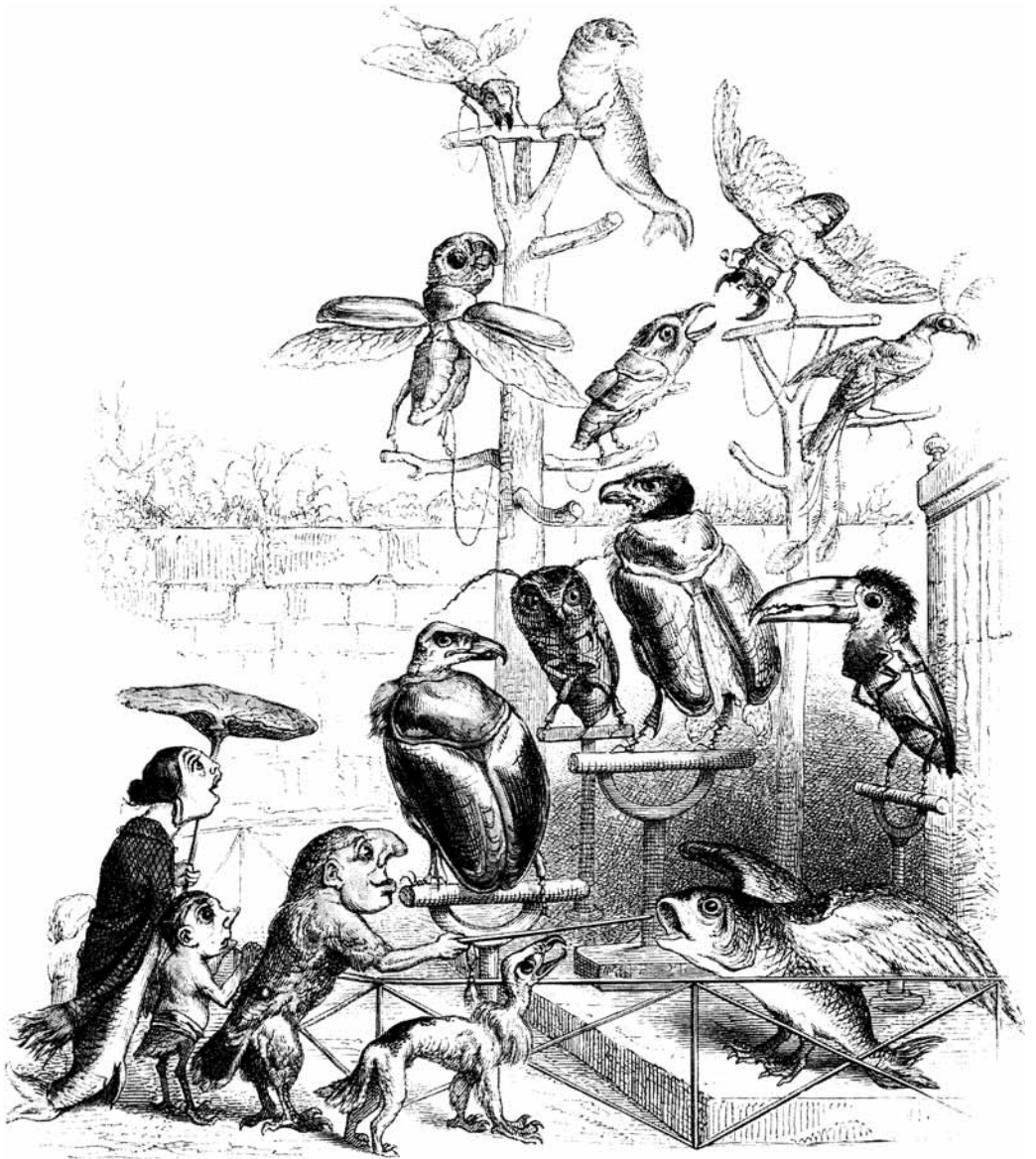
Эти проблемы носят не только экономический, но и социальный, а также политический характер. К политике мы обратимся в свое время. А сейчас рассмотрим, каковы исторические истоки социальных проблем постсоветского общества.

КШАТРИИ, БРАМИНЫ, ПАРИИ... СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ВАРИАНТЫ

Вспоминается забавная юмореска давних лет. Два итальянца спорят, на ком держится Италия. Один говорит: «Исключим женщин, с ними только скандалы. То же самое с чиновниками и военными — какая от них польза? Рабочим только бы бастовать. Крестьяне вообще не нужны, потому что едим и пьем мы все импортное. Остаемся лишь ты и я. Но все знают, что ты — бездельник. Вот и выходит, что вся Италия держится только на мне».

Этот интересный вывод приходит в голову, когда задумываешься, на ком держится Россия. С той разницей, что тут труднее определить, кто есть кто в этой стране. Сотни людей из многих тысяч, преподававших в вузах марксизм-ленинизм, десятилетиями неплохо зарабатывали как специалисты по социальной структуре советского общества. К каким открытиям они пришли?

В основе теории лежала догма, будто советское общество состоит из рабочего класса, колхозного крес-

стьянства и народной интеллигенции. Рабочие — это хорошо, и чем их больше — тем лучше. Очень гордились тем, что рабочих набралось более 60%. Хотя весьма недоумевали, почему в высокоразвитых странах Запада процент «синих воротничков» неуклонно и быстро сокращается. Крестьяне — это плохо, это всего лишь «переходный этап» от мелкой буржуазии к пролетариату. Ну, а об интеллигенции чаще упоминали с эпитетом «гнилая», нежели «народная». Предполагалось, что при коммунизме интеллигентными станут все поголовно. И интеллигенция как особая социальная группа исчезнет.

Любопытно, что проповедовали такую чепуху профессора, которые искренне считали себя интеллигентами. Но они и в этом ошибались.

При таком подходе возникали определенные трудности. Например, во многих случаях оставалось неясным, кого относить к уважаемым рабочим, а кого — к гораздо менее уважаемым интеллигентам. И принимались соломоновы решения: продавец — рабочий, а старший продавец, который тоже стоит за прилавком, но отвечает за работу «просто» продавцов — служащий, т.е. интеллигент, даже если неграмотен. Рабочий с высшим образованием (таких в погоне за высокой зарплатой к 1980-м годам набрались миллионы) получил звание «рабочий-интеллигент», а обычный крестьянин с образованием на уровне начальной сельской школы, вдруг ставший номинальным или даже фактическим главой государства (например, Калинин или Хрущев), опять-таки автоматически становился «служащим-интеллигентом».

Точно так же одни крестьяне именовались «колхозниками», а другие, примерно в таком же коли-

честве, — «рабочими» совхозов. Считалось, что это два совершенно разных класса общества. Хотя разница заключалась лишь в том, что одни (колхозники) обязаны были принудительно работать даром, только за формальные «трудодни» и фактическое право пользования приусадебным участком. А в совхозах в приложение к приусадебному участку полагалась мизерная, чисто символическая заработная плата, на которую без помянутого участка все равно прожить было невозможно. В остальном и те, и другие оставались бесправными рабами, а надсмотрщик в одном случае именовался «председателем колхоза», а в другом — «директором совхоза». Но оба в свою очередь были такими же бесправными рабами секретаря райкома партии, а тот — секретаря обкома, а тот — ЦК КПСС.

Кроме того, ни в какие ворота не лезли 43 млн служащих-интеллигентов (против нескольких десятков тысяч «просто» служащих и десятка тысяч подлинных интеллигентов до 1917 года). Даже в самых цивилизованных странах мира интеллектуалы составляли и составляют до сих пор считанные проценты, а в СССР им стал каждый третий! При этом все знали, что подавляющее большинство из советских 6 млн инженеров, 3 млн педагогов, 1 млн врачей по уровню культуры мало чем отличаются от обычных рабочих. И причислять их к интеллигентам так же нелепо, как и подавляющее большинство из 18 млн начальников разного ранга.

Впрочем, и тут нашли соломоново решение: считать интеллигентами только служащих с высшим образованием, а прочих именовать просто служащими. После многолетних дебатов эта ересь была взята на

вооружение. Но жизнь и здесь сыграла с догматиками злую шутку. Даже две шутки: одну количественного характера, другую — качественного.

В количественном отношении дипломов на уровне западного колледжа или университета к 1980-м годам набралось более 35 млн — им обзавелся каждый четвертый работающий. Получилось нечто вроде армии, где каждый четвертый — генерал. Однако элементарная аттестация показывала, что не менее трети дипломов — липовые. И еще треть принадлежала просто плохим дипломированным специалистам. Даже посредственные специалисты, не говоря уже о хороших, были редкостью. С другой стороны, 7 млн дипломированных специалистов — каждый пятый! — как мы уже говорили, в погоне за высокой зарплатой перебежали в ряды «синих воротничков», так что годы, проведенные ими на студенческой скамье, были потерянными для жизни.

Еще хуже обстояло дело с качеством. Советский диплом до сих пор не получил международного признания ни в одной цивилизованной стране мира. Правда, талантливые выпускники российских вузов — разумеется, их считанные проценты, — с любыми дипломами идут нарасхват даже на Западе (не говоря уже о Востоке).

Обидная дискриминация советского — и по инерции сегодня российского — диплома как заведомо липового заставила российское правительство в 1990-х годах предпринять ряд судорожных усилий, чтобы перекрестить российского дипломированного «пороса» в западного «карася». Был формально введен бакалавриат; затем бакалавр учился на «специалиста» (следовательно, наш бакалавр, в отличие от цивили-

зованных стран, не являлся специалистом!); после чего неизвестно для чего появлялся «магистр»: на Западе это нечто вроде кандидата наук, а у нас — нечто межеумочное, чисто обезьянье подражание Западу. Эта привычная в России показуха оказалась настолько скандальной, что до сих пор идут дискуссии о реформе российской высшей школы. Реформе яростно противится российская профессура. Почему — разберемся ниже.

Будет глубоким заблуждением полагать, будто если подавляющее большинство советских (ныне российских) дипломированных специалистов не имеет никакого отношения к интеллигенции, то хотя бы их верхушка в звании ученых, писателей, художников, народных артистов и т.п. — интеллигенты по определению.

Здесь самое время уточнить, кто именно в дореволюционной России считался интеллигентом. Это была очень небольшая количественно социальная группа (не более десятка тысяч семей), которую трудно было причислить даже к «разночинцам» — настолько резко отличалась она от всего остального, включая чиновничество, офицерство, генералитет, аристократию и т.д., до царя включительно, который интеллигентом не мог быть по определению. Как правило, это были люди так называемых «свободных профессий» (профессура, литераторы, врачи, инженеры, юристы и т.п.), которые жили на гонорары, не зависели ни от какого начальства и, следовательно, могли говорить, что думают. Иными словами, являли собой ум, честь и совесть народа (определение, нагло присвоенное мафиозной организацией большевиков-талибов). Помимо независимости своих взглядов они отличались тем, что ежедневно перерабатывали на

порядок больше информации, чем просто служащие, были чужды малейшего проявления хамства или хлудейства, стыдились красоваться разными побрякушками на груди. Словом, вели себя как люди с очень развитым чувством человеческого достоинства. И это в стране, где до сих пор такое чувство обходится человеку очень дорого, а подавляющему большинству людей — полностью чуждо.

Участи этих людей трудно позавидовать. Значительная часть их погибла в Первой мировой и гражданской войнах, а также от эпидемии «испанки» (гриппа тех лет). Не менее значительная часть эмигрировала или была насильственно выслана из страны. Оставшиеся либо приспособились к правящей клике, либо затаились, страшась показывать свою интеллигентность. Таким образом, сегодня можно говорить только о большей или меньшей степени интеллигентности человека, независимо от его профессии и социального статуса. И, увы, гораздо чаще о меньшей (если не вообще нулевой), нежели о большей.

Перейдем теперь от формальной к фактической стороне дела. Отметим, что советские догматики напрасно выдумывали вздорные догмы о социальной структуре общества. За пять тысяч лет до них это гораздо лучше сделали совсем другие люди, жившие в таком же разбойничьем государстве (Древней Индии), каким, по сути, является, каждая империя, называется ли она СССР или США, вчерашний Ирак или сегодняшней Иран, сегодняшней Украина или Грузия, Эстония или Латвия. Так вот, пять тысяч лет назад была создана классификация, которую можно с уверенностью применять к любому государству с древнейших времен до наших дней. Специфика

в каждом случае, конечно, имеется, но в общем трудно ошибиться: всюду одно и то же.

Шайку отъявленных разбойников, которые силой оружия подчинили себе остальных, эти умные люди в Древней Индии называли «кшатрии» (воины) — от князя (раджи) и великого князя (махараджи) до последнего бандита на их службе с мечом в руках. А тех, кто уговаривал их жертв не сопротивляться, называли «браминами» (жрецами). Прочие: те, кто устроился получше (торговцы, ремесленники, зажиточные крестьяне) — «вайшии», кто победнее (слуги и батраки) — «шудры». Наконец, совершенно обездоленные, приравненные к домашним животным, — «парии».

В царской России эта классификация сохранялась четко: кшатрии — дворяне, от царя до последнего чиновника; брамины — духовенство; вайшии — купцы и мещане (торговцы, ремесленники); шудры — крестьяне и рабочие; парии — дикие кочевники. В СССР та же классификация выглядит сложнее. Но она — та же, а не какая-нибудь другая.

Вот советские кшатрии. Формально это 43 млн советских служащих, включая 18 млн начальников всех степеней. Но фактически отсюда надо исключить «нищее дворянство» — низших служащих, чей образ жизни неотличим от вайшиев, а то и от шудр. Зато сюда надо причислить верхушку советских браминов (ученых, писателей, художников, артистов, врачей, педагогов), чей образ жизни неотличим от аристократии советского общества. В итоге получаются те же, что и сегодня, 1,5-2% населения — высший класс общества. Количественно каста ничтожная, но политически — огромная, всевластная сила, подлинная хозяева страны (вплоть до сегодняшнего дня).

Кшатрии на советском новоязе назывались «номенклатурой» (буквально: перечень ответственных должностей). Формально это понятие относится ко всем служащим. Фактически — только к руководящему составу районного, республиканско-областного и общесоюзного уровня. Ныне этот скомпрометированный термин вышел из употребления, но суть осталась прежней.

Если отбросить многочисленные формальности, которые лишь мешают разглядеть подлинное положение вещей, мы увидим те же, что и в Древней Индии, пять уровней, качеств, стилей, образов жизни.

В самом низу в СССР была изба, хата, сакля крестьянина со всеми «удобствами» во дворе. Никакой зарплаты. Питание — только с приусадебного участка. Одежда — либо самодельная, как века назад, либо поношенная, купленная на случайные приработки, как сегодня — роскошный лимузин или городская квартира. И принудительный даровой труд, как в тюрьме. Это — для подавляющего большинства населения, парий общества. Близки к париям и солдаты.

Этажом выше располагалось то же жилище, но к приусадебному участку добавлялась небольшая зарплата, так что в совокупности получался прожиточный минимум. В общем, конечно, кричащая бедность. Но уже не просто пария — шудра (миллионы рабочих в городе и на селе).

Еще этажом выше — «среднестатистический» рабочий или служащий. («Средний» — значит большинство хуже, меньшинство лучше). Это уже комната на семью из трех-четырёх человек — раньше барак с тремя-четырьмя семьями в два-три этажа по углам. Это уже зарплата — следовательно, еда, одежда и отдых, «как у всех».

Предпоследний этаж — очень состоятельные семьи служащих. Квартира, садовый домик или небольшая дача, позже стали возможны даже самые дешевые автомашины, плюс санаторно-курортный отдых, немислимый для остальных. Но это — считанные проценты населения.

Наконец, «самый верх», о котором мы уже упоминали. Огромная, «элитная» квартира с прислужгой, огромная казенная дача (все чаще переходящая по наследству), казенная автомашина с шофером, на самом-самом верху даже две — для «самого» и для его семьи. Продуктовый паек на неделю из отборных деликатесов по символическим ценам. «Спецателье» — полный гардероб тоже по символическим ценам. «Спецполиклиника» и «спецбольница» — не полсотни человек часами в очереди к врачу и не десяток-полтора больных в палате, а прием к любому специалисту в назначенный час и роскошные больничные апартаменты. Наконец, «спецкладбище» — не сплошные мытарства, как у иных-прочих, а с особым почетом и за казенный счет.

Очень многое из всего перечисленного сохранилось по сей день, но в измененных формах. Крестьянина в качестве парии общества заменил бомж (человек без определенного места жительства, обычно пропивший или иным образом потерявший свое жилье). К нему вплотную примыкает потерявший работу горемыка, обычно спившийся и промышляющий случайными заработками или/и воровством. Таких формально нищих в 1990-е годы набралось до трети населения страны. Говорят, что сегодня этот показатель снизился почти вдвое, но парии все равно остались, их особенно много в малых городах с рухнувшим производством

и в агонизирующих деревнях. Бедняки-шудры (уже не просто парии!) в 1990-е годы составляли почти половину населения. Ныне и тут пропорция несколько снизилась, но все равно бедность еще сравнительно велика. Собственно средний класс (российские вайшии) составляет жидкую прослойку между огромной массой шудр и считанными процентами состоятельных семей, которых как-то неловко величать браминами — уж очень они разношерстны по источникам своего благосостояния. Ну, а про «самый верх», про высший класс общества мы уже говорили. Он изменился формально и внешне. Но остался таким же по удельному весу и по существу.

КТО У НАС ТЕПЕРЬ «ХОЗЯИН ЗЕМЛИ РУССКОЙ»?

Иностранцев часто вводит в заблуждение обилие латинских слов в русском языке: император, секретарь, президент, министр, генерал, партия, парламент и т. д. Они наивно полагают, что российский император — это что-то вроде германского или австро-венгерского, советский генеральный секретарь — что-то вроде американского государственного секретаря, российский президент — вроде французского или того же американского, российский министр или генерал — действительно министр или генерал, какого они привыкли видеть в своих странах. Что партия — это партия, а парламент — парламент. В действительности здесь такая же специфика, как с турецким султаном, китайским богдыханом, персидским шахом, японским микадо или тибетским далай-ламой. Если не учитывать исторических национальных особенно-

стей, можно впасть в серьезную ошибку. В данном случае латинские слова употребляются для обозначения приблизительного иностранного аналога, чтобы иностранцы хоть немного понимали, чем отличается один государственный пост от другого. Да и в самой России издревле любят латинизмы и эллинизмы — еще со времен Петра Первого. Они выглядят в глазах русских респектабельно, но совершенно не отражают сути дела.

Первый раз с этой проблемой больше столетия тому назад столкнулся последний русский император Николай II. Ему пришлось заполнять анкету Всероссийской переписи населения 1897 года, где, среди прочих, стоял вопрос о роде занятий. Чем занимался русский царь? Царствовал? Но это тавтология. Царь, наверное, долго размышлял над ответом. Зато наконец действительно выдал, что называется, абсолютную истину в последней инстанции. Он написал: хозяин земли русской. Соответственно, императрица должна была написать: хозяйка земли русской.

Попробовал бы только написать что-нибудь подобное Вильгельм II или Франц-Иосиф I. Какая буря поднялась бы в берлинском и венском парламенте! Какой скандал разразился бы в печати! А вот султан, богдыхан и шах сочли бы ниже своего достоинства отвечать на какую бы то ни было анкету. Не написали бы «хозяин земли японской» или соответственно «хозяин земли тибетской» микадо или далай-лама — живые воплощения бога на земле. Видите, какие тонкости?

Прошло около ста лет, и с той же проблемой в конце 1992 года столкнулся российский президент Борис Ельцин. Ему надо было разъяснить журналистам, почему он довольно невежливо прервал свой визит

в Китай и неожиданно вернулся в Москву. «Я получил сегодня ночью сведения: что-то там слишком рьяно стали бороться за портфели, разбирать посты в правительстве, — заявил он. — И надо, чтобы вернулся хозяин и навел порядок». Примерно так же мог ответить более тысячи лет назад первый император (великий князь) Восточно-Европейской империи Рюрик (почти современник императора Западно-Европейской империи Карла Великого), 400 лет назад — тезка Ельцина царь Борис Годунов, 90 лет назад — председатель Совета народных комиссаров Ленин, 60 лет назад — генеральный секретарь компартии Сталин, 20 лет назад — президент СССР Горбачев. И это была бы чистая правда. Но не вся правда.

Дело в том, что в России вот уже более тысячи лет существует лично-авторитарный (или, как его еще называют социологи, авторитарно-патриархальный) режим правления. И никогда не существовало никакого другого с древнейших времен до наших дней. Под разными названиями, в разных формах — но именно такой, ничего иного. Не такой, как в османской, персидской, индийской, китайской, японской империях (в каждой из них — тоже своя специфика). Но и не такой, как в империях Западной Европы. Свой собственный, своеобразный. При всех национальных спецификах, однако, авторитарность всюду одинакова. Она означает, что на всех уровнях — от главы семьи до главы государства — имеет место всевластие хозяина. С оговоркой, что семья на Западе и в России вот уже более полувека в развале, и тут сочетание авторитарности-эгалитарности может быть разным, как и чувство личной зависимости «челяди» — начиная с членов семьи и кончая всеми подданными государ-

ства. В отличие от Востока, чувство не групповой (родоплеменной), а уже личной зависимости. В отличие от Запада, чувство зависимости, еще не доросшее до понятия человеческого достоинства и верховенства права. Именно в этом, на наш взгляд, основная специфика евразийской, в том числе российской цивилизации, промежуточной между западной и восточными цивилизациями.

«Хозяина земли русской» долгое время именовали государем, штатгальтером, буквально «держателем земли» — чтобы иностранцам легче понять. Он был вправе казнить или миловать любого, совершенно так же, как «держатель семьи» вправе был забить до полусмерти или до смерти жену, выпороть детей. Он обращался ко всем на «ты» — совершенно так же, как сегодня 30-летний «хозяин» обращается к 50-летнему шоферу или к 60-летней домработнице. А его должны были величать на «вы» даже его собственные дети (эта традиция до сих пор сохранилась кое-где — например, на Украине). Да и к каждому «хозяину» всех степеней долгое время обращались, как к монарху: «милостивый государь!» (сокращенно «сударь»). И добавляли: «ваш покорный слуга». Еще раньше: «ваш раб», «ваш холоп». Что полностью соответствовало действительности. Сегодня так не говорится — подразумевается само собой. А когда «сударя» упразднили, заметались в растерянности между чуждыми евразийской цивилизации «гражданином» и «товарищем», пока не остановились на нейтральных, но малоуместных «мужчина» и «женщина».

«Хозяина земли русской» долгое время именовали не просто «государь», но еще и «самодержец всероссийский». Вообще-то слово само по себе смешное, по-

тому что неясно, кто и за что сам себя держит. Но это просто буквальный перевод с древнегреческого: «автократор», абсолютный, ничем не ограниченный монарх. Вся правда заключается в том, что точно таким же «автократором» чувствовал себя не только «хозяин земли русской», но и «хозяин области», «хозяин ведомства», «хозяин учреждения» и так далее вплоть до «хозяина семьи». Абсолютным монархом по отношению к своим подданным». И «покорным слугой» по отношению к вышестоящему «хозяину». В этом — ключ к пониманию российской специфики.

Формальное название одной из моих должностей в свое время было «заведующий сектором исследовательского института». Но на самом деле я был «хозяином» сектора и в принципе мог заставить своих сотрудников написать за моей подписью статью или «помочь» мне на даче, как генерал использует солдата. Многие мои коллеги так и делали. Мне просто не требовалось ни того, ни другого. При этом я оставался «покорным слугой» директора института, который в свою очередь мог заставить меня написать за себя статью или даже целую диссертацию (один из моих коллег до сих пор зарабатывает себе на хлеб именно таким ремеслом). И мог запросто выжить меня из «своего» учреждения (один из моих начальников именно так и поступил). Утешаться можно было только тем, что над моим «хозяином» висели две точно такие же всевластные инстанции, не считая партийно-правительственных. И каждый вышестоящий мог так же легко расправиться с нижестоящим, как вышвырнуть из своей комнаты неудобный стул.

По одной из других своих работ я был профессором университета. Там моим всевластным «хозяином»

был заведующий кафедрой — «покорный слуга» декана, тот — ректора, а у ректора было полно своих «хозяев» в министерстве и в обкоме/горкоме компартии. В точности так же, как «хозяином» области был первый секретарь обкома партии, министерства — министр, посольства — посол. Кстати, именно поэтому послом мог быть сослан в почетную ссылку любой достаточно высокий «хозяин», понятия не имевший ни о дипломатии, ни о стране, в которую его послали. И, наоборот, должность посла могла быть наградой — что-то вроде «кормления» бывших князей-воевод. И такая практика вряд ли осталась в прошлом.

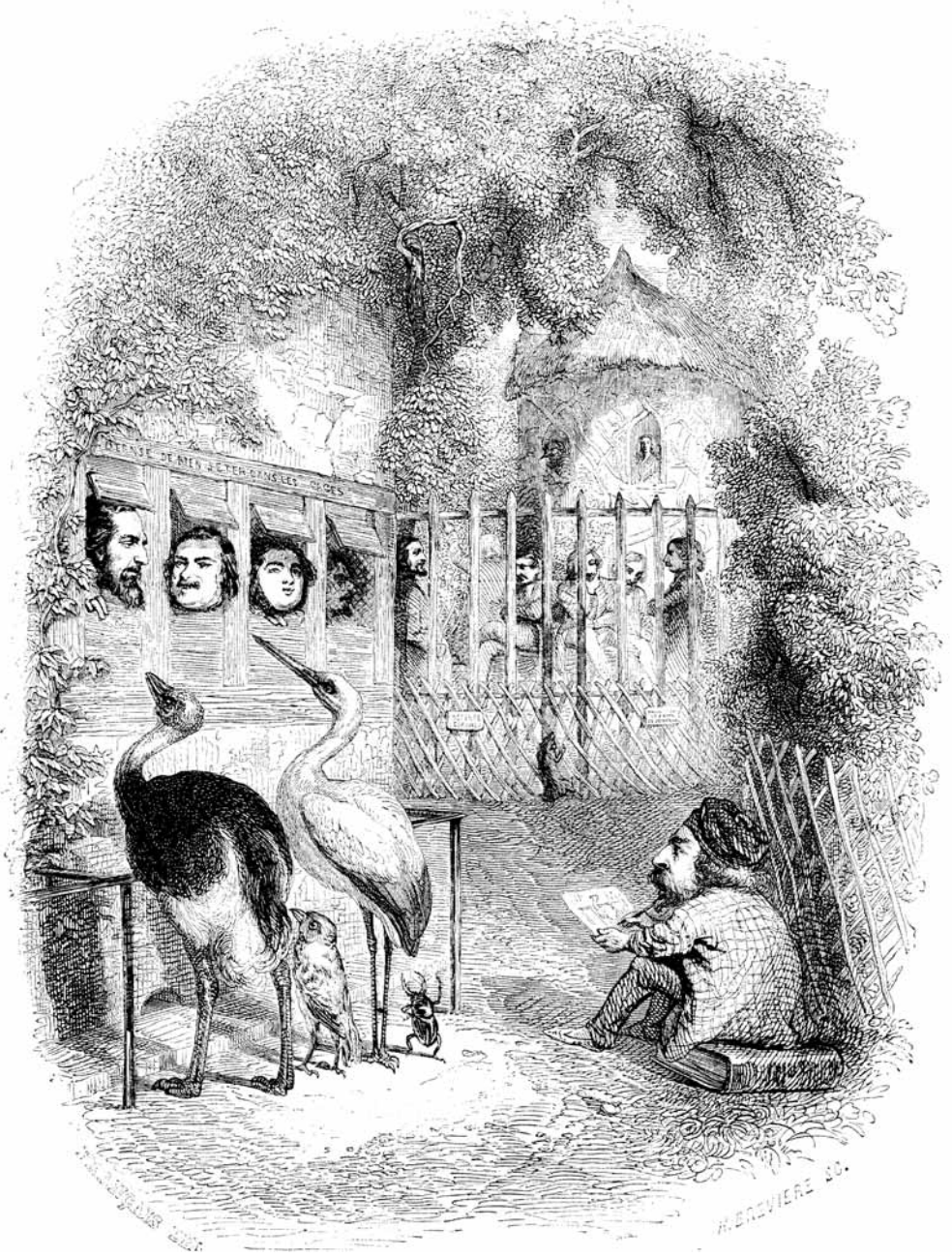
Конечно, со стороны может показаться, что каждый «хозяин» на своем уровне правит в соответствии с законами страны. Но при этом нелишне вспомнить отзыв одного иностранного путешественника позапрошлого века, который удостоверял, что «неописуемая жестокость российских законов умеряется тем обстоятельством, что их никто не исполняет». Было бы преувеличением полагать, будто такая оценка не распространяется на Россию последующих веков.

Сравнительно недавно первый президент России поссорился с парламентом из-за того, кому назначать министров. После долгой перебранки очередному «хозяину земли русской» надоело такое безобразие — вполне естественное в любой цивилизованной стране мира. Он разогнал парламент артиллерией, как в свое время Наполеон. И приказал «исправить» Конституцию России так, чтобы парламент впредь не мешал ему «хозяйничать» вволю. И Верховный Совет был заменен Государственной Думой, которая сначала вполне безобидно для «хозяина» скандалила — да так, что надолго сделалась одной из разновидностей националь-

ного посмешища. А затем была приведена, так сказать, к единому знаменателю: в ней составилось абсолютное большинство «покорных слуг хозяина». Получился перегиб: Дума как парламент, контролирующий правительство, превратилась скорее в разновидность советских профсоюзов — простого «приводного ремня» правящей партии и правительства. Теперь решается задача посложнее квадратуры круга: как разделить «покорных слуг хозяина» на две якобы разных партии (ни у той, ни у другой, как и у правительства в целом, нет своей идеологии)? Все остальные политические группировки, гордо именовавшиеся «партиями», на протяжении 1990-х годов настолько осрамялись, что даже к концу первого десятилетия нового века не имеют никаких шансов стать хоть сколько-нибудь значительным оппозиционным меньшинством, не говоря уже о претензиях на роль правящей партии. Мало того, не осталось ни одного политического деятеля, который мог бы потягаться с действующим президентом страны хотя бы с минимальными шансами на успех. Эту Иронию Истории нам придется особо рассмотреть в заключительной части книги.

Но если в постсоветской России так и не сложилась правящая партия — партия, формирующая правительство, ответственное перед партией, парламентом и всем народом за выполнение своей политической программы (каковой, по сути, нет до сих пор), то о каком «разделении властей», о какой «демократии» может идти речь? С учетом того, что судебная власть целиком подчинена все той же иерархии «хозяев», «четвертая власть» (пресса, СМИ) — тоже, а роль «правящей партии» играет «команда президента» — это скорее из области политического футбола или хоккея.

STRADE DEBEN & TER-RI-LES GILES

H. BREVIERE SC.

Жупел «демократии» давно — по меньшей мере с 2000 года — используется в качестве идеологического и политического оружия НАТО против России. На «внедрение демократии» в бывшие республики СССР (а фактически — на вовлечение их в орбиту НАТО против России) официально ассигнуются десятки и сотни миллионов бюджетных долларов США. Все это не имеет к собственно демократии ровно никакого отношения.

Ясно одно. Никакой «демократии», характерной для западной цивилизации, в Евразии быть не может по определению. Даже на Западе выборы нередко обрачиваются жульничеством и скандалом. В Евразии это норма. Даже на Западе в парламенте происходят скандалы и драки. В Евразии «парламент» — либо сплошной скандал, либо смешная декорация. На Западе чиновник как огня боится депутата и судьи, а тем паче — огласки в СМИ. В Евразии, как уже сто раз говорилось, чиновник — всевластный «хозяин», в том числе и по отношению к депутату, судье, журналисту.

Так уж исторически сложилось, что евразийская цивилизация — это иерархия «хозяев», произвол которых может ограничить только «соборность»: земский собор разных уровней, составленный не из выбранных и тем более не из назначенных депутатов, а из представителей достаточно авторитетных общественных организаций типа Комитета солдатских матерей. Понимание этого привело к созыву ежегодных сессий Земского собора (правда, без должных полномочий) и к учреждению Общественной палаты (с тем же изъяном). Будем надеяться, что реальная соборность в конечном счете восторжествует и заставит считать-

ся с собой как исполнительную, так и законодательную, а также судебную власти.

В заключение этого раздела хочется сделать несколько дополнительных разъяснений.

Во-первых, мы говорили только о верхушке политической надстройки России. Но это сделано исключительно для того, чтобы раздел не перерос в книгу, а то и в многотомник. Просим поверить на слово, что все то же самое можно отнести к любому уровню социального управления в стране — до последнего самодура-управдома включительно.

Во-вторых, мы говорили только о России. Но это исключительно для того, чтобы не обижать ее соседей по несчастью — так называемое «ближнее зарубежье». Там во многих случаях дела обстоят точно так же, а в некоторых случаях — еще хуже.

В-третьих, приносим извинения, если некоторые определения данного раздела показались обидными читателю. Мы старались придерживаться наиболее мягких цензурных выражений, хотя тематика порой очень затрудняла это.

ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ МИРОВЫЕ ВОЙНЫ

Когда автор в 1992 году приступал к первому изданию этой книги, он, как и все люди на Земле, был уверен, что Третья («холодная») война между СССР и США — позади ввиду фактической капитуляции СССР. На первом плане перед глазами у него маячил ужас распада единого социально-экономического и культурно-политического пространства родной страны, виделись растущая гора трупов, растущие миллионы беженцев, целое море людских несчастий, людского

горя. Сегодня, спустя полтора десятка лет, картина разительно изменилась. Распад страны сменился ее расколом на два лагеря — проамериканский и антиамериканский (как говорится, лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас). А Третья мировая война с 1999 года возобновилась — правда, в иных формах, нежели раньше. Мало того, к ней в 2001 году добавилась Четвертая. При этом в Третьей мы были «закадычными врагами» США, а в Четвертой стали их «заклятыми союзниками».

Как такое могло случиться? Понять это трудно (потому что в обеих войнах обе стороны говорят одно, а делают другое), но можно.

Третья мировая война формально началась (хотя официально никогда не объявлялась) в 1946 году воинственной речью английского экс-премьера Черчилля в Фултоне (США). Черчилль призвал Запад дать отпор СССР, который вторгся в Грецию (входившую — согласно разделу мира в ходе Второй мировой войны — в «сферу влияния» Запада) и в Иранский Азербайджан, а также заявил претензию на Черноморские проливы.

Напомним основные сражения (в кавычках и без оных) этой войны.

1948 год — блокада Западного Берлина, чтобы принудить Запад к уступкам. Прекращена в связи с высокой эффективностью «воздушного моста» между Западным Берлином и Западной Германией.

1949 год — создание антисоветского блока НАТО и раскол Германии на Федеративную (проамериканскую) и Демократическую (просоветскую).

Создание просоветской Китайской Народной Республики, включившей весь континентальный Китай.

Раздел Кореи и Вьетнама на северный (просоветский) и южный (проамериканский).

1950–1953 годы — вторжение войск Северной Кореи в Южную, разгром их американским десантом, вмешательство китайских «добровольцев» и перемирие на условиях статус кво.

1953 год — восстание рабочих Восточной Германии, подавленное советскими танками.

1956 год — восстание в Венгрии, подавленное советскими танками.

1957 год — запуск первого советского искусственного спутника Земли. Советское господство в космосе. Угроза атомной бомбардировки городов Запада из космоса.

1962 год — попытка доставить морем на Кубу советские ракеты с ядерными боеголовками, чтобы держать США под прицелом и в конечном счете вынудить их к капитуляции. Решимость США перекрыть этот рейс морским сражением. Советские корабли повернули назад.

1958–1969 годы — американская программа «Аполлон» по достижению господства в космосе. После ее реализации вопрос о капитуляции СССР стал лишь вопросом времени, и в 1972 году СССР сделал первую (неудачную) попытку договориться с США о приостановлении гонки вооружений.

1968 год — восстание в Чехословакии, подавленное советскими танками.

1950-е — 1970-е годы — крушение мировой колониальной системы, причем значительная часть новообразованных государств Азии и Африки перешла в просоветскую «мировую социалистическую систему», которая продолжала расширяться до 1980-х го-

дов включительно, пока СССР не застрял в «афганском капкане». В Латинской Америке развернулась партизанская война против проамериканских правительств. В некоторых странах Западной Европы (Италия, Франция) процент голосующих за коммунистов дошел до 20–30, как в сегодняшней России. Все это позволяло СССР надеяться на конечный успех и продолжать как гонку вооружений, так и территориальную экспансию. Однако тягость гонки вооружений стала для СССР непомерной (88 копеек с рубля национального дохода против 16 центов с доллара у противника), причем в 1980-х годах расходы на вооружение начали удваиваться каждые пять лет.

1985 год — СССР во второй раз обратился к НАТО с предложением о приостановке гонки вооружений. Снова неудачно — на сей раз потому, что в НАТО уверены в скорой капитуляции противника.

1989 год — либерализация пограничного режима в странах Восточной Европы, чтобы избежать роста там антисоветских настроений. Американские спецслужбы искусно использовали это обстоятельство для массовой переброски специалистов из Восточной Германии в Западную, минуя сооруженную СССР в 1961 году «Берлинскую стену» между Восточным и Западным Берлином. Чтобы ослабить это движение, СССР решил «либерализовать» переходы из Восточного Берлина в Западный. Американские спецслужбы снова использовали эту ситуацию для создания массового ажиотажа, завершившегося сломом «Берлинской стены», воссоединением на этой волне Германии и выдворением из нее (из-за несусветной глупости обитателей московского Кремля — без каких-либо компенсаций) группировки советских войск.

1989–1991 годы — явное поражение в «холодной войне», как и всегда в истории России, резко активизировало антиправительственные, в данном случае — центробежные, сепаратистские силы. Государство начало агонизировать, давать кровоточащие трещины.

1991 год — Развал СССР. Третья мировая война считается законченной ввиду фактической капитуляции одного из противников. Тем более что в Москве по сути тон стали задавать объективные «агенты влияния» США, начиная с Горбачева и Ельцина. Внешняя и внутренняя политика в общем и целом устраивала США, достигшие мирового господства.

1990-е годы — дал кровавые трещины разваливающийся СССР: кровь пролилась в Нагорном Карабахе (Армения и Азербайджан оказались в положении войны, но сил у обеих сторон для продолжения военных действий не хватает); в русском Приднестровье, формально входившем в Молдавию; в Абхазии и Южной Осетии, формально входивших в Грузию. Это было использовано США для подключения Молдавии и Грузии к НАТО.

1999 год — главой правительства в России стал Владимир Путин, который сразу же взял курс на восстановление военно-экономического потенциала страны. По элементарным законам геополитики, победитель не может допустить восстановления потенциала побежденного, и Третья мировая война возобновилась (правда, в новых формах). К этому времени назрел конфликт между сербами и албанцами в Косово (это уже из истории следующей, Четвертой мировой войны, к которой мы обратимся ниже). США «точечными» бомбардировками подорвали экономический потенциал Сербии — единственного союзника

России за пределами бывшего СССР, заставили сербов выдать своего президента на верную смерть и в конечном счете перетянули Сербию на сторону НАТО.

2003 год — США официальным ассигнованием десятков миллионов долларов провели в Грузии государственный переворот, поставили там президентом свою марионетку, которая объявила о подключении страны к НАТО.

2005 год — США официальным ассигнованием втрое большей суммы, чем в Грузии, провели государственный переворот в Украине, поставили там президентом свою марионетку, которая объявила о подключении страны к НАТО. Одновременно выделены десятки миллионов долларов на создание аналогичной ситуации в Беларуси, но неудачно.

2000–2007 годы — в состав НАТО одна за другой включены страны Восточной Европы; военные объекты НАТО придвинулись вплотную к границам России с запада и юга.

2000–2007 годы — аналогичные действия США осуществили в Средней Азии, но получили обратный эффект: Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, а также Китай и Иран пошли на сближение с Россией. При этом Иран — смертельный враг США (см. ниже), а Китай на протяжении ближайшего десятилетия-двух лет почти наверняка станет соперником США в борьбе за мировое господство (остальные державы, включая Россию, выбыли из этой игры).

Таково положение на невидимых «фронтах» Третьей мировой войны к середине 2007 года.

В 1948 году — спустя два года после Фултонской речи Черчилля, открывшей Третью мировую войну, — ООН приняла решение разделить Палестину на араб-

ское и еврейское государства, а главный город Палестины — Иерусалим — оставить нейтральным. Тогда никому в голову не могло прийти, что это решение вызовет со временем еще одну мировую войну, четвертую по счету в XX веке.

Пока арабы договаривались между собой, евреи явочным порядком создали государство Израиль и захватили Иерусалим. Арабы попытались сбросить евреев в море, но не учли, что Израиль по сути стал 51-м штатом США, и им пришлось иметь дело с гораздо более сильным противником. Арабы потерпели поражение, Израиль оккупировал целиком почти всю Палестину до реки Иордан, а арабов загнал в гетто под названием «автономии». Эта война вошла в историю в статусе чисто региональной и продолжалась в виде столкновений арабских подростков с израильской полицией.

Почти 20 лет арабы готовились к реваншу. Создали Объединенную Арабскую Республику в составе Египта и Сирии, взяли на вооружение советскую технику (израильская армия, понятно, имела на вооружении американскую технику и кроме того американские военные кадры) и приготовились к наступлению. Но израильцы повторили опыт Гитлера с СССР 22 июня 1967 года. В один прекрасный (для них, но не для арабов) день 1967 года они разбомбили советские самолеты и танки прямо на аэродромах и танкодромах, после чего разгромили арабскую пехоту, захватив Синайский полуостров у Египта (потом вернули) и Голанские высоты — у Сирии (не вернули до сих пор). Эту войну тоже сочли региональной, но она стала распространяться по планете, как раковая опухоль.

Из Палестины в Иорданию и Ливан хлынули миллионные потоки палестинских беженцев. Ли-

ван десятилетиями держался на равновесии между арабами-христианами (маронитами) на севере и арабами-мусульманами на юге. С нашествием на юг палестинских беженцев это равновесие было нарушено. Беженцы создали террористические организации сопротивления, и военные действия перенеслись на юг Ливана. Первая же крупная провокация — и Ливан на целых десять лет (1975–1985) погрузился в кровавое месиво гражданской войны, с трудом прекращенной хрупким перемирием с сирийской оккупацией страны (в 2006 году мы видели еще один рецидив этой войны — правда, краткий).

Упомянутая опухоль дала свои метастазы — на Кавказ, на Балканы и в Среднюю Азию. Еще одно поражение арабов вызвало в мусульманском мире усиление настроений реванша. В Палестине на смену камням пришли террористические акты арабов против израильтян, в том числе атаки террористов-смертников.

В Чечне благодаря неописуемой глупости правящей кремлевской клики было создано гнездо воинствующего исламизма, которому были переданы склады вооружения Советской Армии и в адрес которого через Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские эмираты потекли миллиардные потоки субсидий. В короткие сроки здесь была создана сильная группировка боевиков-наемников. Долгие годы с ними шла самая настоящая война, отличавшаяся самоотверженностью российских солдат и беспомощностью российского правительства. Эта война была «замирена» только в XXI веке, при Путине.

На Балканах осевшие в сербской области Косово албанцы, составлявшие поначалу считанные процен-

ты населения, на протяжении XX века сильно размножились и составили подавляющее большинство, потребовавшее отделения Косово от Сербии. Сербы попытались воспротивиться этому силами армии. Но поскольку Сербия была союзником России, США, как уже говорилось, разгромили Сербию и фактически отдали Косово албанцам. Те попытались развернуть свою экспансию дальше — в Македонию, но американские хозяева утихомирили их.

В Средней Азии возникли два потенциальных очага будущей войны. В Афганистане США руками своего сателлита Пакистана создали мощную боевую группировку фанатиков-талибов (исламский аналог фанатиков-большевиков). Эта группировка была предназначена для прорыва через сравнительно слабые заслоны узбеков и таджиков в Казахстан и далее на Волгу, к Казани и Уфе, что создало бы в России катастрофическую ситуацию. Одновременно появились подозрения, что в Ираке готовится ядерное оружие для удара по Израилю.

И все это целых полвека рассматривалось, как «региональный уровень». Ситуация изменилась только 11 сентября 2001 года, когда произошла чудовищная провокация: «торпедирование» зданий в Нью-Йорке и Вашингтоне самолетами, захваченными террористами-смертниками. Это означало примерно то же, что и Фултонская речь Черчилля: объявление еще одной мировой войны — Востока против Запада, «Бедного Юга» с его миллиардом безработных против «Богатого Севера» (явно повторяющего судьбу первого Рима в годы его упадка и падения), воинствующего течения ислама против заживо разлагающегося западного общества.

Сегодня Четвертая мировая война имеет два действующих театра военных действий и один потенциальный. Два действующих театра — это Афганистан и Ирак, оккупированные США и их союзниками, завязшими там надолго, как в свое время СССР в Афганистане. Потенциальный — Иран, правительство которого официально объявило о намерении «уничтожить Израиль». США вознамерились было оккупировать и эту страну, но воспротивились их союзники: в Иране оккупантам придется намного труднее, чем в Ираке.

Поднимается волна антиамериканских настроений в Латинской Америке, готовится к схватке за мировое господство крепнущий с каждым годом Китай.

Словом, международная обстановка весьма взрывоопасна. И было бы беспечно полагать, будто угроза грядущей военной бури обойдет Россию стороной.

Часть 3. КОЛОСС — КОЛЛАПС — СНОВА КОЛОСС?

СЕМЬЯ: ВЫРОЖДЕНИЕ И ВЫМОРОЧНОСТЬ

Эта глава в первом издании называлась «Семья: от Содома — к Гоморре» и выражала тревогу по поводу начавшегося развала семьи. Сегодня, полтора десятка лет спустя, развал в полном разгаре, и тревожный набат впору сменить погребальным звоном. Для всего общества. И не только в России.

Впрочем, как уже повелось в предыдущих главах, обратимся от эмоций к фактам.

В самом конце XX века российские социологи и демографы в результате многих лет скрупулезных исследований сделали научное открытие — пожалуй, самое крупное и самое печальное в этом веке. Долгое время они не могли поверить открытой закономерности, стократно проверяли и перепроверяли. Но факты не позволяли больше сомневаться: при переселении из деревни в город, точнее, при переходе от сельского к городскому образу жизни человек, в массе своей, теряет потребность в семье и детях. Тем самым обрекая себя и все человечество на социальное самоубийство.

При сельском образе жизни люди четко делятся на две категории: отцы и матери семейств, с одной стороны, «чада и домочадцы», столь же бесправные, как и прочая домашняя живность, с другой. Поневоле поторопишься обзавестись собственной семьей, чтобы не попасть в разряд «старых дев» или «бобылей», приживальщиков у главы семьи. А в одиночку на селе проживешь разве что нищим.

Но и собственная семья — это далеко не все. Бездетная семья — это такое же несчастье в глазах людей, как сегодня смерть единственного ребенка. Бездетная женщина — как горбатая: на коленях ползла к «святому месту», вымаливая себе дитя. Да и однодетная — как одноногая: явный инвалид.

Но все это — считанные проценты. Подавляющее большинство делилось на две неравных части. Меньшинство (но очень значительное — десятки процентов) — многодетные семьи с десятком-другим детей. Большинство — по тем или иным причинам вынужденное ограничиться несколькими детьми. И хотя значительная часть потомства не доживала до собственной свадьбы — умирали в детстве или в отрочестве, — все равно в каждом следующем поколении каждого двух родителей в среднем сменяли трое-четверо новых. И несмотря на бесконечные эпидемии, войны, голод происходил неуклонный рост населения.

При этом каждый ребенок в нормальной семье с трех до десяти лет — помощник родителя. Чем больше помощников — тем благополучнее семья. А каждый подросток с 10 до 15 лет — не просто помощник, а «заместитель» родителя по управлению хозяйством и малышней. С 15 до 20 лет подавляющее большинство молодежи обзаводилось собственной семьей и становилось исчезающей ныне на глазах «родней» — самым верным союзником на всю жизнь и «живой пенсией» на старости лет (за неимением никакой другой).

В городе — все наоборот. С семьей забот и хлопот намного больше, чем без оной. А если семья с детьми — вообще морока. Начать с того, что ребенок в городе просто физически не может быть твоим помощником.

Твоя работа — вон где, а он дома или в детсаде-школе — вон где. Ребенок в городе — заведомая обуза, которая тебе обходится дорого во всех смыслах этого слова. Тебя с ним бессовестно грабят все, кому не лень — от ближайшего магазина до родного государства. И что особенно страшно — ребенок со временем обязательно вырастает в подростка. Уже не «заместителя родителя» (в городе тут некому никого «замещать»), а монстра, попадающего в идиотски-самоубийственную для общества категорию «дети до 16 лет», которым все запрещено. Поскольку подросток физически и психически — уже не ребенок, он, как может, протестует против своего межеумочного положения. Прежде всего своей молодежной «контркультурой», воинствующе враждебной господствующей «культуре взрослых». А затем он как правило либо становится чужим своим «предкам», либо остается на всю жизнь их врагом.

Главное же, сама молодежь задумывается: ей-то зачем повторение такой трагикомедии? И делает соответствующие выводы. С 18 до 25 лет подавляющее большинство современной городской молодежи — до двух третей и более — на Западе (и в России) не замужем и не женато. Либо женились и развелись. После 25 лет все больше молодых людей начинают понимать, что одиночество, особенно в преклонных годах, — это добровольная тюремная «одиночка». И начинают все чаще создавать семьи. Но какие? Каждая шестая (ныне, наверное, уже каждая пятая) — бездетная, причем многие — добровольно бездетные. Почти все остальные — однодетные, реже двухдетные. Многодетные (начиная с трех детей) — это такая же экзотика, как раньше семья с двадцатью детьми. И в конечном итоге каждого двух родителей в каждом

новом поколении сменяют в среднем не трое-четверо, а всего один родитель. И начинается то, что по-латыни называется «депопуляция», а по-русски — вырождение, выморочность.

Выморочность проявляется весомо, грубо и зримо: смертность превышает рождаемость, происходит убыль населения. В России — со скоростью примерно миллион человек в год. Убыль маскируется иммиграцией из тех стран, где переход от сельского к городскому образу жизни только начинается, и где по инерции все еще идет рост населения. Но ведь это всего лишь разрыв максимум в три-четыре поколения: город не считается с национальностью — в нем все быстро переходят от многодетности к малодетности и бездетности.

Вырождение разглядеть более сложно, но тут на помощь приходит статистика. В многодетных семьях старшие заботились о младших и выросли нормальными людьми. В однодетной семье целая дюжина взрослых (родители, четверо бабушек и дедушек, восемь прабабушек и прадедушек, не считая бездетных теток и дядьев) шагу не дает шагнуть своему «единственному», все жизненно важные решения принимаются за него взрослыми. В итоге вырастает инфантил, у которого нарушен естественный процесс взросления: в десять лет ему словно пять, в пятнадцать — десять и т.д. И имя таким «взрослым детям» сегодня — легион.

В многодетной семье раньше выживали только самые здоровые. И передавали свою генетику потомству. В малодетной выживет даже нежизнеспособный — было бы хорошее медицинское обслуживание. И тоже передаст свою генетику потомству. А потом свой вклад добавит вконец выжившая из ума школа (см. следующую главу). И в конечном итоге полностью здоровых

сегодня остается не более пяти процентов — вместо почти пятидесяти раньше. И даже «практически здоровых» (т.е. с не особенно серьезными изъянами) — не более 20–25%, вместо большинства раньше. Остальные 70–80% к пятнадцати годам — «хроники»: ухо-горло-нос, зрение, позвоночник и даже гинекология с урологией.

Каким будет следующее поколение при такой ситуации? Не будем пугать читателя существующими на сей счет социологическими и демографическими гипотезами (чтобы хулиганствующий бард Шаов не запел снова: «Бурчит с экрана футуролог злобный...») и предоставим читателю самому поразмыслить над тем, как будет выглядеть население России при наблюдающихся тенденциях через 10, 20, 50 лет. С оговоркой, что существующие тенденции могут измениться. Мало того, может произойти переход в качественно новое состояние (см. заключительную часть книги), когда, говоря словами поэта, «считать мы будем раны, товарищей считать» совсем по-иному.

Обратимся лучше к путям решения этой проблемы. Отметим прежде всего, что наше руководство понемногу — годами! — начинает задумываться о серьезности ситуации. Не прошло и пятнадцати лет, как придумали вывесить «морковку»: четверть миллиона рублей за второго ребенка (с разными оговорками).

Уже какой-то шаг вперед. Но одолевают сомнения, не получится ли как раньше с «материнскими» орденами? Их в изобилии давали узбечкам, туркменкам, таджичкам, которые и безо всяких орденов «выдавали» по десятку детей — иначе бы их сжил со света родной аул. А на русских, украинцев, белорусов этот стимул не действовал: сколько рожали до орденов,

столько и продолжали рожать, даже меньше. Вот и теперь: не отвалим ли мы четверть миллиона той, у которой и бесплатно меньше двух детей не будет? Хуже того: не осыпьем ли золотом ту, у которой через сутки придется отбирать родительские права?

Социологи предлагают примерно то же самое, но более продуманное. Нам ведь не всякое потомство надо, а желательно здоровое. Почему бы не сделать часть педагогических училищ «спецучилищами», куда отбирать по состоянию здоровья? Окончил училище — иди на все четыре стороны. Но можешь пойти и в «профессиональные родители» — получить в кредит коттедж с участком, автомашину, детское питание, одежду, игрушки, книжки по символическим ценам и за второго ребенка — четверть миллиона на покрытие кредитов. Если вспомнить, что полностью здоровых родителей (в том числе потенциальных) у нас сегодня осталось едва ли не меньше, чем депутатов и уж точно намного меньше высокооплачиваемых чиновников, то бюджет пострадает совсем не значительно.

Конечно, прежнего роста населения нам вряд ли удастся достичь. Но существенно затормозить процесс вырождения и вымирания (до перехода в помянутое выше качественно новое состояние) — это вполне в наших силах.

РЕФОРМА ШКОЛЫ: ПОЧЕМУ НУЖНА И ПОЧЕМУ НЕ ИДЕТ?

Эта глава сохранила то же заглавие, что и в первом издании. Потому что и здесь за минувшие 15 лет никаких изменений к лучшему не произошло, положение дел только ухудшилось.

В 1974 году Академия педагогических наук СССР официально признала, что «наша образовательная система нуждается в серьезном совершенствовании». Спустя два года этот тезис прозвучал с самой высокой партийной трибуны. Спустя еще 12 лет, уже на закате советской власти, в Кремле собрался съезд учителей, который под страхом самых нежелательных социальных последствий единодушно потребовал немедленного проведения радикальной школьной реформы. Но наступили 1990-е годы, колосс СССР перешел в состояние коллапса постсоветской России. Правящей клике в Кремле стало не до школы, как, впрочем, и не до государства вообще — она целиком занялась личным обогащением. Наступил XXI век, власть переменялась, новое правительство начало вытаскивать Россию из состояния коллапса, хотя до нового колосса, каким были дореволюционная Россия и СССР, нам еще далеко. В ряде областей экономики и политики достигнуты определенные успехи. Но в социальной сфере никаких значительных достижений пока не видно. В том числе и в сфере образования. Возник парадокс. Все понимают, что школе нужна реформа, непрестанно говорят о ней, делаются попытки изменить хоть что-то к лучшему. Но эти попытки наталкиваются на пассивное сопротивление (называя вещи своими именами: на саботаж) педагогического корпуса и родителей. Почему?

Для ответа на этот вопрос не избежать экскурса в историю советской школы, в эпоху, когда возникли обсуждаемые проблемы.

Существующая российская система народного образования сложилась на развалинах дореволюционной в 1920-е годы (окончательно — к середине 1930-х) и с тех пор не претерпела никаких качественных из-

менений. Но тогдашняя обстановка имела очень мало общего с современной. В некоторых отношениях она даже была прямо противоположной сегодняшнему положению вещей.

Во-первых, в стране господствовала многолетняя семья, ныне практически исчезнувшая. Эта семья была одновременно и производственным коллективом, и социальным институтом, на котором держалось государство, и своего рода «домашней школой», где дети и подростки наследовали профессию и мировоззрение родителей, их стереотипы сознания и поведения (т.е. получали соответствующее воспитание, замененное ныне пустой болтовней), наконец, к 15 годам достигали социальной зрелости, будучи полностью готовы к роли матери или отца семейства.

Такой эффективности не знала ни одна государственная система образования в мире.

Во-вторых, не было никаких забот с начальным и средним профессиональным образованием. Кому было мало «домашней школы», тот шел учеником на производство или в фабрично-заводское училище (будущее ремесленное). В общеобразовательную школу шли только дети старшего возраста и подростки (8–15 лет), да и из них подавляющее большинство забирала домой помогать по хозяйству после 3–4-го класса. Средним уровнем образования (даже для высших гражданских и военных чиновников) была начальная школа — до неполной средней дотянулись лишь в середине 1950-х годов. Тогдашнюю среднюю школу-девятилетку в 1922 году оканчивал лишь один из ста восемнадцатилетних. Добавим к этому огромную безработицу, переводившую проблему подготовки кадров в проблему трудоустройства имеющих.

В-третьих, если с недипломированными кадрами особых проблем не было, то с дипломированными (при таких выпусках средней школы) существовал катастрофический дефицит. Достаточно сказать, что каждого пятого инженера — а их осталось всего несколько тысяч на страну — приходилось выписывать на золото из Германии и США, как станки и машины. Поэтому средняя школа была (и по инерции остается до сих пор) целиком и полностью ориентированной на поступление в вуз.

Взгляните на школьное расписание. Там нет ничего, что могло бы потом понадобиться школьнику в труде, в быту, на досуге, вообще в жизни. Все нацелено только на приемные экзамены в вуз. Но, с одной стороны, школа сама по себе ныне бессильна подготовить своего выпускника к вузу: для этого нужен дорогостоящий репетитор, желательна напрямую связанная с приемной комиссией. А с другой стороны, в вуз поступает не более 15% абитуриентов, да и из них почти треть отсеивается после одной-двух экзаменационных сессий. А из окончивших вуз лишь считанные проценты идут работать по специальности — конъюнктура на рынке труда резко отличается от той, что была полвека назад.

Вот и получается, что подавляющее большинство школьников зря просиживают штаны за школьной партой целых 11 лет. В свою очередь, большинство из этого большинства просто не в состоянии одолеть предлагаемую им программу (хотя вполне справились бы с другой, соответствующей их склонностям и способностям). Им публично ставят позорящие «двойки», вызывают в школу родителей с последующей экзекуцией дома. Они внутренне ожесточаются, и...

школа становится социальным источником преступности № 2 — сразу за неблагополучной семьей (№ 1), опережая «теневую экономику» (№ 3) и повальные пьянство и наркоманию (№ 4). Кроме того, при сложившемся положении она все больше сама входит в сферу «теневой экономики» — нигде ни шага без поборов, взяток, вымогательства. Короче говоря, социальный институт государства, каким является школа, все более приобретает асоциальный, вредный для общества характер.

Как исправить положение?

Первую попытку в этом плане сделали еще в 30–40-е годы (с перерывом на Великую отечественную). Было установлено, что дипломированный специалист только за один свой диплом получает в среднем почти вдвое больше недипломированного. Это увеличило приток в среднюю школу, но не намного. В 1950-е годы десятилетку заканчивал уже не каждый сотый, но еще всего лишь каждый двадцатый из восемнадцатилетних. Этого было, конечно, недостаточно.

Положение стало радикально меняться лишь во второй половине 1950-х годов, когда миллионы семей хлынули из деревни в город, и когда родители сообразили, что, забирая детей из школы, они обрекают их на низкооплачиваемую, низкопрестижную работу. И в 1950 году десятилетку стал заканчивать уже не каждый двадцатый, а каждый второй. В 1965 году — двое из каждых трех. В 1970 году — трое из каждых четырех. Казалось, что впереди оно, заветное «всеобщее среднее»...

Но получился конфуз. Дипломированных специалистов наготовили десятки миллионов (из них большинство посредственных, а почти треть — явно нику-

дышных, липовых). Вновь вернулось давно забытое слово: переизбыток. А с другой стороны, на пенсию, которой раньше не было, стали ежегодно выходить миллионы «недипломированных». Дефицит поменял адрес, перевернулся, а с ним вместе «перевернулась» зарплата. Только что инженера, врача, педагога со стандартным окладом 120 р. в месяц вез шофер с зарплатой 60 р. И вдруг того же специалиста с тем же окладом повез все более дефицитный шофер за 200, а то и за 300 р. И тогда, как уже говорилось, миллионы «дипломированных» рванулись на рабочие места «недипломированных», с зарплаты максимум в 150 р. на зарплату в 300–400 р. и выше. Получилось, что вузы, образно говоря, стали готовить грузчиков с высшим образованием, озлобленных такой жизнью и, как говорится, топящих свое горе в вине. Иными словами, средняя и высшая школа зашли в тупик, и власти констатировали, что необходима школьная реформа (см. начало главы).

Первое предложение, которое было сделано 30 лет назад, предусматривало отбор из каждого четверых пятнадцатилетних одного в старшие классы школы и далее в вуз, троих других — в профессионально-технические училища для подготовки будущих рабочих и низших служащих. Но было заранее известно, чьи сынки и дочки при любых способностях пойдут в вуз, а чьи — тоже при любых способностях — в ПТУ. Это предложение было настолько явно чревато социальным взрывом, что благоразумно предпочли воздержаться от него. Других радикальных предложений больше не поступало. А против нерадикальных (например, введение ЕГЭ — единого государственного экзамена) стеной встали педагоги. Ведь любое изме-

нение существующего положения грозит их побочным доходам, а зарплата педагога, как известно, мало отличается от нищенской пенсии.

Круг замкнулся.

Но не может же выжившая из ума школа существовать без катастрофических последствий! И такие последствия нагрянули.

Во-первых, сотни тысяч школьников ежегодно «досрочно» покидают бессмысленные для них школьные парты. Такие «беглые» насчитываются сегодня миллионами и конкурируют масштабами с беспризорниками. Хуже всего, что лишь меньшинству из них удастся пристроиться куда-нибудь на работу. Большинство заживо разлагается от безделья на шее родителей. Иными словами, из нормальных детей и подростков мы искусственно создаем дворовую шпану. Доказательства? Официально объявлено, что почти половина призывников в армию давно не учится и нигде не работает. Вряд ли лучше положение у девушек.

Во-вторых, вынужденное безделье тоже по-своему «воспитывает». Раньше или позже молодые люди приходят на производство, так сказать, входят в жизнь. Школа была обязана сделать из них добропорядочных родителей, добросовестных работников, законопослушных граждан и сложившиеся, цельные личности. Можем ли мы, положив руку на сердце, сказать, что большинство (подавляющее большинство!) нынешних абитуриентов — сплошь будущие Родители, Работники, Граждане, Личности (все — с большой буквы)? А если у школы такая «продукция», то как можно закрывать глаза на явный «педагогический брак» в миллионных масштабах?

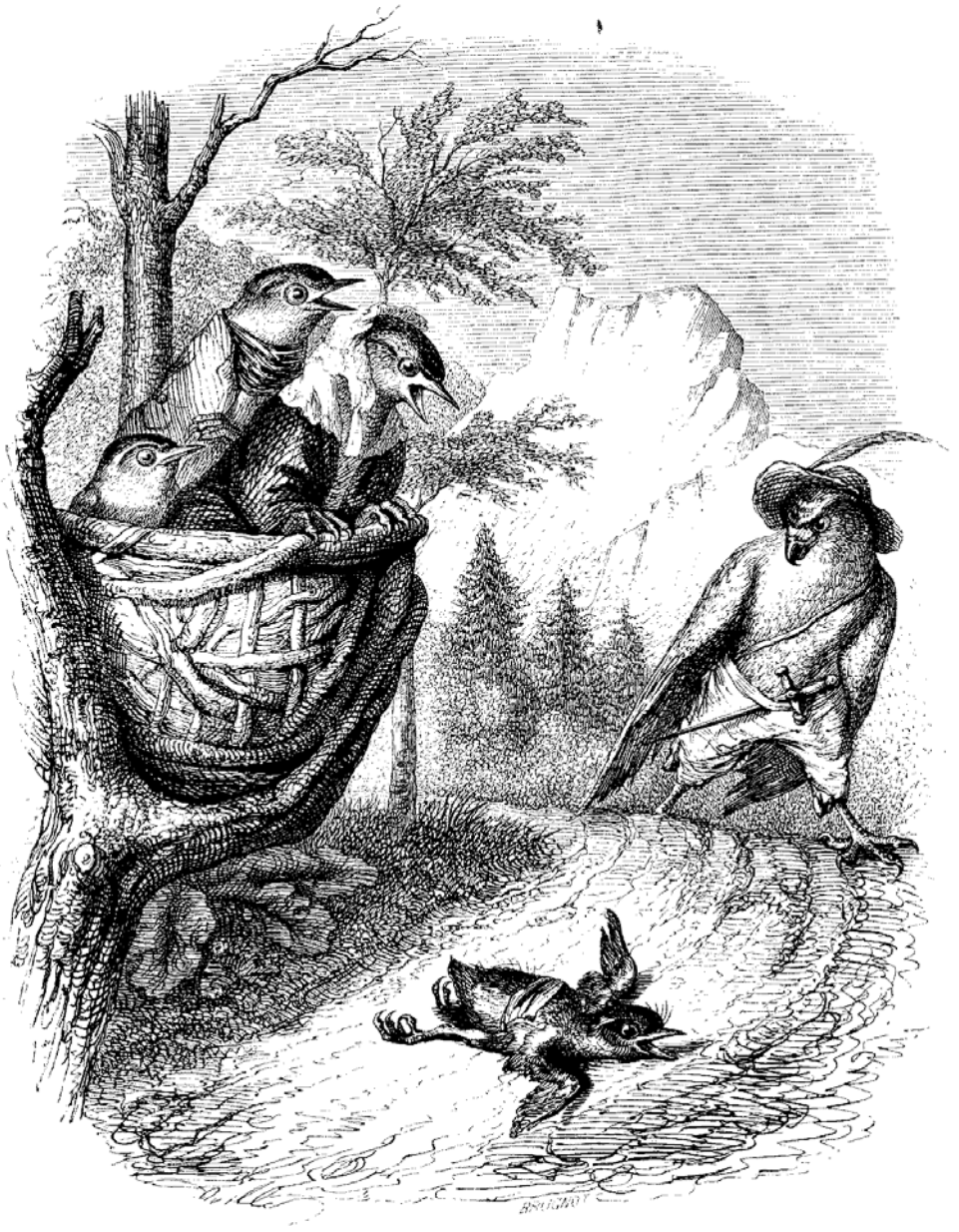
Наконец, в-третьих, из-за упоминавшейся выше депопуляции поголовье школьников стремительно сокращается. Мы начали XXI век в России с 21 млн школьников. К 2007 году их осталось 17. К 2010 году, по прогнозам, останется 14 (это ясно по имеющемуся контингенту дошкольников). Как мы уже говорили, сливки с этого стремительно тающего «пломбира» снимает Запад (посредством в разы превосходящей зарплаты). Что останется нам во втором десятилетии наступившего столетия, если мы не подготовим пусть уменьшающееся, но достойное потомство, трудящееся на Родине?

Словом, без радикальной школьной реформы нашему государству не выжить.

Какой она может и должна быть?

В 1995–2000 годах в секторе социального прогнозирования Института социологии РАН был проведен экспертный сценарно-прогностический мониторинг на тему «Ожидаемые и желаемые изменения в системе народного образования России». За этот период по разным методикам трижды опрашивались десятки экспертов — так называемые «первые лица» в теории и практике педагогики. Они гораздо более сурово оценили наблюдаемые тенденции в этой области, нежели это было сделано нами выше. И внесли несколько сот конструктивных предложений, которые, будучи сведены в систему, составили контуры программы радикальной школьной реформы. В предельно кратком, обобщенном виде эта программа выглядит следующим образом.

1. Отказаться от «школоцентризма», сводящего систему народного образования лишь к начальной, средней и высшей школе. Признать, что помимо этих

трех подсистем существуют еще шесть, не менее важных: образования родителей, дошкольного образования, среднего (довузовского) профессионального образования, повышения квалификации и переподготовки кадров, общего самообразования взрослых и дополнительного образования.

2. В образовании родителей начать с полового воспитания (оно же сексуальное просвещение) подростков в школе, но не огульно, а малыми группами разного пола и разного темперамента в форме доверительных бесед со специалистами. А закончить созданием сети самокупаемых университетов будущего родителя, молодого родителя и даже молодых (40-летних) бабушек и дедушек.

3. В дошкольном образовании (всеобщем!) вместо платных детсадов создать сеть бесплатных прогимназий рядом с домом родителей, работающих в разном режиме, сообразно особенностям каждой семьи. Так, чтобы дети 3–6 лет основательно — точнее, играючи, — подготовились к школе, освоили азы этики, эстетики, культуры умственного и физического труда, физической культуры, естество- и обществознания, научились читать, считать и писать (или хотя бы овладели элементами письма и рисунка).

4. Начальную школу приспособить к особенностям детей 6/7–10 лет, возможно основательнее отделив ее от школы для подростков, дабы минимизировать «дедовщину», зарождающуюся, как известно, именно в школе.

5. Неполную среднюю школу преобразовать в полную, так как давать паспорт четырнадцатилетнему гражданину страны до получения им аттестата зрелости — значит побить все рекорды города Глупова.

6. Как во всех цивилизованных странах, между средней школой и университетом ввести подсистему профессиональных колледжей для всей молодежи 15–20 лет (уже не подростков!). Со сдачей профильных и общеобразовательных минимумов, как в сегодняшней аспирантуре. С возможно более долгой стажировкой по месту будущей работы. И обязательно с дипломом, потому что для подавляющего большинства молодежи (с учетом последующих подсистем) этого уровня образования будет вполне достаточно. Фактически оно будет равно нынешнему высшему.

7. Учитывая быстрое старение получаемых знаний, перестать выдавать пожизненные дипломы, развернув полномасштабную систему постоянного повышения квалификации и периодической переподготовки кадров. Разработать четкую систему прохождения этих занятий на протяжении всей трудовой деятельности человека. Без соответствующей отметки о прохождении занятий диплом признавать недействительным.

8. Развернуть полномасштабную подсистему общего самообразования взрослых (типа вечерних университетов недавнего прошлого, в которых занимались 15 млн слушателей). Только не в былом «добровольно-принудительном» порядке, а «на интерес»: занятия в этой подсистеме должны считаться престижными и положительно влиять на карьеру.

9. «Продленку» в школе заменить возможно более широко развернутой сетью школьных клубов «по интересам», опирающихся на уцелевшие «дома творчества молодежи». Сделать «дополнительное образование» равнопорядковым по значению с основным.

10. Для подготовки дипломированных кадров более высокого уровня создать двухлетние бакалавриат, магистратуру и докторантуру, причем две последние — только для профессуры в вузах и руководства в НИИ, а также по некоторым особо сложным специальностям (например, в медицине). Покончить с порочной советской практикой подготовки научных кадров путем защиты старцев и стариц предпенсионного и даже пенсионного возраста (см. следующую главу).

11. Покончить с огульным подходом к учащимся и учебе. Дополнить имеющиеся базовую и коррекционные программы также «продвинутой» (для особо одаренных учащихся), «специальной» (для собирающихся специализироваться по данному предмету) и «ознакомительной» (для желающих лишь ознакомиться с данным предметом). Выбор программы — на усмотрение учащегося. Но и оценка его общих успехов — в зависимости от выбора той или иной программы.

12. Покончить с практикой публичных порочащих оценок. Шире применять практику собеседований, характеристик, зачетов, тестов. Учащийся вправе выбрать хоть все учебные программы как «ознакомительные», но не вправе пытаться специализироваться по предмету, по которому продемонстрировал неудовлетворительные знания (безо всяких унижений по этому поводу).

Как видим, в рекомендациях экспертов собрано много конструктивного из мирового и отечественного педагогического опыта. По материалам исследования в 2000 году была издана книга под дискуссионным заглавием «Нужна ли школе реформа?». Она была роздана всем помянутым выше «первым лицам», до которых автор был в силах дотянуться.

Однако вопрос, вынесенный в заглавие, висит в воздухе до сих пор. Надеемся, что написанное выше позоляет понять, почему.

АКАДЕМИЯ НАУК КАК МАВЗОЛЕЙ АГОНИЗИРУЮЩЕЙ НАУКИ

«Казарменный социализм» не мог не сделать школу, как мы видели, тоже «казарменной». Мало того, «казарменно-репрессивной», похожей на штрафной батальон. Он сделал «казарменной», как мы увидим в следующей главе, и медицину. Той же судьбы не смогла избежать и наука. Между тем наука — очень специфичная, очень капризная отрасль общественного производства. Она требует особого подхода, далекого от какой бы то ни было «казарменности». Любая попытка идти здесь, что называется, напролом дает тот же результат, что и попытка сеять озимые на заснеженном поле.

Потому что наука — не только отрасль общественного производства, не только особая система знаний, но еще и особая форма общественного сознания, равнопорядковая с философией, искусством, моралью, правом, политикой и религией. Каждая из этих форм имеет свои особенности. Попробовал бы кто-нибудь создать симфонический оркестр из одних «первых скрипок» — получился бы совсем иной оркестр. Попробовал бы кто-нибудь ввести в религию гипотезы и теории — получилась бы не религия, а наука. Между тем в СССР с наукой был проведен эксперимент, выведший ее за рамки существующих форм общественного сознания и обрекший ее, в конечном счете, на нынешнюю агонию.

Дело в том, что наука как отрасль общественного производства очень похожа именно на оркестр. Только производящий не новое звучание симфоний и концертов, а новые знания. Для этого в нем должны слаженно работать не только научные «первые скрипки», но и разные «трубы», «контрабасы», «арфы», «ударные» и, конечно, «дирижер».

Ключевая фигура в науке — генератор идей. Генерировать идеи — очень редкий дар, который дается лишь одному из ста хороших, добросовестных, настоящих научных работников (плохие, недобросовестные — не в счет). Да этих генераторов и требуется обычно всего один-два на целый НИИ, иначе получится, как в поговорке о двух медведях в одной берлоге. При этом обладатель такого дара способен генерировать новые идеи (чаще — всего одну новую идею) лишь несколько лет — обычно на третьем десятке лет жизни, когда его держат в лучшем случае в аспирантских штанишках. Позже идеи генерируются намного реже. Позже прославленный генератор обычно почивает на заслуженных лаврах, ревниво относится к другим новым идеям и старается их придушить, т.е. начинает играть в развитии науки реакционную, негативную роль. И ему очень помогают в этом полученные высокие должности, степени и звания. Кроме того, став маститым, он обычно выдает свои идеи в виде очень сырого «полуфабриката». И требуется целый коллектив его коллег с совсем иными способностями, который, как говорится, доводит идею «до ума» и до внедрения в производство.

Один из «оркестрантов» — модератор (обычно более пожилой и опытный коллега) — находит в работе генератора слабые места и подвергает их конструк-

тивной критике. Другой — аниматор — открывает и развивает сильные стороны идеи. Третий — организатор — координирует деятельность научного коллектива и его связи с внешним миром. Четвертый — репродуктор — обладает даром донести идеи генератора до общественности, студенчества, правительства. И обеспечить им таким образом поддержку, развитие. Пятый — разработчик (наиболее многочисленная разновидность научных работников), который доводит научную продукцию до нужных характеристик. Шестой — вспомогательный научный работник, без которого все остальное просто повисает в воздухе. Седьмой — обслуживающий персонал, переводящий науку из виртуального в реальное состояние.

Требуется оптимальная социальная организация этого научного «симфонического оркестра». Во всем цивилизованном мире подобная задача решается следующим образом. Основу организации науки составляет автономный университет, независимый от государства, даже если он находится на госбюджете. В нем разделяются научная, учебная и опытно-производственная части, администрация которых подотчетна иерархии научных советов. То же самое можно сказать о ректоре университета, деканах факультетов, заведующих кафедрами, лабораториями, директорах опытно-производственных предприятий. На кафедрах организуется учебная работа и ведутся (по грантам) фундаментальные исследования. В лабораториях при них проводятся хозрасчетные прикладные исследования и студенческая практика. При университете, если необходимо, создаются институты или центры — по сути это комплексы лабораторий, где ведутся фундаментально-прикладные исследования. Если необ-

ходимо, создаются также опытные цеха или целые заводы, а также другие предприятия. Основная форма привлечения преподавателей и исследователей — контракт. Это может быть контракт только на чтение лекций, или на руководство семинаром, или на проведение какого-то исследования. Часто совмещается то, другое и третье, но в разумных пропорциях, дающих преподавателю время на самоподготовку и на собственные исследования, а исследователю — время на подготовку к занятиям со студентами. Эти занятия предельно далеки от ежедневной дикой нагрузки с утра до вечера.

Никому не приходит в голову отрывать преподавательскую работу от исследовательской, ибо подлинный ученый без своей научной школы — нонсенс, нечто вроде «бездетной матери». А преподаватель без связи с наукой — всего лишь плохой «репродуктор». Никому не приходит в голову и отрывать фундаментальные научные исследования от прикладных, а те, в свою очередь, от опытно-практических разработок на их основе. Ибо в науке очень затруднителен формальный контроль над количеством и качеством научной продукции: очень легко нагромоздить гору ненужного или вздорного. Важен только конечный результат в виде готовых новых знаний, имеющих практическое значение хотя бы в близкой перспективе. Если же процесс разорвать, то фундаментальные исследования становятся бесплодной пожизненной синекурой, прикладные сводятся к сплошному «научному прикрытию» начальственного волюнтаризма, а разработки и вовсе погрязают в рутине, оторванной в равной мере и от науки, и от практики (см. главу «Видимость работы за видимость зарплаты»).

При этом для науки жизненно важен интенсивный обмен свежей научной информацией. Поэтому необходимы масса научных журналов, бюллетеней, препринтов; Интернет; конгрессы, конференции, симпозиумы, коллоквиумы, семинары, рабочие совещания и т.д. Поэтому необходима густая сеть научных обществ по специальностям, независимая и от университетов, и от правительства. Некоторые общества именуется по традиции «академиями», но кроме названия ничем не отличаются от иных прочих. Оторванная от этих животворных информационных источников, наука неизбежно хиреет и начинает агонизировать.

Что и происходит с российской наукой сегодня. Но это «сегодня» имеет свою предысторию «вчера», в СССР.

Наука всегда была для всех фанатиков-авантюристов мира не формой общественного сознания и не производством новых знаний, а лишь инструментом для укрепления своей власти. И все фанатики были крайне невежественны по части учета специфики науки. Им казалось: дашь высокую зарплату обладателю диплома — и получишь очень эффективную науку. От термоядерной энергетики до построения коммунизма. И они жестоко ошибались.

Сталин в 1927 году, став единоличным диктатором, столкнулся с крайней скудостью кадрового потенциала науки, низким социальным престижем науки и нежеланием талантливой молодежи идти в науку.

В царской России насчитывалось всего чуть более 14 тыс. ученых. Из них подавляющее большинство — простые «репродукторы» на лекциях и семинарах в университетах. Собственно исследователей, т.е. ученых, ведущих систематические научные исследо-

вания, было всего несколько сот человек. Мы помним сегодня почти всех их по именам. В ходе гражданской войны многие были убиты, погибли от голода или болезней, эмигрировали или были изгнаны из страны, многие деморализованы и отошли от научной деятельности.

Как обеспечить приток в науку свежих сил?

Не забудем, что сравнительный престиж профессий выглядел тогда совершенно иначе, чем сегодня. Мы, школьники 30-х годов, почти поголовно бредили военными профессиями. Для многих они были престижнее артистической карьеры. Карьера ученого занимала на этой «лестнице» престижа одно из последних мест. Мы знали только двух из них — рассеянного географа Паганеля, героя популярного в те годы кинофильма «Дети капитана Гранта», и академика Шмидта, да и то не как ученого, а как героя популярной экспедиции на пароходе «Челюскин».

И не в 1930-м, а даже в 1950 году я, выпускник самого престижного в стране Института международных отношений, отчаявшись призваться офицером в армию (ее тогда как раз сокращали), поступил в аспирантуру Института истории АН СССР. И стал посмешищем всего курса. Наиболее удачливые шли в чиновники — тогда, как и сегодня, это было самой блестящей карьерой: МИД, ЦК КПСС, Совмин и т.д. Менее удачливым приходилось довольствоваться корреспондентством в прессе или на радио. Но в науку?!.. «Ты бы еще в роддом пошел — тоже бабья профессия», — шутили острословы. Справедливости ради надо добавить, что всего через несколько лет отношение молодежи к науке радикально изменилось: в науку ринулись гурьбой.

Сталин сделал гениальный (для себя лично) ход. Во-первых, он разгородил единую по своему характеру науку непроходимой стеной на академическую, вузовскую и отраслевую. Первая — теоретически только для фундаментальных исследований — была самой высокооплачиваемой и самой высокопрестижной. Счастливицы, попавшие в нее, составляли считанные проценты научных работников. В вузовской науке было побольше, но преподавательская нагрузка была настолько велика, что в университетах большинству было не до науки, и она там оставалась лишь незначительным «довеском». Основная масса работников была сосредоточена в отраслевых НИИ, где зарплата равнялась двум третям академической (с соответствующими возможностями подбора кадров). Но даже в самом плохом НИИ жилось вольготнее (помните, «видимость работы за видимость зарплаты»?), чем на самом хорошем заводе, не говоря уже о совхозе или колхозе.

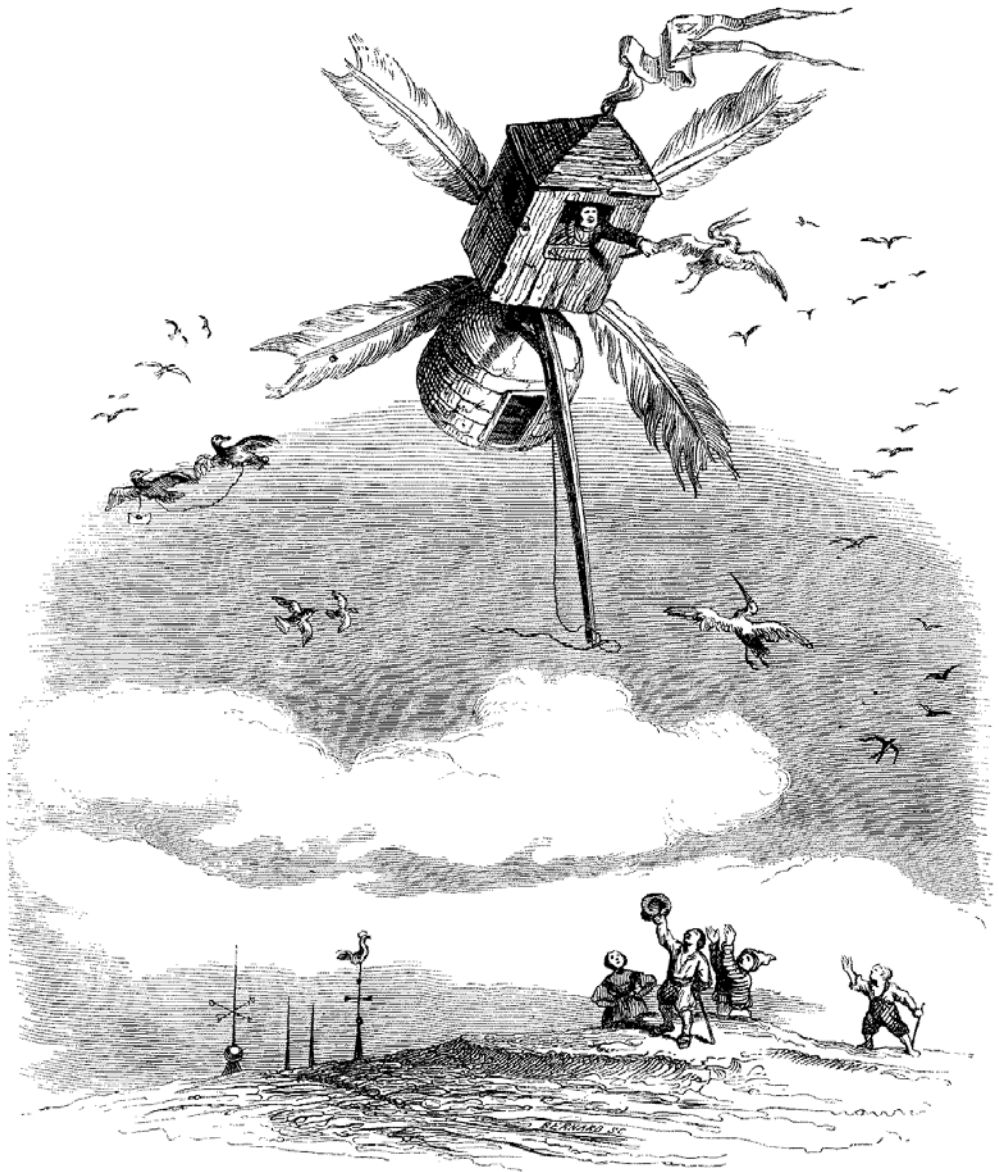
Во-вторых, он установил иерархию научных чинов, полностью скопированную с военной. В науке появились свои сержанты — лаборанты трех разрядов, лейтенанты — младшие научные сотрудники без степени тоже трех разрядов, капитаны — младшие научные сотрудники со степенью кандидата наук, майоры — старшие научные сотрудники с той же степенью, подполковники — они же, но уже со степенью доктора наук, полковники — они же, но уже со званием профессора и, как правило, заведующие отделом или кафедрой, генерал-майоры — члены-корреспонденты так называемых «малых» (отраслевых или республиканских) академий наук с двумя третями академического жалованья, генерал-лейтенанты —

члены-корреспонденты «Большой» академии наук (АН СССР), генерал-полковники — действительные члены «малых» академий, наконец, генералы армии — академики «Большой академии».

В вооруженных силах СССР, как и сегодня в России, положение солдат, сержантов, младших и старших офицеров, генералов отличается друг от друга как небо от земли. Все пять категорий питаются отдельно, одеваются по-разному, наконец, обязаны прислуживать высшей категории, вплоть до строительства за казенный счет генеральской дачи силами солдат.

Такие же порядки со временем установились и в науке. Звание и должность младшего научного сотрудника даже без степени автоматически давали зарплату, почти вдвое превышающую зарплату квалифицированного рабочего. Кандидатская степень еще раз удваивала зарплату. Докторская — еще раз. Звание академика — еще раз. При этом привилегии последнего столь же автоматически уравнивались с генеральскими, даже в некоторых отношениях — с маршальскими. Академику предоставлялись огромная квартира, огромная дача (то и другое — фактически в частную собственность, с передачей по наследству), служебная автомашина с шофером, другая, похуже, для жены, возможность приобретать продукты и одежду в «спецмагазине» по символическим ценам, наконец, верх почестей — обязательная статья в энциклопедии (с фотографией для академика, без — для членкора), «спецбольница» и «спецкладбище» с похоронами за казенный счет.

И все это — без малейшей связи с научной продуктивностью ученого, только в соответствии с его ран-

гом и должностью (а ведь, как писал Грибоедов, «чтобы чины добыть, есть многие каналы» — в том числе весьма далекие от собственно науки). Удивительно ли, что в науку хлынули привлеченные такими сказочными перспективами сначала сотни, потом тысячи и, наконец, сотни тысяч людей? В том числе на 60–90%, по разным экспертным оценкам, начисто лишённые не только склонностей, но и способностей к научной работе. Снова наблюдаем массовую видимость работы, но уже за весьма весомую зарплату.

За короткое время в 1950-е — 1960-е годы численность одних только научных кадров быстро дошла до полутора миллионов человек — четверть всех научных работников мира. Правда, средняя продуктивность отечественного ученого на порядок уступала западному. Со вспомогательным и обслуживающим персоналом эта армия достигла 5 млн человек, сравнявшись с собственно армией и милицией вместе взятыми.

Если верить так называемому «цитатному индексу», показывающему, насколько заинтересовали мировую науку новые знания, добытые тем или иным автором, то советская наука оставалась на уровне стран, где научных работников вдесятеро меньше.

Это объяснялось третьим нововведением Сталина, касавшимся прохождения научной карьеры.

Чтобы стать кандидатом и тем более доктором, требуется защитить диссертацию, на подготовку которой уходят годы и годы — лучшие годы жизни ученого. Теоретически каждая диссертация должна свидетельствовать о «генераторских» способностях диссертанта. Но ведь мы уже говорили, что генератор идей в науке — редкость. Практически диссертант

оказывается лицом к лицу с ученым советом, где никаких «генераторов» нет. Перед ним дилемма — либо попытаться сказать какое-то новое слово в науке и с большой вероятностью быть забаллотированным ревнивыми коллегами, либо просто имитировать науку стандартным словопостроением. Почти все, понятно, выбирают последнее. Быстро нашлись сообразительные люди, которые научились стряпать любую «стандартную» диссертацию за соответствующую плату. Зато потом новоиспеченный кандидат или доктор наук мог всю жизнь ничего не делать, перепоручая текущую научную работу неостепененным подчиненным. Теперь догадываетесь, откуда такая огромная притягательная сила возникла у науки для людей, далеких от нее и по психологии, и по интеллекту?

Но и это еще не все. Те, кто достиг степени доктора и звания профессора, негласно делились на два разряда, устанавливаемых дирекцией и парткомом: на тех, кто выдвигается в членкоры и далее в академики, и на тех, кому дорога дальше перекрыта навсегда. А дальше судьба претендента решается тайным голосованием двух десятков академиков того или иного отделения. Как вы думаете, проголосуют они за человека, на фоне которого будут выглядеть плачевно? И наоборот, если за человека хлопочут «свыше», то можно ли голосовать против? Результат: состав нынешних Академий наук (и «Большой», и «малых») ровно ничем не отличается от проваленных на выборах, мало того, ровно ничем — от «невыдвигаемых» докторов наук. Еще один результат: академические выборы год за годом неуклонно выливаются в грязную склоку с инфарктами и инсультами для «неизбранных».

Все это выглядело настолько вопиюще, что при первой же возможности, с началом развала СССР, как грибы после дождя стали возникать «общественные академии» — массовый протест против «академафии». Сегодня таких академий — сотни. Смешно, конечно, но новых академиков можно понять: чем они хуже старых? Ровно ничем, многие даже лучше.

И вот произошел развал СССР. А вместе с ним обвал «казарменной» науки. Ведь советская наука на 80% работала на «оборонку». И еще на 19% — на идеологию. Ныне таких расходов на «оборонку» страна не выдержит. А что касается идеологии, то, как мы уже говорили, страна тотально деидеологизирована. И наука в России в самом буквальном смысле слова осталась на обочине развития. Зарплата даже у докторов — просто удвоение их нищенской пенсии. Спаслись только академики — у них жалованье почти генеральское. Остальные бросились спасаться либо за рубеж, либо в «коммерческие структуры». В науке осталась лишь горстка энтузиастов, да пенсионеры, которым все равно больше некуда деться.

Но сколько бы их ни осталось — они бессильны. Нет средств на выписку научной литературы. Нет средств на командировки. Нет средств на обмен научным опытом. А без этого наука — как человек без воздуха, воды и пищи. И с каждым годом разрыв между передним краем мировой науки и состоянием российской науки растет.

Есть ли выход? Да, это мировой опыт. Он кратко очерчен в начале главы.

Если бы мы обращали больше внимания не на престарелых академиков, а на талантливую научную молодежь, на впавшие ныне в прострацию научные об-

щества (с соответствующими условиями и стимулами их работы), может быть, меньше талантливых молодых ученых подавались бы за рубеж и в «коммерческие структуры», больше радовали бы мир научными открытиями здесь, на Родине?

И пусть не в склоках, а на собраниях научных обществ наиболее достойные выдвигаются кандидатами в академию — скажем, в Государственную академию наук РФ.

ОТ МЕДСАНЧАСТИ К ЦИВИЛИЗОВАННОЙ МЕДИЦИНЕ

На протяжении десятков тысячелетий жизни рода гомо сапиенс смертность людей — особенно детей — была очень высока. Средняя продолжительность жизни человека не превышала 20-30 лет. Это означало, что подавляющее большинство людей умирало до достижения брачного возраста. Нередко двое из каждых четырех родившихся умирали в детстве, а еще один — подростком. Бывали случаи, когда от эпидемий и войн погибало более 3/4 населения. Все это имело место и в России.

Но существовал и механизм, который позволял человечеству выживать в самых тяжелых условиях. Это был механизм естественного отбора: из всех родившихся детей выживали и воспроизводили потомство только самые здоровые, которые передавали свою генетику следующим поколениям. Кроме того существовали традиции, обычаи здорового образа жизни. Наконец, существовала народная медицина и ее носители — народные лекари, знания которых тоже передавались из поколения в поколение. В СССР, как

уже говорилось, эта система продержалась до середины 1950-х годов.

Массовый переход от традиционного сельского к современному городскому образу жизни быстро разрушил эту систему. Люди оказались во власти государственной системы здравоохранения, которая была такой же «казарменной», как и все порождения «казарменного социализма». Считалось, что каждый заболевший может бесплатно получить консультацию врача, бесплатно лечиться в клинике или больнице, покупать лекарства по символическим ценам. Для этого подготовили вдвое больше врачей на тысячу человек населения, чем в США, построили больниц на примерно такое же количество коек. Но при спешном массовом выпуске большинство врачей оказались плохими или даже вовсе никудышными. Их зарплата из скудного госбюджета не превышала такую же мизерную зарплату учителя или инженера и совершенно не зависела от качества и результатов их труда. Поэтому они, как и все, часто лишь имитировали труд врача. Очередь из полусотни пациентов, пятиминутный «осмотр», из которого четыре минуты уходило на рукописное заполнение истории болезни, и все: следующий! Кроме того в распоряжении врачей было мало медицинского оборудования и хороших лекарств. Поэтому вдвое большее число врачей «пролечивало» за год вдвое меньше пациентов, чем в США. Хорошее медицинское обслуживание сделалось привилегией высшего класса общества. И это имело далеко идущие негативные социальные последствия для общества в целом.

Прежде всего резко, во много раз возросла заболеваемость. Точнее, количество обращений к врачу. Тому было несколько причин.

Во-первых, раньше многие просто не обращались к врачу: не имели такой возможности. Терпели. Уми- рали. Использовали народные средства. Подумать только, такие сравнительные пустяки сегодня, как аппендицит или воспаление легких, часто означа- ли смертный приговор. Страшную зубную боль при- ходилось смягчать разными травами и ждать, пока пройдет. Или рвать зуб подручным инструментом. Месяцами терпеть боль без всяких обезболивающих средств. В российской деревне это было типично вплоть до 1950-х годов.

Во-вторых, исчез эффект естественного отбора. Выживал уже не самый здоровый — теперь все зави- село от медицинского обслуживания. И этот не самый здоровый передавал свои далеко не лучшие гены по- томству. Генетики сразу отмечают в подобных случа- ях существенное ухудшение генофонда от поколения к поколению. Понятно, более хилое потомство чаще оказывается в очереди к врачу.

В-третьих, на глазах исчез спасительный щит ве- ковых ритуалов, традиций, обычаев. Не стало мас- сового продолжительного труда на воздухе — резко возросло количество заболеваний от сидячего образа жизни в помещении. Не стало религиозных ограни- чений в пище (посты и пр.) — каждый второй стал набирать к своим тридцати годам «избыточный вес», а вместе с ним и кучу болезней, сводящих человека в могилу на 20–30 лет раньше отпущенного ему судь- бою срока. В дореволюционной России курили доля процента мужчин и единицы-маргиналки среди жен- щин. В современной России курят свыше 3/4 мужчин и свыше 1/3 женщин — столько же, сколько курили на Западе полвека назад. Там сегодня курение счи-

тается признаком ущерба, и оно резко пошло на убыль. Между тем пачка сигарет в день сводит в гроб до 60 лет в среднем 80–90% курильщиков, годами сидящих в очереди к врачу, не говоря уже о тяжелых генетических последствиях для потомства (несовместимость сигареты с кормлением ребенка своим молоком уже широко известна, многое другое — пока еще нет). В дореволюционной России потребление алкоголя было жестко ритуализировано, пьяницы исчислялись считанными процентами. Сегодня горький пьяница или уже законченный алкоголик — каждый пятый взрослый (свыше 20 млн на 100 млн взрослого населения страны). Между тем стакан водки — не говоря уже о более убийственных суррогатах — тоже сводит в гроб до 80–90% пьяниц, но уже до 50 лет. И установлено, что после 5–6 лет пьянства обязательно начинает появляться ущербное потомство. Наконец, началось массовое потребление сильных наркотиков. Счет наркоманам пошел на миллионы. А ведь это 80–90 из 100 погибших до 30 лет без потомства или с таким потомством, которого лучше бы не было.

В-четвертых, массовая неблагополучная семья и школа-казарма с неразлучным с ними постоянным стрессом еще более усилили подрыв генофонда. К этому добавилась чудовищная беспризорность, о которой уже говорилось. В общем итоге до половины школьников к своим 15 годам становятся невротиками, до 2/3 — аллергиками, 4/5, как уже говорилось, обзаводятся хроническими болезнями. И все это, разумеется, передается потомству.

В-пятых, на людей с детского возраста обрушиваются последствия загрязнения окружающей среды. Они дышат нездоровым воздухом, пьют нечистую

воду, едят напичканные нитратами продукты, страдают от разных видов радиации (в самом широком диапазоне — от высоковольтной линии вблизи жилья до «перебора» с временем у телевизора или компьютера), их нервную систему разрушает чрезмерный шум — скрежет машин, шум строек, рок-фестивалей и т.п. Исход один — дорога к врачу.

В-шестых, низкая общая культура (вкуче с повальным пьянством), с одной стороны, и современный транспорт, современная промышленность и современный электрифицированный быт, с другой. Результат: чудовищные потери от промышленного, транспортного и бытового травматизма. Счет ежегодно ушедших из жизни только по этой причине исчисляется десятками, если не сотнями тысяч, счет попавшим в больницы — миллионами. А уж сколько падает пьяными с балконов, замерзает в сугробах, тонет в реках и озерах, гибнет от пожаров (в том числе заснув с зажженной сигаретой после стакана водки) — не сосчитать. И все, кто не гибнет, оказываются в очереди к врачу.

В-седьмых, раз больному платят из того же государственного кармана фактически ту же зарплату, что и работающему, да еще безо всякого риска потерять рабочее место, почему же не симулировать болезнь и не отдохнуть неделю-другую или даже месяц-другой на государственный счет? Многие так и делали. Сегодня это труднее — но не исключено. Напомним, что зарплата у врача мизерная, и всякое даяние для него — благо. В том числе и даяние за даровую больничную койку с трехразовым питанием. Не секрет, что формально бесплатная медицина у нас давно сделалась формально или фактически платной. За исключением несчастных пенсионеров или членов

«малообеспеченных» семей, которые, как и прежде, вынуждены часами сидеть в очереди на пятиминутный прием с очень низкой вероятностью получить дешевые лекарства.

Итак, при «казарменном социализме» мы имели вместо медицины самую обычную казарменную медсанчасть со всеми ее прелестями — одними для солдат, другими для генералов. И вот уже 15 лет идет мучительный переход к цивилизованной медицине, пока еще по сути только начинающийся. Контуры такого перехода ясны, поскольку цивилизованная медицина давно имеется в мировой практике.

Для состоятельных семей (напомним, что это 20% населения в России и 30% — в Москве) должна существовать платная медицина, в том числе крайне желателен «семейный врач», хорошо знающий особенности своих пациентов. И она, как видим, бурно развивается, но еще далека от своего желательного потенциала.

Основной массе населения доступна лишь «страховая» медицина, т.е. страховая медкарточка с желательной доплатой небольшой суммы наличных в регистратуре (для нормализации отношений с медперсоналом). Трудность здесь в том, что во вселенском «стройбате», который являл собой СССР, его «солдатам» не из чего было накапливать страховые взносы. Поэтому процесс внедрения медкарточек идет крайне мучительно. На наш взгляд, это как раз тот случай, когда не жалко средств из резервного фонда, чтобы установить нормальное социальное обеспечение пожилых людей, ставших нищими не по своей воле.

Наконец, людям, оказавшимся за порогом бедности, вряд ли доступна и страховая медицина. Здесь

уместна медицина бесплатная (желательно, под эгидой церкви, поддержанной государством) — богадельня, где страждущий может обрести лекарство или больничную койку как разновидность милостыни.

Насколько быстро мы выйдем на эти рубежи — покажет ближайшее будущее.

КУЛЬТУРА ПОД НАТИСКОМ АНТИКУЛЬТУРЫ

Термин «культура» столь же многозначен, как и термин «наука». Обычно его употребляют вкупе с эпитетами «материальная и духовная». Или, сообразно уже упоминавшимся формам общественного сознания, сэпитетами «философская», «научная», «этическая», «эстетическая», «правовая», «политическая», «религиозная». Чаще всего говорят о физической, бытовой и художественной культуре. В первом случае речь идет о культуре здоровья, во втором — о культуре питания (и пития), одежды, жилища, общения, иногда также знаний и труда, в третьем — о литературном, сценическом, музыкальном, изобразительном (включая декоративно-прикладное) и архитектурном искусстве. Когда нет эпитетов, обычно подразумевают учреждения культуры (в отличие от учреждений сфер управления, обслуживания, образования, здравоохранения и др.): книжное, журнальное и газетное дело (пресса), телевидение и радио, кинематограф и театр, клуб, музей, общественную библиотеку, парк культуры, спортивно-туристские учреждения и др.

Культуру можно понимать и как совокупность культов (ценностей) — Милосердие, Любовь, Семья, Разум, Добро. В этом плане культуре всегда противостояла «теневая культура» (по аналогии с «теневой

экономикой») с прямо противоположными культурами Насилия, Похоти, Звериной стаи, Наркодурмана, Зла. На протяжении тысячелетий культура и теневая культура (антикультура) развивались особняком — каждая в своей культурной нише. В одной нише было высокое искусство (с опорой на фольклор): письменность, театр, литургия. В другой — гладиаторский цирк, вакханалия, порнография. Этот четкий раздел сохранялся на всем протяжении так называемого Золотого века западной культуры, от времен античности до первой половины XIX века включительно (мы не касаемся здесь восточных культур, имеющих свою специфику). Однако на протяжении второй половины XIX века конкуренция между чрезвычайно размножившимися деятелями искусства на Западе (включая Россию) резко усилилась, им стало труднее найти доступ к своей аудитории, и деятели искусства стали все чаще прибегать в своем творчестве к художественному инструментарию антикультуры. Результат — упадок культуры (декаданс), для дистанцирования от Золотого века названный Серебряным веком. Однако гигантский массовый стресс Первой мировой войны породил новую ступень упадка искусства, которую впору назвать в том же понятийном ряду Бронзовым веком (ориентировочно 1920-е — 1970-е годы). В это время антикультура стала гораздо активнее вторгаться в собственно культуру. Наконец, последние 20–30 лет впору именовать Железным веком — настолько явно стала подминать под себя собственно культуру все более преобладающая во всех пяти видах искусства антикультура.

Антикультура перешла в наступление на собственно культуру, потому что получила возможность

опираться на растущую молодежную контркультуру, о которой мы уже упоминали как о протесте молодежи против своего противоестественного, дискриминационного положения при переходе от сельского к городскому образу жизни. Но смириться с этим наступлением никак нельзя, потому что оно выражает (языком искусства) процесс упадка, разложения заживо, близкой гибели современного «Третьего Рима» — Запада (включая Россию). Но пока что нигде ровным счетом ничего не делается, чтобы приостановить триумфальное шествие антикультуры, загнать ее в прежнюю нишу, добиться духовного преображения общества.

Далее будем говорить только о специфике в этом плане культуры России вчера, сегодня и завтра.

До 1917 года каждый из народов, населявших Россию, — даже каждая русская область — имели свою собственную тысячелетнюю культуру. Она восприняла многое из культуры племен, обитавших здесь издревле и растворившихся в существующих национальностях. Кроме того славянские и угро-финские народы восприняли многое из культуры Византии, тюркские — из культуры арабского халифата, калмыки и буряты — из культуры Тибета и Монголии. Имели место, конечно, и другие сильные влияния извне, и взаимопроникновение культур. Кроме того с XVII и особенно с XVIII века на Россию оказала сильное влияние западноевропейская культура — сначала германская, затем французская. Под этим влиянием, как и в других странах, сформировалась российская «высокая» культура, имевшая также сильные народные, фольклорные корни. Это относилось и к физической, и к бытовой, и к художественной культуре,

и ко всем без исключения основным типам учреждений культуры.

Культурные стереотипы питания, одежды, жилища у высших классов общества и у «простонародья» существенно различались. Литература и фольклор. Театр и народные увеселения. «Высокая» и «фольклорная» музыка. Изобразительное и народное прикладное искусство. Городская (включая усадьбы помещиков) и сельская архитектура.

Книги существовали в основном только для «высокой» культуры. В избе, хате, сакле для них просто не было места. На десятки миллионов российских семей даже к 1917 году существовало всего несколько десятков тысяч семей, обладавших домашней библиотекой из тысяч книг, несколько сот тысяч семей — из сотен книг, несколько миллионов — из десятков книг, а в остальных — далеко не во всех — могло оказаться лишь несколько книг, чаще — всего одна, и еще чаще — ни одной. В расчете на такую структуру аудитории строилась политика книгоиздательства: тираж в несколько тысяч или даже всего в несколько сотен экземпляров — для «элитного» читателя, в несколько десятков тысяч — для «широкого», в сотню-другую тысяч — для «массового». Эта политика сохранялась на всем протяжении существования СССР и вызвала острый книжный дефицит, потому что обстановка, как увидим ниже, существенно изменилась.

Журналы в те времена приравнивались к книгам. Они издавались в расчете на сравнительно узкую аудиторию. Их переплетали, ставили в шкаф, перечитывали. И их постигла судьба книг, даже более трагичная.

Газеты тоже издавались в расчете на «избранную» публику. На тех, кто мог за завтраком развернуть

«простыню» и не спеша проглядывать ее, прихлебывая кофий. Забавно, что «простыня» сохранилась по инерции до сих пор, хотя условия жизни разительно изменились. За это — правда, не только за это — газеты были «наказаны» судьбой: тем же взлетом и тем же падением, что и книги, и журналы.

Радио по-настоящему стало в России средством массовой информации только в 1930-е годы, а телевидение и того позже — в 1950-е. У них особая история, тоже не лишенная драматизма. Примерно то же самое можно сказать о кинематографе, который до 1920-х годов включительно был всего лишь развлекательным аттракционом.

Зато театр издавна был сугубо элитарным учреждением, резко отличавшимся от современного. В него съезжались завсегдатаи, составлявшие костяк зрительного зала, хорошо знавшие актеров и большей частью знакомые друг с другом. Съезжались к шести вечера, чтобы успеть за это время посмотреть пять актов театрального действия, поболтать в театральном буфете в четыре перерыва и разъехаться за полночь. Ничего удивительного, что театр играл в жизни города такую же роль, какую сегодня играет в жизни семьи телевидение.

В точности таким же элитарным учреждением был клуб. Его главная функция состояла в гарантированном содержательном общении с людьми «своего круга», без нежелательных посторонних. «Простонародье» в клубы не допускалось (хотя в конце XIX — начале XX века стали появляться первые рабочие клубы). У «простых людей» были свои собственные тысячелетние «клубы по интересам», к огромному потенциалу которых нам еще предстоит вернуться.

Музей большей частью представлял собой «кунсткамеру» с одной единственной функцией — демонстрировать предметы искусства либо диковинки былых времен. Там обычно бывало очень мало посетителей, и в этом смысле его тоже можно отнести к элитарным учреждениям. Вряд ли намного больше посетителей было и в общественных библиотеках.

Пожалуй, единственным учреждением культуры, выходящим за рамки элитарности, являлся городской парк, игравший в культуре практически каждого города огромную роль, несопоставимую с мизерной современной. Это был своего рода «клуб под открытым небом», где часто общались на прогулках — каждый в «своем кругу» — жители всех сословий.

Что касается массового и тем более зрительского спорта, то он в те времена еще только зарождался, хотя уже существовало нечто вроде аналогов современных спортивных состязаний. Были и народные виды спорта, которые принадлежали и к собственно культуре (скачки, городки, лапта и пр.), и к антикультуре (например, кулачные бои «стенка на стенку»).

На протяжении XX века каждое из перечисленных учреждений культуры сделало головокружительную карьеру и в России к 1990-м годам попало в серьезную проблемную, а то и в кризисную ситуацию, из которой выбирались (либо так и не выбрались) по-разному.

Книги при массовом переходе от сельского к городскому образу жизни со второй половины 1950-х годов стали повальной модой, наподобие кошек или собак, которых раньше в «коммуналках» держать было затруднительно. Каждый хотел, чтобы его квартира выглядела «интеллигентно» и стремился украсить

полки корешками наиболее престижных изданий, «достать» которые было непросто. Мода сделалась поветрием, когда семьи стали получать отдельные квартиры, и появилась современная мебель, в том числе «стенки», которые плохо выглядели без «корешков». Начался ажиотаж, не виданный нигде в мире. За короткий срок советские люди растащили по своим квартирам свыше 35 млрд томов (для сравнения: в общественных библиотеках, доступных каждому, набралось лишь 5 млрд томов). С каждым годом «книжный голод» рос, и книготорговля быстро превратилась в одну из отраслей «теневой экономики» со своей собственной мафией.

Крушение «казарменного социализма» буквально за несколько месяцев радикально преобразило книжный рынок. И к лучшему, и к худшему. Исчез глагол «достать»: в принципе стало возможным купить любую книгу, были бы деньги. Поэтому исчез и «книжный ажиотаж». Вместо «корешков» стало престижным, как и на Западе, расставлять на «стенках» вазы, шкатулки, сервизы, аудио- и видеокассеты, в последнее время и DVD-диски. Однако исчезла и прежняя система информации, когда о каждой новой книге быстро становилось известно всем потенциальным покупателям, и вопрос сводился только к тому, как «достать» желаемое. Теперь новые книги «тонут» в море-океане тысяч изданий безо всяких «опознавательных огней». Главное же — книжный рынок заполонили дешевые детективы («культ насилия») и амурные романы («культ похоти»). Их обычно выбрасывают после прочтения, как журналы или газеты. То есть накатывает лавина махровой антикультуры до открытой порнографии включительно. Парадокс:

книжное дело становится антиобщественным явлением, наподобие наркотика.

Журналы в 1920-е — 1980-е годы набирали все большую популярность и достигли во второй половине 80-х, когда ослабела цензура, миллионных тиражей. Лучшие из них стали в полном смысле этого слова «властителями дум». Несколько десятков журналистов были более знамениты, нежели сегодня поп-звезды. Правда, журналы уже больше не коллекционировали: негде и незачем. Но подборки вырезок стали популярными, и книжные сборники сенсационных статей — тоже.

1990-е годы показали, что журнал может быть востребованным только тогда, когда цензура еще существует, но уже не в состоянии запрещать все подряд. Когда наступила вождеденная «свобода», оказалось, что писать больше не о чем, кроме как о быстро надоевших «чернухе», «порнухе» и «расчленухе». Тиражи журналов быстро рухнули с десятков и сотен тысяч в считанные тысячи, а их судьба стала целиком зависеть от «спонсоров», которые оказались похуже прежних цензоров. Кстати, та же судьба и по той же причине постигла 10 тыс. членов Союза писателей (в том числе 2 тыс. поэтов), не говоря уже о сотне тысяч «нечленов», журналистский «хлеб» которых стал очень тяжким.

Первым ударом по журналистике было разочарование массового читателя несовпадением журналистских анализов, диагнозов и прогнозов с реальной действительностью 1990-х годов. Журналисты (и писатели) в одночасье перестали быть «властителями дум» — и это стало роковым в судьбе «серьезных» книг и журналов.

Вторым ударом была уже упоминавшаяся растерянность: о чем писать, когда «все дозволено»? Какое-то время многие издания перебивались перепечаткой запрещенного ранее или изданного за рубежом. Но этот источник быстро иссяк. И возникла безысходность.

Наконец, третий удар касался материальной базы книг и журналов. В СССР существовало 300 тыс. общественных библиотек, в которые новые издания рассылались за государственный счет. В 1990-е годы эти учреждения культуры, почти напрочь лишенные государственной поддержки, впали в прострацию. При этом бумага, печатные и почтовые расходы настолько возросли, что цена журнала сравнялась с ценой не самой дешевой книги. А в последние годы решительное наступление на информационном рынке повел Интернет. Так что судьбе журналов сегодня трудно позавидовать.

Не меньшую популярность получили во второй половине 1980-х годов и газеты. Им и так жилось неплохо: за символические гроши миллионы семей выписывали по несколько газет. И это было удивительно, так как читать в них на протяжении 1930-х — первой половины 1980-х годов было ровным счетом нечего. Но во второй половине 80-х многие газеты (в том числе «Литературка», «Неделя», «Московские новости», «Аргументы и факты» и др.) превзошли по популярности самые популярные журналы. Впрочем, их триумф продолжался недолго. В 1990-е их погубили три своих удара.

Во-первых, появились сотни, если не тысячи новых газетных изданий, которые подорвали монополию горстки прежних. Особенно серьезным конку-

рентом стала «желтая пресса», которая глумливостью и «копанием в грязи» привлекла к себе основную массу читателей газет. Во-вторых, цена газеты (бумага, печать, почта) взметнулась до небес, и без спонсоров, а также без наглой рекламы во всю страницу газета стала финансово невыносимой. В-третьих — об этом уже упоминалось, — газета не выдерживает конкуренции с радио, ТВ и Интернетом. В общем, будущее газеты, как и журнала, — это отдельная сказка (страшная). Нам придется рассказать ее в заключительной части книги.

Время расцвета советского радио — 1930-е — 1950-е годы, когда повесить на стену репродуктор перестало быть проблемой, а ТВ еще не в состоянии было составить радио серьезную конкуренцию. В это время радио достигло недостижимых более вершин: радионовости, радиоспектакли, радиоконцерты. Его с интересом можно было слушать целый день.

Радио и сейчас имеет немало козырей, которых лишены пресса и ТВ. Не будешь же читать или смотреть телевизор, когда делаешь утреннюю зарядку, сидишь в автомашине, занимаешься рутинным ручным трудом, просто ходишь по комнате, давая отдых глазам. Но, увы, не так просто отыскать любимую радиостанцию. Большая часть радиостудий зависит от ненавистной слушателю рекламы, и его приходится завлекать песнями, поскольку для всего иного прочего требуются дорогостоящие корреспонденты. И тут имеется удручающий выбор: болтовня ди-джеев, которым нечего говорить; только «заокеанские» песни, что далеко не всякому русскому по душе; только отечественные песни, но из каждых десяти девять — любительские, слушать которые можно только в узком дружеском

кругу; лучшие отечественные и зарубежные мелодии, но в таком узком формате, что радио начинает походить на плохое караоке. Казалось бы, нетрудно подобрать программу, которая не повторялась бы изо дня в день и привлекала бы новизной радиоконcertов (пусть миниконcertов). Но нет. Полдюжины вполне здоровых и, наверное, неглупых людей битый день крутят заезженные пластинки, перемежая их столь же заезженными репризами. Им невдомек, что близится день, когда потенциальный слушатель обратится за желаемым не к их студии, а к своему мобильнику, напрямую соединенному с Интернетом. Пока же радио вот уже почти полвека находится на периферии общественной жизни. По собственной вине.

Первое место среди средств массовой информации и учреждений культуры вот уже полвека прочно занимает телевидение. На него, как на глаза в органах чувств человека, приходится 80–90% получаемой «среднестатистическим» человеком информации. Забудем о советском ТВ с его плюсами и минусами. Это уже история. Напомним только, что в последней четверти XX века телевидение нашло наконец само себя не только как особое учреждение культуры, но и как особый вид искусства. Ему нет конкурента в жанрах «сериал» и «встречи с интересными людьми».

Увы, постсоветское телевидение (как и постсоветское кино) выбрало самоубийственный для себя путь: обезьянье подражание Западу, преимущественно американскому. Западное и следовательно отечественное ТВ держатся на трех «китах»: пресловутые «ток-шоу», разные квазиазартные игры и киноленты откровенной антикультуры, подразделяющиеся на боевики («культ насилия») и мелодрамы («культ

похоти»). Первые два «кита» составляют национальный позор, равнопорядковый Госдуме 1990-х годов. Третий «кит» — на грани или уже за гранью порнографии — самое настоящее социальное растление народа, и при ином правительстве подлежал бы уголовному преследованию. К этому добавляется навязчивая реклама, равной которой по наглости и глупости нет, наверное, ни в одной стране мира. Последнее ее «изобретение» — сверхнаглая перебивка через каждые несколько минут всех сколько-нибудь интересных передач, до новостей включительно. Теленегодяи, взявшие на вооружение это гнусное надругательство над телезрителем, наверное, даже не подозревают, какую волну народной ненависти к себе они поднимают. Автор сих строк, человек миролюбивый и в преклонных годах, без колебаний выступил бы в роли бесплатного киллера в отношении тех, кто позволяет себе теленадругательство над людьми. Можно себе представить, какими пышными будут народные торжества в связи с появлением второго поколения Интернета (простой доступ к любой желаемой информации), которое быстро похоронит ненавидимое, но пока что незаменимое ТВ.

Растлительная гнусность ТВ тем печальнее, что позитивный потенциал гуманности здесь очень велик. Доказательства: ежедневные просветительские передачи «Час суда», «История государства Российского» и др.

Театр на протяжении XX века пережил в высшей степени драматическую историю. Стартовав в качестве элитарного учреждения культуры (по сути, клуб за всегдатаев), он на какое-то время стал массовым. Через него проходила практически вся молодежь города, все

сколь-нибудь образованные слои населения. В театр шли как на праздник, в парадных платьях. И в приподнятом настроении возвращались домой. В годы «оттепели» (вторая половина 1950-х — 1960-х годов), когда ТВ еще не развернулось в полную силу, а цензура в театре была мягче, чем в немногочисленных тогда кинолентах, театр сделался чем-то вроде разновидности политической трибуны. Помню, как в московском театре «Современник» на спектакле «Голый король» четыре девицы в трико лихо отплясывали канкан, припевая: «Фу-ты, ну-ты, фу-ты, ну-ты, что за король!». Зал устраивал овацию: настолько очевиден был политический подтекст этого вставного номера. Но в 1970-е — 1980-е годы театр погубила конкуренция с более оперативными кино и ТВ. Осталось несколько десятков театров в крупных городах, где зал наполнялся более или менее удовлетворительно. Остальные несколько сот залов страны приходилось заполнять в принудительном порядке школьниками и солдатами, чему я не раз был свидетелем в поездках по разным городам СССР.

1990-е годы грозили театру полным крахом. И действительно, началась агония, которую пытались приостановить раздеванием на сцене актрис и прочими дешевыми трюками. Но произошло чудо: ослабление цензуры (принявшей и в прессе, и на РТВ иные формы) и тяга людей к встрече с «живым артистом» породили сотни новых театров, и зритель вновь пошел в театр. Посещение театра стало дорогим, но весьма престижным удовольствием — наподобие посещения ресторана. Надо полагать, что в этом качестве театру, как и музею, клубу, парку культуры, стадиону, не грозит никакой Интернет, и что у него светлое будущее.

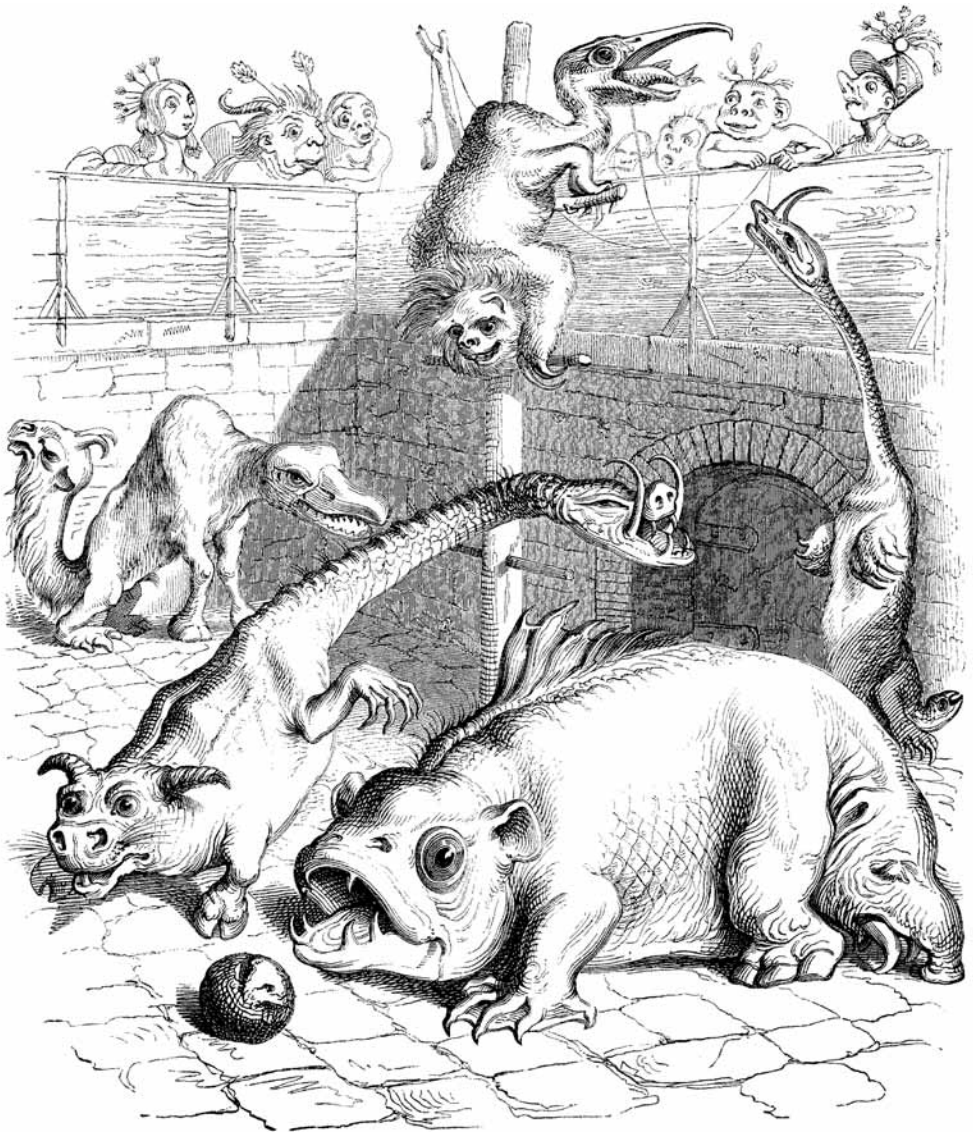
Этого никак нельзя сказать о кинематографе. С тем фактом, что массовой аудитории с тысячными залами у кинематографа больше не будет, надо смириться. Но и здесь нашли выход из положения: небольшие кинозалы, где можно посидеть в компании за столиком, — своего рода киноклуб. Проблемой стало содержание кинопоказа. Американцы в этом отношении достигли, кажется, потолка возможного. Несколько их первоклассных боевиков и мелодрам (с минимумом сцен насилия и похоти) вот уже многие годы остаются непревзойденными. Правда, это существует на фоне многих тысяч лент самой пошлой антикультуры. Перед российским кинематографом встала дилемма: развивать лучшие традиции советского кино послесталинской эпохи, когда появилось немало лент, вошедших в мировую сокровищницу кинематографа, или попытаться тягаться с Голливудом. Увы, наши кинематографисты выбрали последнее и уподобились ильфо-петровской Эллочке, вздумавшей составить конкуренцию дочери американского миллиардера Вандербильда. И российский кинематограф оказался «в самых последних рядах мирового кинозала». Это особенно обидно, потому что лучше русских никто русскую классику экранизировать не способен (так же, как французы — французскую, англичане — английскую и т.д.). Кроме того Россия располагает большим количеством талантливых российских сценаристов и режиссеров. Талантливых, но невостребованных. Потому что таинственный «спонсор», на котором держится российское кино, предпочитает плохое американское лучшему русскому. Еще несколько лет до пришествия второго поколения Интернета — и такому подражательно-второсортному кино придет конец.

В отличие от кино, клуб как учреждение культуры расправил крылья. Раньше это учреждение делилось на три класса: дом культуры для деятелей науки и искусства, просто дом культуры для работников какого-то крупного предприятия и учреждения, чтобы «отгородить» их от прочей публики, наконец, просто клуб — городской или чаще сельский, — являвший собой третьесортную кинозабегаловку с примитивной танцверандой. Теперь появились сотни, тысячи клубов (обычно соединенных с ресторанами) для разного рода состоятельной публики. В этом отношении мы оказались ближе всего к современному Западу.

Неплохие перспективы имеет и музейное дело. У музея, как и у кино, стало меньше публики — ныне невозможен «прогон» по музеям за казенный счет тысячных толп туристов. Но в музей люди продолжают идти на свидание с живым прошлым. И если к тому же музей становится особым школьным классом для всех школ города, особой студией для всех художников и писателей города, своего рода научно-исследовательским учреждением, организатором выставок, концертов, «встреч с интересными людьми» и т.д., то никакой Интернет ему не конкурент.

Сказанное про музей полностью относится и к общественной библиотеке. Тем более что с приходом следующего поколения Интернета она неминуемо обретет характер Музея книги со своей собственной аудиторией книголюбов.

Глядя на современные парки культуры, испытываешь ностальгию по их предшественникам. Но что поделаешь? Современная городская жизнь с ее отдельными квартирами, ТВ и соблазнами загородного отдыха исключает механическое возвращение к про-

шлому. Ныне городские парки суть площадки для выгула детей, собак и пенсионеров. И нужно немало энтузиазма, чтобы превратить их вновь действительно в парки культуры. Это не за пределами реального, на чем мы специально остановимся ниже.

Сложнее с физкультурой и спортом. Школьная физкультура, как и физкультура вообще, была и осталась на уровне ниже всякой критики, хотя есть немало примеров, свидетельствующих о высоком потенциале этой области культуры. Что касается спорта, то он, как и на Западе, в 1990-е годы полностью перекочевал из области собственно культуры в сферу антикультуры, доказательств чему тьма: допинг, торговля спортсменами, толпы беснующихся фанатов и пр. Думается, что пока не грянет гром (например, в виде крупного террористического акта на стадионе), ни Запад, ни Россия так и не «перекрестятся».

Теоретически все без исключения учреждения культуры способны обрести «второе дыхание», если превратятся в соответствующие «клубы по интересам». Можно представить себе «общество друзей» какого-то книжного издательства, журнала, газеты, телеканала, радиостудии, киностудии, театра, клуба, музея, общественной библиотеки, парка культуры, стадиона и т.д. Это «общество» явило бы собой как бы «парламент», который избирает руководство соответствующего учреждения культуры, ответственное перед ним, составляющим его надежную опору. Но это — теоретически. А практически все до единого учреждения культуры находятся в большей или меньшей зависимости от мешка денег, который определяет, что печатать, что ставить, чем восхищаться. И может даже «прихлопнуть» культуру, придав

тому или иному учреждению культуры совсем иное назначение. Пример — недавний случай в Самаре: городской парк культуры был продан за бесценок подставному лицу для строительства на его территории элитных коттеджей.

ТУПИКИ ГИПЕРУРБАНИЗАЦИИ

Как известно, в начале XX века лишь каждый десятый житель Земли был горожанином. Но и из каждой десяти горожан девять проживали в малых городах или по окраинам крупных — по сути в той же деревне: в доме без коммунальных удобств, со своим приусадебным участком, с домашней живностью и пр. Получается, лишь один из ста человек — житель центра крупного города — обитал в городской квартире (подавляющее большинство — лишь в комнате такой квартиры). Это примерно столько же, сколько сегодня обитают в роскошных виллах с охраной, автомашиной, яхтой и т.д.

На протяжении второй половины XX века в условиях развала колониальной системы в мире и вторичного раскрепощения крестьян в СССР миллионы, а затем десятки и сотни миллионов семей стали перемещаться из деревни в город. Что двигало ими? Прежде всего «скрытая безработица», избыток рабочих рук на селе, особенно в связи с развернувшейся механизацией (а на Западе — и благодаря автоматизации и компьютеризации) сельского хозяйства. Но немалую роль играли и черты сельской жизни, симптомы, составляющие так называемый сельский синдром, прямо противоположный городскому. Вот несколько основных составляющих сельского синдрома:

— сравнительно низкая производительность труда и, как следствие, обязательность тяжелого, продолжительного физического труда на пределе человеческих возможностей — до 16 часов в день без выходных и отпусков, которые домашняя живность не признает;

— полное бытовое самообслуживание, органически входящее в упомянутый труд и очень отягощающее его;

— полное культурное самообслуживание, вызывающее необходимость жесткой регламентации, вплоть до самой настоящей ритуализации не только труда и быта, но и досуга;

— относительно высокая детская смертность и, как следствие, подчинение человека нуждам сложной многодетной семьи, моральное осуждение или жесткий запрет всех видов предохранения от беременности, разводов, внебрачного сожителства и т.д.;

— «жизнь у всех на виду», полное засилье общественного мнения окружающих и жесточайшие репрессии за малейшее отклонение от установленных стереотипов поведения;

— жесткая регламентация труда, одинаково запрещающая как всякое новаторство, так и лень, тем более уклонение от труда;

— жесткая регламентация быта, запрещающая сколько-нибудь значительные проявления индивидуальных вкусов в выборе своего стиля жизни;

— жесткая регламентация досуга, сурово подавляющая всякую индивидуальность;

— predeterminedность круга общения, ограниченная по чисто техническим причинам преимущественно соседями по улице;

— ограниченность и предопределенность выбора спутника жизни (максимум два-три варианта близко живущей «ровни» в социальном плане);

— предопределенность профессии (обычно передаваемой по наследству);

— за редким исключением полное отсутствие реальных возможностей социального продвижения в более престижные слои общества;

— забитость, приниженность, привычка видеть в каждом приехавшем из города более «высокопоставленную» личность.

Сравните все это с условиями жизни в крупном городе, и вы поймете, почему у десятков и сотен миллионов людей на земле такая отчаянная тяга из деревни в город. Даже если туда не «выпихивает» их открытая или скрытая безработица. А уж когда на «сельский синдром» накладывается еще и безработица, поток мигрантов приобретает лавинообразный характер. Начинается процесс урбанизации — массового переселения людей из деревень в города, преимущественно в крупные города. Этот процесс временами перерастает в гиперурбанизацию — форсированное скучивание многомиллионных масс людей в нескольких крупных и сверхкрупных городах и образование мегаполисов — гигантских городских агломераций, собирающих десятки, а в перспективе сотни миллионов человек на сравнительно небольших территориях. Именно такое перерастание происходит в России и некоторых похожих на нее крупных странах мира. Попытаемся разобраться в причинах и следствиях такого явления.

Урбанизация характерна сегодня только для недостаточно развитых стран. Она не наблюдается в совсем

уж отсталых, «застойных» странах, а в высокоразвитых странах давно начался прямо противоположный процесс — дезурбанизация — переселение большей части состоятельных семей из центра города в пригороды. В России, имеющей однобокое развитие (помните, «Индия с германской армией?»), процесс урбанизации и даже гиперурбанизации заметно преобладает над только еще начинающейся дезурбанизацией.

Переезд состоятельных семей из центра города на «лоно природы» нетрудно понять. Таким образом совмещаются преимущества сельского и городского образа жизни: чистый воздух, доступ к природе, возможность соседского общения и т. д., с одной стороны, и бытовой комфорт, «городская работа», с другой. В СССР это было доступно лишь верхушке деятелей политики, науки и искусства, а также верхушке заправил «теневой экономики». В сегодняшней России эта последняя составляющая возросла стократно. Но по масштабам и темпам дезурбанизация в России намного уступает лавинообразной урбанизации, переходящей в гиперурбанизацию.

Каков социальный эффект гиперурбанизации?

В СССР деревня была разорена и принижена самым варварским образом, сопоставимым с нашествием иноземных захватчиков. Начиная с правления Хрущева, этот гнет постепенно ослаблялся, но не до такой степени, чтобы положение жителей села уравнилось с положением горожан. Несравненно хуже остались на селе жилищно-бытовые условия, зарплата, уровень коммунального, торгового, медицинского, культурного обслуживания, а также возможности образования. Добавьте сюда бездорожье, плохой общественный транспорт, засилье местных квазимафиозных

(«начальство») и открыто мафиозных («снабжение») структур, традиционное принижение сельского жителя любой городской «высокопоставленной» персоной. Помножьте все это на инерцию сложившегося устойчивого стереотипа в сознании молодых людей: чтобы «выбиться в люди», надо ехать в город. И вы поймете, почему маховик урбанизации продолжает раскручиваться с нарастающей силой.

Вообще-то, в деревне и не требуется много работников. Но только когда достигнут сравнительно высокий уровень комплексной механизации, частичной автоматизации и начинающейся компьютеризации сельского хозяйства, когда одна фермерская семья способна прокормить кроме себя самой еще и сотню городских. Если же этот уровень недостаточно высок, и на селе все еще требуются миллионы работников (не меньше четверти-трети населения), сельское хозяйство держится лишь на инерционной привычке к «трудовой повинности» старших поколений. Молодежь такой привычки не имеет, и идет нарастающая деградация села, подхлестываемая выморочностью тысяч деревень.

Но, может быть, приток молодежи из села в город идет на пользу городу и стране в целом, а деградация деревни компенсируется расцветом города? Ничего подобного!

Дело в том, что «сельский синдром» имеет свой антипод — «городской синдром» с менее ощутимыми, но социально такими же и даже более негативными чертами-симптомами. Вот их перечень:

— соблазн тунеядства, реальная возможность прожить в городе (во всяком случае, в крупном городе) месяцы и годы, в принципе даже всю жизнь, не зани-

маясь никаким трудом. Это ведет к прямому моральному разложению если не родителей, то наверняка их детей и внуков;

— возможность бытового потребительства, т.е. полной ориентации во всех житейских мелочах только на сферу обслуживания. В результате появляются целые поколения инфантилов, неспособных к элементарному самообслуживанию и имеющих соответствующие сдвиги в психике;

— возможность культурного потребительства, появление целых толп телеманов, киноманов, разных «фанатов», не способных организовать свой досуг и поддающихся манипулированию извне;

— развал семьи, распространение крайне непрочной, так называемой нуклеарной семьи, состоящей из родителей и только одного ребенка, или вообще бездетной семьи;

— распространение множества разновидностей внебрачного сожительства. Мы уже говорили, что все это вместе взятое создает эффект «города — черной дыры», в которой бесследно исчезает человечество;

— «эффект отчуждения» человека от общества, когда человеку становятся безразличными его ближайшее окружение, судьбы города, страны и мира в целом. А обществу (включая окружающих) становится безразличен человек, даже если он гибнет на виду у всех;

— погоня за легким, престижным трудом. А так как это доступно далеко не всем — распространение массовой неудовлетворенности, фрустрации (расшатывание психики людей);

— распространение богемного стиля жизни, массовая неупорядоченность быта, особенно у молодежи,

с соответствующими негативными сдвигами в психике людей;

— распространение асоциальных форм досуга (азартные игры, наркотики и пр.), разрушающих человеческую личность;

— трагедия одиночества, принимающая массовый характер и особенно тяжкая под старость;

— бьющая в глаза социальная иерархия и чудовищный комплекс неполноценности у большинства людей;

— полный или почти полный отрыв от матери-природы, кошмарные «часы пик», крадущие у жителей сверхкрупных городов (например, Москвы) от 2–4 (в общественном транспорте) до 4–6 (из-за автопробок) часов в день, которые можно считать вычеркнутыми из жизни;

— «разрыв поколений», ставящий под вопрос преемственность культурных ценностей, стабильность общества в целом.

Сравнивая городской и сельский «синдромы», трудно понять, что даже минусы первого в глазах отдельного человека — ничто по сравнению с минусами второго. Отсюда — соответствующий вектор миграционных перемещений. Но минусы первого настолько страшнее минусов второго для общества в целом, что это дает основания некоторым авторам говорить о качественном изменении социальной роли города — из своего рода «локомотива культуры» в прошлом он превращается в «мину замедленного действия» (впрочем, не такого уж замедленного) для судеб современного человечества. Постараемся показать это на примере Москвы (в других крупных городах России происходит то же самое, но в Москве процесс выражен ярче).

Москва — типичный средневековый город-крепость с радиальной планировкой улиц, диаметром примерно 8 км. От московской цитадели — Кремля — в среднем 3–4 км в любую сторону до бывшего земляного вала, замененного в XVIII веке широким бульварным («садовым») кольцом. Имеется и внутреннее — ныне тоже бульварное — кольцо на месте старой крепостной стены примерно в километре-полтора от Кремля. Город состоял в основном из особняков и городских изб. Был рассчитан примерно на 200 тыс. жителей. Во второй половине XIX — начале XX века в связи с первым упразднением крепостничества в город хлынули сотни тысяч сельчан, и к 1917 году в нем скучилось до 2 млн жителей — большей частью в городских трущобах и рабочих казармах-общежитиях.

Гражданская война заставила бежать из города около половины его жителей, и прошло много лет, прежде чем численность населения вновь достигла довоенного уровня. Но погром сельского хозяйства в годы пресловутой «коллективизации» буквально выпихнул из деревни в город многие миллионы человек, в том числе удвоил население Москвы (на той же площади). Теснота сделалась ужасной. Случалось, в одной комнате по четырем углам в три яруса спали четыре семьи с детьми. Нередко на полсотни комнат приходились один унитаз и один кран. Такой Москва вступила в Великую Отечественную войну и в послевоенные годы, когда население утроилось и пришлось расширять границы города до современной МКАД (Московской кольцевой автомобильной дороги).

Никому не приходило в голову, что заработает некий социальный механизм, который быстро почти удвоит население столицы (с 6 до 10 млн человек)

и заставит Москву расти ввысь и вширь, что не может продолжаться бесконечно и неминуемо чревато катастрофой.

Социальный механизм состоял в том, что послевоенная Москва расслоилась на четыре примерно равных по численности социальные группы: чиновники всех уровней управления и их служба; деятели науки и культуры (в тоталитарном государстве основная масса учреждений науки и культуры, как правило, сосредоточивается в столице); работники сферы обслуживания (включая транспорт и связь), образования и здравоохранения; наконец, рабочие — преимущественно на предприятиях военно-промышленного комплекса. Работники двух последних групп со второй половины 1950-х годов стали массами уходить на пенсию, а своих детей и внуков всеми правдами и неправдами «пропихивать» через упоминавшуюся уже нами «общеобразовательную школу» в вузы и далее в чиновники, т.е. в две первые группы. Но город не может жить без производственной базы и сферы обслуживания. Между тем образовалась «дыра»: ежегодный дефицит работников этих сфер в 300 тыс. человек. Такое положение сложилось и в других крупных городах СССР. Поэтому был установлен «лимит». Для Москвы он составлял 100 тыс. человек в год. Именно на столько и росло население Москвы в 1970-е — 1980-е годы (естественный прирост быстро катился к нулю).

В 1990-е годы этот социальный механизм сломался, но заработал другой, сохранивший высокую притягательность столицы для жителей не только России.

В сугубо компрадорском («нефтегазовом») государстве, которое пришло на смену СССР, 80% финан-

совых средств сосредоточились в столице. Это позволило поднять уровень жизни москвичей вдвое-втрое по сравнению с «периферией». Не всех, конечно. Просто здесь выше, чем по стране в целом, удельный вес высшего, выше-среднего и собственно среднего класса. Ниже — удельный вес низше-среднего класса (бедняки) и низшего класса (нищие). Только здесь появилась возможность целую четверть жителей вывести на относительно высокую (по сравнению со страной в целом) пенсию, да еще приплачивать им по 1000 р. из мэрской казны. Но на этом «плюсы» кончаются — начинаются «минусы».

Дело в том, что из постсоветской России (в том числе из Москвы) бежало на Запад 10–15 млн специалистов разного уровня и профиля. Их заменили те же 10–15 млн приезжих гастарбайтеров (с Кавказа, из Украины, Молдавии, даже из далеких Китая и Вьетнама), занявших рабочие места в дорожно-строительной сфере и главным образом — в торговле. Это породило критическую ситуацию. Торговая мафия по сути обложила Москву и Россию немалой данью. Конечно, в ней имеется и чисто русская составляющая. Но факт остается фактом: миллиарды долларов «утекают» из России не только на Запад, на тайные счета компрадоров, но и в ближнее зарубежье. В Москве только в самое последнее время (2007 год) начали бороться с этой напастью: закрывают рынки, где господствует иноземная мафия, открывают дорогу к прилавкам местным производителям. Дело это трудное, и тут все главное еще впереди.

Вторая московская напасть — автомашины. Сравнительно высокий уровень жизни населения позволил сосредоточить в городе свыше 3 млн автомашин, и их

число за последнее время возрастает на 200–300 тыс. штук в год. И это в радиально-кольцевом городе-крепости! Неудивительно, что возникают «автопробки» и стала нормой поездка по городу продолжительностью в 2–3 часа (если не застрянешь в «пробке» на полдня). Но это не может продолжаться без конца. Нетрудно вычислить год и даже, наверное, месяц в самом близком будущем, когда 4–4,5 млн машин встанут на всех дорогах города в «мертвую пробку». Пока что власти пытаются бороться с этим злом строительством автодорог. Но чем больше становится хороших дорог, тем больше появляется на них машин. Такое соревнование заканчивается обычно плачевно: коллапсом, т.е. катастрофой.

При этом власти дали волю строительным фирмам. Москва стала стремительно расти ввысь и вширь. Наверное, мало кому приходит в голову, что далеко не все квартиры приобретаются как недвижимость, которая выгоднее любого банковского вклада. Некоторые заселяются. И обитатели этих квартир имеет скверную привычку время от времени выходить на улицу, садиться в машину или перегружать собой общественный транспорт. Алчность (баснословные спекулятивные цены на московское жилье) застилает глаза власть имущим, не давая видеть явно катастрофическую перспективу.

Московские проблемы не исчерпываются, конечно, торговой мафией и автопробками. Проблем очень много — от чудовищной преступности, неизбежной в *таком* городе, до собачьего дерьма, грозящего утопить город, поскольку уровень культуры наших собаководов исключает обычные в цивилизованных странах совок и мешочек на городской прогулке с собакой.

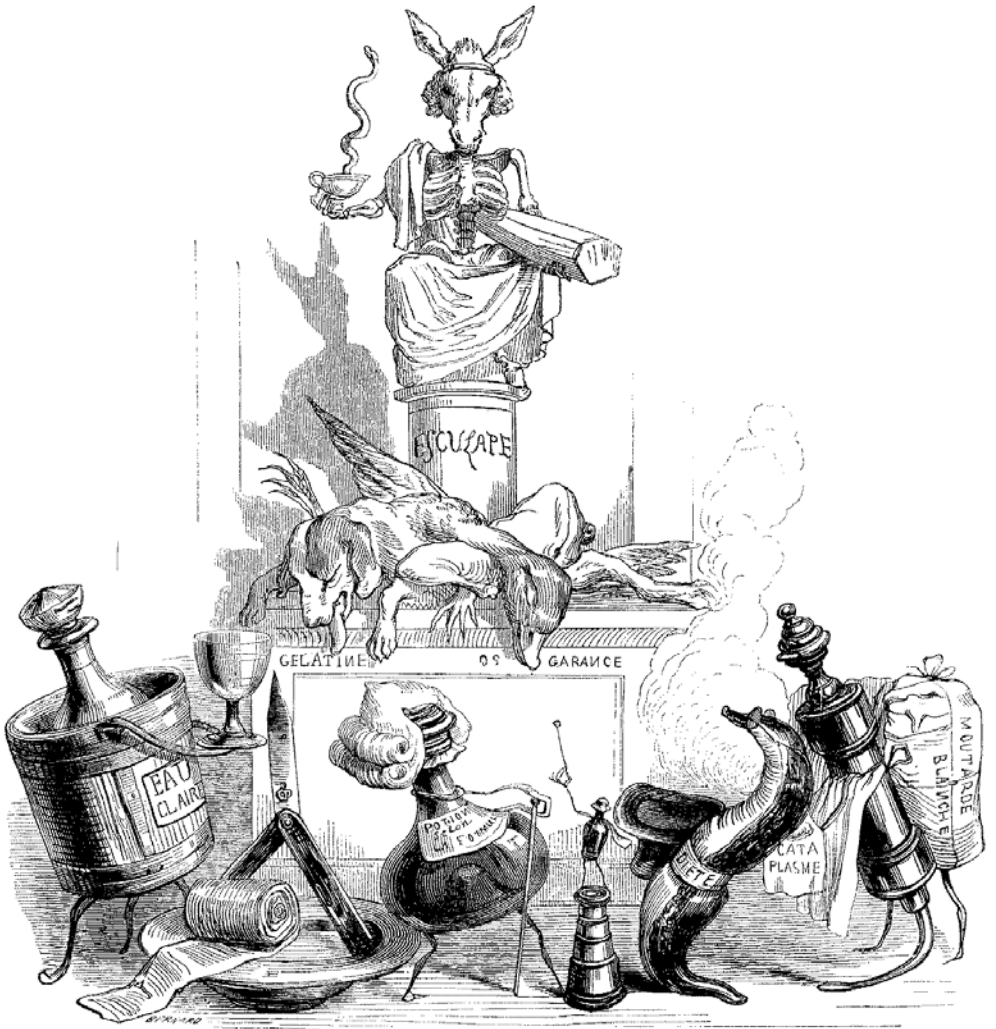
Мы уверены, что Москва в том виде, в каком она существует сейчас, вряд ли переживет первое десятилетие наступившего столетия. Радикальные изменения неизбежны. Позитивные или негативные — это теоретически зависит от нас. А практически — от нашего начальства.

Можно, конечно, помечтать о счастье недалекое. Например, об ускорении начавшегося процесса вывода крупных промышленных предприятий из Москвы в иные веси. Об ускорении начавшегося процесса вывода крупных вещевых рынков по разным макарьевским ярмаркам. О создании за пределами Москвы комфортных резерваций для чиновников и депутатов федерального, областного и городского уровня, чтобы машины с «мигалками» на дорогах Москвы были только медицинскими и милицейскими. О том, чтобы Москва превратилась в гигантский город-университет, через который понесли бы в мир московскую культуру миллионы студентов из всех стран мира. О том, чтобы Москва превратилась в гигантский город-музей вровень с Парижем и Лондоном, Римом и Мадридом (у нее для этого имеется достаточный потенциал).

Но мечты останутся мечтами, пока начальство не научится взвешивать последствия своих решений. В том числе и в области тупиков гиперурбанизации.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Шесть поколений моих предков, которых я знаю, и еще больше, которых не знаю, до самого начала XX века жили в одних и тех же условиях: хижина (изба) из бревен с земляным полом, соломенной кры-

шей и каменным очагом, дым от которого уходил через дыру в крыше. В этом жилье ели и спали вповалку более десятка человек, а ранней весной к ним добавлялись новорожденные теленок, жеребенок, ягненок, которых первое время нельзя было выпускать в неотапливаемый хлев — они могли замерзнуть. В самом начале XX века мой дед устроился обходчиком на железную дорогу в Сибири, и на заработанные им деньги наша семья одной из первых на селе соорудила современную избу: с деревянным полом, железной крышей и печью вместо очага. Впрочем, новорожденные телята и ягнята продолжали зимовать вместе с людьми. Я сам заботился о молодняке пятилетним ребенком в начале 1930-х годов.

За века, даже тысячелетия своего существования люди выработали неписанные законы, которые помогали им выживать в нечеловечески трудных условиях. Эти законы народной мудрости, в частности, регулировали отношения людей с природой. Люди, например, знали, что без доступа к чистой воде любой народ обречен на массовые заболевания (отсюда и пословица: «Не плюй в колодец — пригодится воды напиться»). Они строго регулировали землепользование, ибо знали, что иначе земля перестанет кормить их. Они не менее строго регулировали и свое питание, ибо знали, что беспорядочное питание, тем более обильное — кратчайшая дорога на тот свет.

Словом, они знали многое.

Но многого они не знали. Не могли знать, потому что не было соответствующего жизненного опыта и потому что они были далеки от науки, в том числе от экологии. Так, они не знали, что очень вредно, даже смертельно опасно дышать любым дымом — от костра

ли, от курения ли, безразлично. Потому что это резко увеличивает число заболеваний раком горла и легких (впрочем, подавляющее большинство их умирало в раннем возрасте). Не знали, что нельзя вырубать лес сплошняком, ибо появятся овраги и начнут смывать плодородный слой почвы. Не знали, что шум может свести человека в могилу. Такого шума тогда просто не было. И по тем же причинам понятия не имели ни о радиации, ни о вредных пищевых химикалиях.

И вот во второй половине XX века в стране начала складываться сложнейшая экологическая ситуация. Начальство, столь же экологически невежественное, сколь и остальной народ, жило в привилегированных условиях, которые минимизировали негативные последствия загрязнения окружающей среды. Начальству и его семьям, жившим «вдали от шума городского», не приходилось дышать загрязненным воздухом, пить водопроводную воду, питаться вредными для здоровья продуктами. Но такие условия невозможно обеспечить всем. Кроме того экологию в бывшем СССР и в постсоветской России напрочь запрещала и запрещает экономика. По улицам и дорогам страны снуют миллионы машин, в городах и пригородах непрерывно дымят предприятия. Ни то, ни другое невозможно сегодня представить в цивилизованных странах. Там машину с таким выхлопом остановит первый же полицейский, а предприятие с таким выбросом сразу же оштрафуют и закроют. У нас пока что это означает «остановить» и «закрыть» всю страну.

Наконец, сказывается черта характера, свойственная всем народам евразийской цивилизации (не только русским). Запад уже давно изжил ее, а Восток еще не дожидается до нее — но быстро «доживает». Она выра-

жается русским словом «авось», которое практически не поддается точному переводу на другие языки. По сути, это доведенный до абсурда принцип: кто не рискует — тот не выигрывает. Например, чтобы выиграть минуту времени, вы бросаетесь наперерез бешено мчащемуся потоку машин — и большей частью удачно проскакиваете, а меньшей частью (тысячи, сотни тысяч случаев) — нет. Это в десятки, сотни раз больше жертв, чем в странах, где люди переходят улицу только на зеленый цвет светофора. Или ведете автобус с полусотней пассажиров через железнодорожный переезд и видите бешено мчащийся на вас локомотив. Нет, авось проскочу — и через мгновение от автобуса остается груда покореженного металла с полусотней трупов. Или в качестве капитана грузового судна лихости ради решаете «подрезать нос» идущему своим курсом пассажирскому лайнеру. Р-раз! — и лайнер с несколькими сотнями пассажиров оказывается на дне морском. Или в качестве дежурного на атомной электростанции грубо нарушаете элементарные правила безопасности. Раз пронесло, два пронесло, авось и третий раз пронесет. Но р-раз — и Чернобыль, эквивалентный сотням атомных бомб, превращает в пустыню область величиной со среднее государство Европы. Тысячи мертвых, миллионы тяжело заболевших. И все же на любое загрязнение природы еврозиат реагирует своим привычным: авось пронесет...

Напомним еще раз, что старшие поколения наших людей жили в мире, где любое (сравнительно незначительное тогда) загрязнение природы быстро очищалось самой природой. Задымил костер — подул ветер, и все прояснилось. Вылил помой в реку — через минуту вода снова питьевая. Поломал дерево или

вытоптал траву — на следующий год выросло новое дерево, выросла новая трава. А о более страшных экологических бедах тогда и не слыхивали. И вот такую социальную психологию впитали с молоком матери, генетически передали своим ныне взрослым детям и внукам по наследству. И еще передали лозунг: «Производство (сегодня чаще — прибыль) любой ценой!». И люди по сей день привыкли бездумно платить за все любую цену. В том числе экологическую.

Поражает равнодушие, с которым люди относятся к «задымленности» воздуха, к «ржавой» воде из-под крана, к тысячам гектаров земли, превращенных в пустошь, к эрозии почвы, к оврагам, к «засолению», «подтоплению» и т.д. почвы. Тысячи гектаров земли вокруг жилья превращены в самую настоящую помойку. В помойку превращена значительная часть Сибири, Севера страны.

В свое время казалось удивительным, что сотрудники посольств цивилизованных стран Запада в Москве везут съестное и питье за тысячи верст. Казалось обидным, что они опасаются нашего родного, московского. Ресторанного! Не говоря уже о магазинах и рынках. Теперь все понятно. Мы ведь тоже не пьем сырую воду и не едим немытые фрукты где-нибудь в Азии, Африке, Латинской Америке.

Хуже всего понимают евроазиаты словосочетания типа «тепловое» или «шумовое» загрязнение окружающей среды. Сегодня никто из москвичей не поверит, что полвека назад по Москве-реке можно было зимой кататься на лыжах, а летом пить речную воду. Сегодня каждый крупный город — это огромная «котельная», которая сбрасывает в реку промышленные отходы и в самом буквальном смысле «отапливает

улицу». Точно так же до сих пор мало кто знает, что уличный шум (не говоря уже о рок-музыке) приближает глухоту и сокращает жизнь.

Когда смотришь на экологическую карту России, впечатление такое, будто это Луна и ее «моря». Черными пятнами обозначены «зоны экологического бедствия», где загрязнение окружающей среды приближается к рубежам необратимости, за которыми — неминуемая катастрофа. На Западе уже научились бороться с этой бедой и худо-бедно сужают площади «рукотворных пустынь». На Востоке масштабы загрязнения еще не успели сравняться с нашенискими. А у нас эти «черные дыры» не уменьшаются, напротив, они растут и растут.

Можно ли избежать надвигающейся экологической катастрофы?

Теоретически — да. Для этого необходимо взять курс на «безотходные» производство и потребление, последовательно утилизировать или сводить к минимуму промышленные и бытовые отходы. Создать сотнемиллионную (в глобальных масштабах) *Армию спасения природы*, чтобы собственными руками метр за метром расчищать загаженное нашими ближайшими предками и нами самими.

Практически — очень затруднительно, потому что сознание и поведение людей намного отстают от окружающей нас сегодня реальной действительности. Жалко средств на очистные сооружения, на своевременное обновление машинного парка, на рациональное землепользование, на развитие экологически чистой энергетики. Необходимо за считанные годы повысить экологическую культуру людей, все еще близкую к нулевой отметке. Необходимо побудить

людей проявлять такую же заботу о чистоте воздуха и воды, о сохранности почвы и ландшафтов, о «естественном радиационном фоне» и о тишине, об экологически чистой пище, какую они проявляют сегодня только о своем кошельке.

Это очень трудно, но не безнадежно. Особенно если начинать хоть что-то делать в этом направлении сегодня, сейчас.

НАРКОТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Мы не раз говорили о том, насколько тяжел был труд наших далеких и недалеких предков. До пределов человеческих возможностей, без выходных и отпусков (из-за домашней живности), под строгим контролем всесильного общественного мнения окружающих. Это все равно, что поставить солдата на 16 часов по стойке «смирно». Если не давать ему время от времени команды «вольно» — он рухнет замертво.

И человечество научилось давать людям такую команду. По-научному она называется «наркотический эффект».

Простейший вид этого «эффекта» — смена занятий. Только что до изнеможения ползал на корточках, полол просо. И вдруг команда — собирать выполотую траву в кучи. Уже веселее: можно распрямиться с граблями. А в полдень позовут на полдник — это уже праздник.

Чуть сложнее — переход из реального мира в виртуальный. Только что тебя совсем замучили в реальном, но ты села за пальцы, затагнула песню, загляделась на пляску. И уже оказываешься в «ином мире», где можно немного отдохнуть и телом, и душой.

Наконец, были найдены психотропные вещества, на время «отключающие» нормальную психику. Пожужешь какой-нибудь гадости, вдохнешь дурманящего дыма, глотнешь спиртного — и ты на время в «ином мире», словно космонавт на Луне. Плохо лишь, что гадостью можно отравиться, от дурманящего дыма заболеть, от спиртного на время прямо-таки сойти с ума. Поэтому были разработаны ритуалы потребления наркотиков, чтобы минимизировать печальные последствия их потребления. И эти ритуалы действовали до самой второй половины XX века, когда на земле начался массовый переход от сельского образа жизни к городскому. В городе вековые ритуалы потеряли силу. И наркотики обернулись смертельной угрозой для человечества.

Здесь самое время сделать небольшое уточнение. Официально наркотиками считаются только сильнодействующие морфий, кокаин, гашиш и т.п. Некоторые из них используются в медицине, но за этими рамками торговля наркотиками считается уголовным преступлением и преследуется государством. Наркотиками не считаются ни алкоголь, ни никотин. Ими государство разрешает торговать, разрешает даже рекламировать их, наживая на этом миллиарды. Хотя алкоголь и никотин — тоже наркотики, только слабые. От них болеет и умирает не меньше, может быть, даже больше людей, чем от сильнодействующих. В этом смысле все до единого правительства в мире — нераскаявшиеся государственные преступники.

Наркотик (любой) — мы уже говорили об этом в главе о здравоохранении — существенно сокращает жизнь человека, обрекая его на многолетние болезни.

И в этом смысле он может быть уподоблен вражескому нашествию. Но у него есть два союзника: наркомафия (наркобизнес), табачные и винные монополии, с одной стороны, бюджетная алчность правительств, с другой. И эти два союзника помогают наркотикам истреблять человечество не хуже атомной бомбы.

В этом отношении евразийская цивилизация вновь оказывается в наихудшем положении. На Западе уже осознали вредоносность наркотиков (правда, не все и не везде). Там с сильнодействующими наркотиками ведется самая настоящая война. А алкоголь и никотин выходят из моды, изгоняются из общественных мест, становятся непрестижными, ущербными для репутации человека. На Востоке уровень и образ жизни все еще препятствуют сколько-нибудь широкому распространению никотина и алкоголя, не говоря уже о дорогостоящих сильнодействующих наркотиках. И только в Евразии все наркотические беды со второй половины XX века хлынули, можно сказать, потоком. Вековые ритуалы остались в прошлом, а пропаганда наркотиков крепчает с каждым годом. В результате, как мы уже говорили, подавляющее большинство российских мужчин и значительная часть женщин курят, подавляющее большинство регулярно принимают алкоголь, каждый пятый — горький пьяница, а счет наркоманам пошел уже на миллионы. Все это настолько подрывает генофонд народа, что тот обречен на вырождение и вымирание, даже если бы не было упоминавшейся нами *депопуляции*.

При этом народы России оказались как бы в геополитических «наркотических тисках». С юго-востока в Россию идет поток сильнодействующих наркотиков, в буквальном смысле слова истребляющих миллионы

людей. С юга идет поток «паленого спиртного» (дешевые суррогаты), что тоже оборачивается миллионами жертв. В общем и целом, на наш взгляд, правомерно говорить о самом настоящем наркогеноциде народов России, которым только по одной этой причине не пережить XXI века.

Теоретически способы решения этой проблемы ясны.

Необходимо настойчивее разъяснять людям губительность действия наркотиков: привыкание, неизбежность увеличения дозы, все более мучительная «ломка» организма при отсутствии наркотика, наконец, нарастающие болезни и преждевременная смерть; передача своей искалеченной наркотиками генетики потомству.

Необходимы решительный запрет рекламы табака и спиртного, приравниваемых к сильнодействующим наркотикам, все более жесткая дискриминация курящих или находящихся в нетрезвом виде в общественных местах. Практически речь идет о том, выйдем ли мы на рубежи, уже достигнутые на Западе, через полвека (это проблематично в связи с уже упоминавшимся близким переходом человечества в качественно новое состояние), либо добьемся решительного перелома уже в настоящем и следующем поколении.

При этом надо помнить вот что. Существуют вековые, даже тысячелетние традиции потребления наркотиков — разные в разных земных цивилизациях. Любая попытка сломать их в одночасье изначально обречена на провал, тем более что за этими традициями стеной стоит миллиардный наркобизнес (включая табачные и винные монополии). В России уже дважды применяли на этом поле силовые приемы

(в 1920-е и 1980-е годы). И оба раза — позорный провал с выплатой миллиардных «контрибуций» разного рода самогонной «теневого экономике». Промедление в этом деле поистине смерти подобно.

Поэтому остро необходима детально разработанная политика *денаркотизации* общества.

В этом отношении у нас все впереди. И очень мало времени, чтобы успеть достичь сколько-нибудь конструктивных успехов.

МАФИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

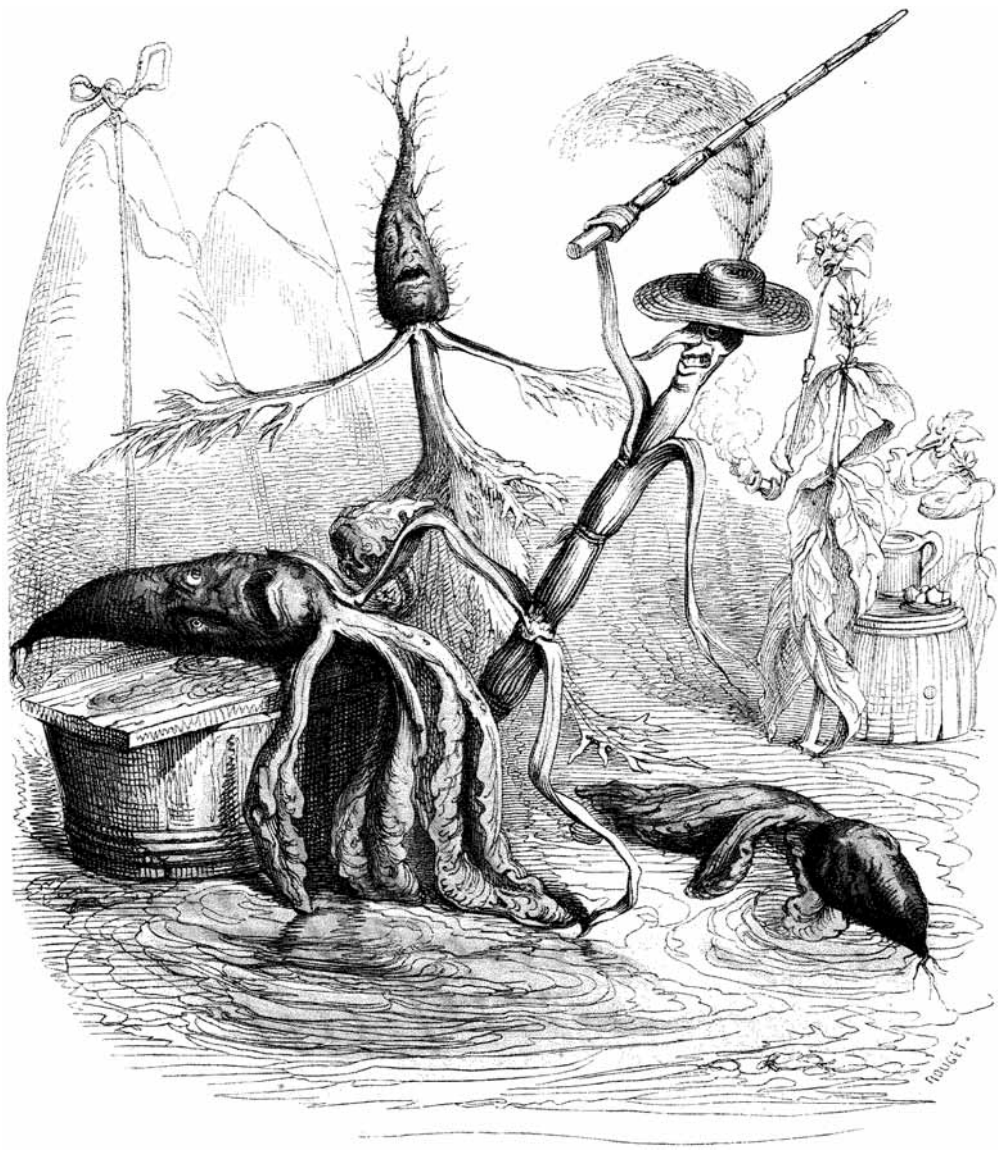
Давно не приходилось слышать популярных в свое время словосочетаний — «искоренить преступность», «изжить правонарушения», «покончить с антиобщественными явлениями» и т.д. Словосочетания абсолютно пустые, потому что преступность есть социальная болезнь общества, а болезни не искореняют: их предупреждают (профилактика) и лечат. Бесполезно пытаться «искоренять» лужу, если из какого-то источника рядом хлещет вода. Сначала надо найти этот источник, потом перекрыть его и только тогда осушать лужу. Криминологи нашли около двух десятков социальных источников преступности. Остановимся на десяти главных.

Первый по масштабам — неблагополучная семья. В стране — миллионы беспризорников, и каждый год в эту армию вливаются сотни тысяч новых «солдат». Не все из них становятся преступниками, но достаточно нескольких процентов, чтобы борьба с этой категорией правонарушителей стала очень трудной. Кроме того, в миллионах неблагополучных семей дома такая обстановка, что у ребенка с годами ломается психика:

ему ничего не стоит украсть, ударить, убить. Это бедствие пока что год от года растет по своим масштабам.

Второй социальный источник — выжившая из ума школа, о которой мы уже говорили особо. Подумать только: подавляющему большинству школьников (до 85%!) не по силам предлагаемая им программа подготовки в вуз, куда они не попадут и куда они не собираются попадать (хотя могли бы вполне успешно справиться с другой программой, готовящей их к реальной жизни). Их буквально травят позорящими «двойками», вызовом в школу родителей и последующей экзекуцией дома. И вот мы видим каждый год новые и новые сотни тысяч детей и подростков даже из благополучных семей, ожесточенных жизнью, готовых «кандидатов в преступники». И вновь: достаточно, чтобы несколько процентов из этих сотен тысяч вступили на путь правонарушений, и кривая преступности продолжит движение вверх. Единственное «облегчение» здесь в том, что этот источник преступности начинает таять вместе с «таянием» контингента школьников.

Третий социальный источник — «теневая экономика». Мы уже говорили, что ее удельный вес составляет сегодня чуть не половину государственной. Человек шагу не может ступить, не дав взятки. Начиная с сотенной купюры в лапу воспитателю, учителю, врачу, мелкому чиновнику и кончая кейсом емкостью не менее десятка тысяч долларов — ректору, директору, министру, крупному чиновнику. По сути прогнила, коррумпирована насквозь вся страна. Точнее, расположенное на ее территории государство. Караются обычно лишь «пена», «гребешки волн» этого океана преступлений — совсем уж наглые поборы, взятки

и вымогательства «в особо крупных размерах». Пока что этот источник преступности, несмотря на все усилия правительства, растет-разрастается по всем законам «черного рынка».

Четвертый социальный источник — кратко описанная нами наркотизация общества. В стране 20 млн пьяниц (в том числе миллионы тяжело больных алкоголиков и наркоманов). За «дозу» они готовы на любое преступление. Этот источник стабилен вот уже много десятилетий, и если есть изменения, то только в сторону роста масштабов бедствия.

Пятый и шестой источники — тесно связанные друг с другом безработица и нищета. В 1990-е годы оба явления (включая «скрытую безработицу», когда зарплата ниже прожиточного минимума фактически является замаскированным пособием) охватывали до трети населения страны. При Путине, говорят, масштабы этих бедствий снизились вдвое. Но даже каждый шестой — это очень много миллионов, у которых помимо пресловутых «шести соток» только два средства к существованию: «теневые доходы» и воровство.

Седьмой источник — стихийные мигранты, из которых далеко не все находят работу. По некоторым данным, каждое третье преступление в Москве и других крупных городах страны совершается приезжими «гастролерами». По ходу депопуляции, о которой столько говорилось выше, этот источник не может не иметь тенденции к нарастанию.

Восьмой источник — пожалуй, самый серьезный: организованная преступность, собственно мафия. Это уже как государство в государстве: раз появилось и разрослось — далее развивается по своим собственным внутренним законам. Мафия существовала

и в дореволюционной России (крошечная по сравнению с современной), и в СССР (на порядок сильнее). С начала 1990-х годов создается впечатление, будто страна оккупирована бандитскими шайками, взимающими со всех видов экономической деятельности «дань» похуже батыевой. Для борьбы с мафией одной милиции (к тому же сильно коррумпированной) мало. Здесь нужна самая настоящая Третья Отечественная война. Но пока что в поле зрения никаких приготовлений к такой войне не видно.

Девятый источник — те самые «маргиналы» (категория, промежуточная между сумасшедшими и нормальными людьми), о которых мы уже упоминали, и которые в просторечии известны как «психи ненормальные». Подавляющее большинство из них безвредны, но и в этой категории достаточно нескольких процентов, сознающих свою безнаказанность, — и преступления пойдут лавиной. Пока что мы в своем псевдогуманизме полностью беззащитны перед лицом этого бедствия.

Наконец, десятый источник, весьма экзотичный. Это — кто бы мог подумать? — места заключения правонарушителей. Наши тюрьмы давно превратились в «академии преступности», где отпетые преступники «воспитывают» впервые или случайно оступившихся. И из стен тюрем выходят новые и новые отряды профессиональных преступников, которым государство по тупости своей закрывает все дороги в жизни, кроме преступных.

Как видим, «искоренить» преступность легко. Достаточно «перекрыть» все десять (на деле их гораздо больше) социальных источников преступности — и тишина. Но попробуйте-ка «перекрыть» хоть один

из них — какая лавина социальных проблем тотчас же возникает!

Теоретически борьба с преступностью предельно проста. За покушение (только за покушение!) на жизнь — смерть. За серьезное преступление — пожизненная изоляция от общества. Не обязательно в тюрьме-лагере, можно в ссылке. За мелкие преступления — либо разорительные штрафы, либо выселение (та же ссылка). Но ведь мы стараемся по-обезьяньи подражать благополучным странам, где преступность несопоставима с нашей и где тюрьмы похожи на наши дома отдыха. И получаем половодье преступности, пока что растущее. Мало того, мы получаем самую настоящую «мафизацию общества» — превращение социальных отношений в стране во все более и более мафиозные или квазимафиозные.

КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ БОЕСПОСОБНАЯ РОССИЙСКАЯ АРМИЯ

Полтора столетия назад, во времена Крымской войны, английский премьер гневно ругал своих генералов за то, что они пытались воевать как в далеком прошлом. «Животные, действующие по привычке», — нелестно аттестовал он их. Спустя еще полвека еще более суровую оценку своим военным дал за те же грехи французский премьер. «Война — слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам», — публично заявил он.

Однако оба премьера зря поносили своих военных. Им бы лучше взглянуть в зеркало и вспомнить басню Крылова: «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» Потому что за

редчайшими исключениями все министры и генералы с древнейших времен до наших дней подобны тем грешникам в дантовском аду, которые мучались там, так как их головы были повернуты лицом назад, — за то, что они пытались жить только опытом прошлого.

Чтобы не уходить далеко вглубь времен, обратимся к нескольким эпизодам истории прошлого века. Правительства стран Европы с такой легкостью решились на Первую мировую войну, потому что и сами они, и их генералы были уверены — она будет простым повторением наполеоновских войн: две-три недели маневрирования, генеральное сражение — и победа. А то, что придется четыре года подряд сидеть в окопах, терять миллионы и миллионы солдат, пережить крушение целых империй, этого никому в голову прийти не могло. Правительства Англии, Франции и СССР в 1930-е годы с завидным спокойствием относились к агрессивности Гитлера, потому что были уверены: если начнется Вторая мировая война, то она будет повторением Первой. А что получилось?!

Можно биться об заклад, что в Вашингтоне, Лондоне, Париже, Берлине и Москве уверены, что Третья мировая война, если она случится, будет повторением Второй. Во всяком случае, можно не сомневаться, что в Москве военные все еще живут временами Сталинграда и Курской дуги — именно тогдашнюю армию они силятся перетащить в XXI век. И это несмотря на то что Третья мировая война, как мы уже говорили, давно идет. Она ничуть не похожа на Вторую. Здесь целые страны (например, Югославия) принуждаются к капитуляции не танковыми и воздушными армадами, а «точечными» ударами сверхточного оружия, парализующими экономику страны. Здесь целые

страны (например, Грузию, Молдавию, Украину) включают в свой военный лагерь не силою оружия, а силою денег (официально ассигнованными американским конгрессом десятками миллионов долларов). А параллельно идет Четвертая мировая война, где отнюдь не сопливые подростки, а профессиональные рейнджеры-моджахеды — каждый из которых равен роте призывников-юнцов — контролируют Афганистан, громят Северный Кавказ, Ливан, Ирак, готовятся громить Иран.

Тем не менее наши генералы, на поводу у которых идет правительство, всеми силами стараются сохранить Богом и людьми проклятую рекрутчину, всеми силами оттягивают ее неизбежный конец. Призывник — это намного дешевле профессионала, к тому же даровой раб для обслуживания комсостава и его семьи на даче. Алчность мешает понять, что в XXI веке армия — это уже не шеренга, марширующая под барабан, и даже не стрелковая цепь, а десантник, который один заменяет роту призывников при захвате или обороне военного объекта, который всюду легко одерживает верх над небоеспособными визави из устаревших армий.

Нам больше не нужны миллионы «штыков» и «сабель», бессильные против профессионала со сложным современным оружием. Нам больше не предстоит бороться за мировое господство: этим скоро займутся Китай и США. Нам вполне достаточно несколько хороших профессиональных дивизий на случай локальных и даже региональных конфликтов, плюс оружие посерьезнее, если региональный конфликт вдруг перерастет в глобальный. Во всяком случае, счет всем вооруженным силам на земле, в небесах и на море

должен вестись на сотни тысяч, а никак не на миллионы.

Но при трех обязательных условиях.

Во-первых, профессиональный солдат должен иметь хорошую военно-спортивную подготовку с 15 до 20 лет, для чего требуется радикальная реформа школы (см. соответствующую главу выше).

Во-вторых, он должен добровольно выбрать свою профессию, для чего необходимы соответствующие материальные и моральные стимулы. Ну, скажем, объявить солдата военным чиновником — со всеми чиновничьими привилегиями и с той разницей, что военный чиновник получает, допустим, вдвое-втрое больше гражданского того же ранга. Офицер без жилья — это должно стать таким же нонсенсом, как бездомный министр. Казарма должна перестроиться в отель с удобными номерами на двоих. Пусть хотя бы трехзвездочный. Пенсия солдату (не говоря уже об офицере и генерале) должна быть выше депутатской. С приложением коттеджа и автомашины на прощание. А почет, общественное признание — выше, чем у тружеников эстрады.

Наконец, в-третьих, солдат должен быть вооружен по последнему слову военной техники, регулярно повышать квалификацию и проходить переподготовку как космонавт.

Сегодня мы вступили на военной стезе на порочный путь первого Рима, приведший его к позорной гибели. «Верхние» 20% населения разными способами откупаются от рекрутчины. В армию попадают преимущественно те, кто не в состоянии откупиться. Большею частью это выходцы из неблагополучных семей, те, которые годами до призыва не учатся и не

работают (таких сегодня — почти половина призывников). Проще говоря, шинель и кирзовые сапоги обретает преимущественно дворовая шпана. Как же тут не быть самой зверской дедовщине (неизбывной при сложившихся условиях)? И как же рассчитывать на успех при столкновении такой шпаны с профессиональными рейнджерами-моджахедами?

Низкий поклон должен быть от всего народа тем государственным деятелям, которые выступают за ускорение процесса профессионализации нашей армии, за то, чтобы она оказалась достаточно боеспособной, если завтра война, если враг нападет, если темная сила нагрянет...

Часть 4.

КОНТУРЫ ГРЯДУЩЕГО

ПЯТЬ ПРОШЛЫХ СЦЕНАРИЕВ БУДУЩЕГО: 1988–1992

О том, насколько эффективно технологическое прогнозирование (не предсказание, а выявление назревающих проблем и путей их решения) и почему его до сих пор терпеть не могут управленцы, свидетельствует Пекинская конференция Всемирной федерации исследований будущего, прошедшая осенью 1988 года. На повестке дня стояло несколько вопросов, в том числе «Краткосрочный технологический прогноз будущего СССР на 1988–1992 годы». Выступали ученые-футурологи с мировым именем, специалисты по глобальным проблемам современности и специалисты-советологи. На рассмотрение было предложено пять прогнозных сценариев. Требовалось определить степень вероятности каждого, его характер и особенности.

Наиболее вероятным большинству специалистов представлялся инерционный сценарий — продолжение горбачевской «перестройки». Но тут же была сделана оговорка: сценарий может быть действительным еще максимум три года (1988–1991 — стопроцентная точность!). Причина оговорки — большие масштабы и темпы развала советской экономики, рост центробежных сил в стране.

Второй сценарий. Начиная со второй половины 1991 года (опять-таки стопроцентная точность!) наиболее вероятны попытки преодоления центробежных сил и предупреждение социального взрыва во-

енными средствами. И мы действительно сполна ощутили на себе этот второй сценарий — начиная с кровавых конфликтов в Вильнюсе и Баку и кончая московским ГКЧП.

Третий сценарий представлялся маловероятным. Он представлял собой аналог «Плана Маршалла» специально для реанимации СССР. Этот план имел в виду крупные инвестиции в советскую экономику, особенно по части новейших технологий. Он блестяще сработал в Западной Германии и Японии. Но там это было сделано специально для противостояния СССР. А с какой стати спасать своего противника, близкого к капитуляции в Третьей мировой войне? И действительно, мы видели, как на протяжении всех 1990-х годов, вопреки усилиям Примакова и Степашина, вплоть до прихода Путина делалось все возможное, чтобы не дать поверженному и разваленному государству подняться на ноги. Этот сценарий был правильно оценен экспертами как маловероятный.

Четвертый сценарий был назван «польским». Он предусматривал появление харизматической личности типа Леха Валенсы, создание мощного общественного движения возрождения советской России и реанимацию СССР на волне морально-политического подъема. Этот сценарий был правильно назван наименее вероятным, потому что такой личности в России конца 1980-х годов не было и в помине. Кратковременная харизма Ельцина носила сугубо антигорбачевский характер, а затем его рейтинг быстро покатился к нулю. Что же касается общественного движения, то КПСС и стоявшие за нею организации были при последнем издыхании, а новые проектиро-

вавшиеся организации служили целям искусственного отпугивания избирателей и стимулирования их голосования за Ельцина как за «наименьшее зло». 1990-е годы полностью подтвердили такую оценку этого сценария.

И только оценка пятого сценария оказалась грубо ошибочной. Сценарий предусматривал развал СССР, и его единодушно признали нереальным. Один из выступавших образно пояснил, почему: «Не могут телята, сосущие корову, одновременно и бодать ее». Имелись в виду колоссальные дотации со стороны РСФСР практически всем остальным союзным республикам, без которых (дотаций) экономики этих республик были — и остаются — нежизнеспособными. Тут мировые светила, действительно, дружно ошиблись, забыв знаменитое тютчевское: «Умом Россию не понять». Действительно, никому и никогда не понять, почему Россия разными способами поддерживает на плаву экономику государств, открыто объявивших о присоединении к враждебному России блоку НАТО. Можно себе представить, какой моментальный крах ожидает экономику Украины, Грузии, Молдавии, если Россия перекроет нефтегазовый вентиль и закроет границы для миллионов гастарбайтеров с юга. С другой стороны, упомянутые светила все же в какой-то мере оказались правы, потому что с годами началось обратное, центростремительное движение бывших союзных республик. Развиваются различные формы интеграции России и Белоруссии, Казахстана, Азербайджана, Армении, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана. Сильные тенденции к сближению с Россией наблюдаются и на Украине. Так что объективные закономерности развития того единого соци-

ально-экономического и культурно-политического пространства, которое под разными названиями являет собой Евразия, все-таки дают себя знать.

ПЯТЬ СОВРЕМЕННЫХ СЦЕНАРИЕВ БУДУЩЕГО: 2008–2012

Сегодня, по мнению наиболее авторитетных экспертов в международной футурологической периодике, наиболее вероятным на ближайшие годы остается опять-таки инерционный сценарий. В этом заслуга правительства Путина, добившегося определенной стабилизации пошедшего было вразнос государства и получившего только за одно это поддержку подавляющего большинства российских избирателей. Так что в ближайшие годы серьезных изменений ни к лучшему (что, конечно, огорчительно), ни к худшему (за что большое спасибо) ожидать, скорее всего, не следует. Разумеется, в 2008 году возможны разные кадровые перестановки, но почти наверняка в пределах нынешней правящей группировки («клана»). И не дай Бог, если этот основополагающий фактор стабильности пошатнется. Достаточно перессориться между собой действующим лицам (как Горбачеву с Ельциным), и инерционный сценарий может перейти в катастрофический. Достаточно также, по традиционному нашему легкомыслию, вдруг «удариться в демократию» (при неизбежном активном участии американских спецслужб) — и сразу появится риск рухнуть в 1991 год. А то и в 1917-й.

Как известно, Горбачев не имел своего клана. Он просто был ставленником предыдущего генсека (Андропова), а клан ему заменяла супруга Раиса Мак-

символа. Как оказалось, этого было недостаточно, чтобы противостоять очень сильному клану Ельцина (поддержанного «силовыми структурами») — настолько сильному, что сама по себе ущербная личность Ельцина не имела решающего значения. Клан Ельцина на каких-то (нам не известных) условиях передал власть клану Путина, сформировавшемуся уже по ходу путинского правления. Как уже говорилось, Путин пользуется поддержкой подавляющего большинства российских избирателей. Но если он увлечется «играми в демократию», то в дело могут вступить центробежные силы, которые снова пустят государство вразнос.

Таких сил в поле зрения три: правые, левые и религиозные экстремисты. А за ними стоит четвертая: конгресс США, официально ассигнующий десятки миллионов долларов на разные «цветные революции» в пользу НАТО. Конечно, десятков миллионов на Россию недостаточно. Но если на кон поставят сотни миллионов и миллиарды, то малейший сбой в правящих кругах России может обернуться для государства большой бедой.

Однако и без этой очевидной угрозы в поле зрения уже сегодня имеются несколько прогнозных ориентиров-факторов, которые могут нарушить инерционный ход развития и вынудить переход к одному из четырех альтернативных сценариев (см. ниже).

Один из таких ориентиров — нефть. Эксперты называют именно 2012 год «годом наибольшего ожидания» пика мировой нефтедобычи, после чего неизбежен спад. Это не значит, конечно, что нефть исчезнет. Просто она начнет стремительно дорожать, радикально меняя мировую экономику, мировую торговлю,

международные отношения. Что касается России, то нельзя забывать, что она вот уже много лет сидит на «нефтегазовой игле». И если «игла» начнет капризничать, то прощай даже мизерные нынешние зарплаты и пенсии, придется как в 1990-е годы вновь искать спасения на своих пресловутых «шести сотках».

Другой ориентир — «расползание» оружия массового уничтожения. Эксперты называют именно 2012 год «годом наибольшего ожидания» появления у Ирана атомной бомбы. А руководство Ирана клятвенно заверило, что не остановится ни перед чем для уничтожения Израиля. В Иране слов на ветер не бросают. Следовательно, Четвертая мировая война, о которой мы столько говорили выше, вступит в новую фазу развития, причем Россию эта беда вряд ли обойдет стороной.

Еще один ориентир — состояние процесса депопуляции. Именно следующее десятилетие станет наиболее критическим в этом отношении (потому что потом почти наверняка начнется переход в качественно новое состояние человечества, о котором разговор впереди). Напомним, что ожидается падение показателя «удельного веса детей», подростков и молодежи почти вдвое — и такой же рост «удельного веса» нетрудоспособных стариков и инвалидов. Это как минимум чрезвычайно осложнит пенсионную систему (в частности, придется повышать возраст выхода на пенсию). А как максимум придется прибегать к чрезвычайным мерам: трудовая повинность, карточки и пр.

Наконец, еще один ориентир (хотя этот ряд можно продолжить) — появление следующего поколения компьютеров и Интернета (относимое экспертами опять-таки к этому десятилетию). Практически это

будет означать преобразование мобильного в портативный ноутбук и создание портативного монитора в виде шлема, надвигающегося на глаза, или спецприставки к очкам. Как уже говорилось, виртуальный мир «уравняется» с реальным и появится выбор: ехать за той или иной информацией куда-нибудь или получить ее аудиовизуально, не выходя из дома. Понятно, это изменит жизнь людей больше, чем все машины, механизмы, аппараты и приборы с древнейших времен до наших дней. Но эти инновации автоматически расширят и возможности преступного мира, для борьбы с которым придется радикально менять существующее государство.

Любой из названных ориентиров — а тем более все они вместе взятые — может заставить Россию перейти от рассмотренного выше инерционного сценария к одному из следующих четырех сценариев развития.

Второй сценарий мы назвали бы проблемным. Его придется реализовать, если возникнет необходимость и неизбежность прибегать к чрезвычайным (в том числе военным) мерам, чтобы существующие проблемные ситуации не переросли в критические и далее — в катастрофические. При существующем относительно стабильном положении России этот сценарий весьма маловероятен, но динамика событий, о которых упоминалось выше, вполне может сделать его вероятность отличной от нуля.

Третий сценарий по той же логике мы назвали бы оптимизационным. Применительно к России это означает систему целевых программ, которые предусматривают не просто абстрактное удвоение ВВП, а существенное торможение катастрофического процесса депопуляции, модернизацию системы образования (включая науку),

здравоохранения и культуры, перевод гибельного процесса гиперурбанизации в спасительную дезурбанизацию, решительную активизацию борьбы против загрязнения окружающей среды и антиобщественных явлений (начиная с преступности). Теоретически этому сценарию надо было бы дать самую высокую вероятностную оценку. Но практически пока что для этого нет ровно никаких оснований.

Для названия четвертого сценария пришлось придумать слово-термин, доселе отсутствовавшее в русском языке: идеализационный. Мы имеем в виду возникновение мощного общественного движения духовного преобразования (обновления) России, которое не только автоматически реализует предыдущий сценарий, но выведет Россию в духовные лидеры человечества. Попыток в этом плане много, а результатов — слова, слова, слова...

Наконец, было бы неправильно игнорировать самый неприятный, пятый сценарий — катастрофический. В России при бездеятельности правительства и беспечности общественности совсем не трудно воссоздать еще одно «Смутное Время» — хоть 1605-й, хоть 1917-й, хоть 1991-й год. Остается только молиться, чтобы Бог вразумил россиян и не дал им пережить еще одну катастрофу.

«ЛУЧИСТОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО»

В заключение несколько слов о том самом «переходе в качественно новое состояние», о котором мы уже несколько раз упоминали.

Это не пустые слова. Они скрывают за собой несколько будущих поколений компьютера и Интерне-

та (информационных сетей типа Интернета), которые уже вышли из стадии изобретений и перешли в стадию опытно-конструкторских разработок с диапазоном реализации в два-три ближайших десятилетия. Это «качественно новое состояние» человечества предусматривает:

- медицинские компьютерные программы, которые добавляют к средней продолжительности жизни человека еще десяток-другой лет и позволят реализовать желательные изменения в физическом и психическом облике человека;
- программы, реализующие симбиоз человеческого и кибернетического организма (киборг) для освоения глубин Мирового океана, высокогорий и космического пространства;
- информационные сети искусственного интеллекта («мировой разум»), предназначенные для решения задач, пока что неподвластных человеческому разуму, например для предотвращения стихийных бедствий;
- сети, работающие в эвристическом режиме, т.е. по заданию, но без непосредственного участия человека.

Нетрудно понять, что такие инновации сулят не только великие блага. Они открывают также немислимые ранее возможности для преступности, особенно организованной преступности. Для обуздания этой преступности необходимы качественные изменения государства.

В том числе государства по имени Россия.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Как уже говорилось, технологическое прогнозирование отличается от обычного тем, что ориентировано не просто на предсказания, а на выявление назревающих проблем и путей их решения. Так что футуролог и управленец изначально работают рука об руку, и эффект получается впечатляющий. Но, к сожалению, вот уже более полувека управленцы и футурологи живут, как правило, в разных мирах, и проблемно-целевой подход в управленческой среде вызывает изначальное отторжение.

Проблема? Да. А кто виноват? И что делать?

...Конец 2007 года стал в этом отношении весьма обнадеживающим. Администрация президента РФ впервые легализовала термин «футурология» (исследования будущего) и поставила его вровень с историей, наградив премиями несколько десятков молодежных работ именно по профилю «Футурология».

Хотелось бы надеяться, что это лишь первый шаг, и что наши планы и программы до 2020 года — в отличие от минувших лет — будут иметь эффективное прогнозное обоснование.

RUSSIA
IN THE 20TH – 21ST CENTURIES
1917–2017
Thrice from the Colossus
to the Collapse and Back

You see the second edition of the book “Russia in the 20th–21st Centuries. 1917–2017. Thrice from the Colossus to the Collapse and Back”. It has passed more than a decade from the time of the first publication (in 1997) initially intended for a foreign reader and the problem situation in Russia has significantly changed.

The reader will find a modern interpretation of social problems in Russia, analysis of their origins and development stages and will clearly see the outlooks for their development until 2020 inclusive. The range of such problems is very wide — from education, science and culture to crime, demographic problems and army issues.

The book is intended for the utmost general reader who is concerned by the cross-disciplinary problematic of social forecasting.

TABLE OF CONTENTS

FROM EDITORS

In Place of Introduction.

IS RUSSIA NOT POSSIBLE ANY MORE?

Part 1. VICTIMS OF ONE EMBODIED UTOPIA

The Enigma and Clue to the Mysterious “Russian Soul”
“Socialism” Versus “Socialism”

Social Indicators of the “Barrack-Room Socialism”

The Viability of the Unviable System: History of the
Seven “Perestroikas”

Part 2. ASIA PRETENDING EUROPE

The Seeming Work for the Seeming Salary

Kshatriyas, Brahmins, Pariahs... the Soviet and Post-
Soviet Variants

Who Do We Have as the “Owner of the Land of Russia” now?

The Third and Fourth World Wars

Part 3. COLOSSUS — COLLAPSE — COLOSSUS AGAIN?

The Family: Degeneration and Escheat

The Reform of the School: Why It is Necessary and Why
It Doesn’t Go?

The Academy of Sciences as the Mausoleum of Agonizing
Science

From the Medicine Battalion to the Civilized Medicine

Culture under Press of Anti-Culture

The Dead-Ends of Hyper Urbanization

The Approaching Environmental Catastrophe

Narcotization of Society

Mafiaization of Society

What Should the Mission Capable Russian Army Be Like?

Part 4. THE OUTLINES OF THE HEREAFTER

The Five Previous Scenarios of the Future: 1988–1992

The Five Modern Scenarios of the Future: 2008–2012

“Radiating Humanity”

IN PLACE OF POSTFACE

экономические Стратегии

академический бизнес-журнал

Журнал для тех,
кто стратегически мыслит,
решает, учится и учит —
словом и делом!

Подписные индексы в каталоге агентства «Роспечать»:
79369 — для индивидуальных подписчиков,
79373 — для предприятий и организаций.
Подписаться можно во всех отделениях связи России.

Адрес редакции: Россия, 101000, Москва,
Сретенский б-р, д. 6/1, стр. 1, офис 4.
Тел./факс: (495) 234-4693/97
E-mail: ines@inesnet.ru

Международная Академия исследований будущего
Академия прогнозирования
Институт экономических стратегий

Бестужев-Лада Игорь Васильевич

**РОССИЯ В XX–XXI ВЕКАХ
1917–2017
ТРИЖДЫ ОТ КОЛОССА
К КОЛЛАПСУ И ОБРАТНО**

Издание 2-е,
исправленное и дополненное

Ответственный за выпуск О.П. Бардова
Редактор Л.С. Климович
Дизайн, верстка Б.Д. Шульгин
Корректор М.А. Янушкевич

В книге использованы иллюстрации
Ж. Грандвила, Л. Бревьера, Ш. Барбанта и Г. Ласне

Некоммерческое партнерство
«Международная Академия исследований будущего»
Телефон издательского центра: (495) 232-5335
E-mail: info@maib.ru
www.maib.ru

РПП ИНЭС Р737

Тираж 5000 экз.

Бестужев-Лада И.В.

Б537 Россия в XX–XXI веках. 1917–2017. Трижды от колосса к коллапсу и обратно / И.В. Бестужев-Лада. — 2-е изд., испр. и дополн. — М.: Международная Академия исследований будущего, 2008. — 224 с.

Перед вами второе издание книги «Россия в XX–XXI веках. 1917–2017. Трижды от колосса к коллапсу и обратно». Со времени первого издания (в 1997 году), рассчитанного первоначально на зарубежного читателя, прошло более десяти лет, и проблемная ситуация в России существенно изменилась.

Читатель найдет в книге современную трактовку социальных проблем России, анализ их происхождения и этапов развития, ясно увидит перспективы их динамики до 2020 года включительно. Круг этих проблем очень широк — от проблем образования, науки и культуры до преступности, демографических проблем и проблем армии.

Книга рассчитана на самого широкого читателя, который интересуется междисциплинарной проблематикой социального прогнозирования.

УДК 94(47+57)+008

ББК 63.3(2)6